

сентябрь – октябрь
5 (115) 2023 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ
И ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ	6	ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Е. В.
ОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: «ТВОРЯЩЕЕ
ВОСПРИЯТИЕ» И УСЛОВИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ
	17	МАРЕЕВА Е. В.
«РУССКИЙ ЕВРОПЕИЗМ» И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ
ТИПЫ В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИКИ ОСОБЕННОГО
ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	34	СИНЯВИНА Н. В., СЛЕПОКУРОВ В. С.
О ЗНАЧИМОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
	41	ГОРЛОВА И. И., ЗИНОВЬЕВА Н. Б.
МЕДИААКТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК
ПОКАЗАТЕЛЬ УСПЕШНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНОВ
	53	КУПЦОВА И. А., ЗИННЯТУЛЛИНА Г. Ф.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
СРЕДЕ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА
	60	ГРИГОРЬЕВА М. А.
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ РАСКРЫТИЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭРИКОМ ДАРДЕЛЕМ
	66	ЖУКОВ А. Д.
ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭСТЕТИКА
И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА	77	ВАРАКИНА Г. В.
ИКОНА КАК ТЕКСТ:
СЕМАНТИКА ТЕЛЕСНОСТИ

- 84 ПЕТРУНИН С. С., ШИБАЕВА М. М.**
ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ
ГЕРМАНСКИХ И КЕЛЬТСКИХ ПЛЕМЕН ПОД
ВОЗДЕЙСТВИЕМ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЕВРОПЫ
- 90 ЛУНГИНА Д. А.**
СОБОР СВЯТИТЕЛЯ ПЕТРА, МИТРОПОЛИТА
МОСКОВСКОГО, И ТРАДИЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО
РЕНЕССАНСА В МОСКОВСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ XV–XVI ВВ.
- 101 ТРУНЦОВА А. В., ВОЕВОДИНА Л. Н.**
СЕМИОТИКА БОЛИ В БАЛЕТНОМ ИСКУССТВЕ
- 110 ГАВРИЛИНА Л. М.**
«ДУХ МЕСТА» СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА
КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ
- 121 НЕЖЕНЕЦ Н. И.**
СЮЖЕТНО-СТИЛЕВОЕ И СМЫСЛОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ПОЭМЫ А. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

**ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

- 132 ЯРОШЕНКО Н. Н.**
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ К. Д. УШИНСКОГО
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
- 144 ЛОПАТИНА Н. В., НЕРЕТИН О. П.**
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ IP-КУЛЬТУРЫ:
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ
- 153 ОНУЧИНА К. К., КУДРИНА Е. Л.**
ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ
- 161 НОВАШИНА М. С.**
КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ЛИДЕРА В ЦИФРОВУЮ
ЭПОХУ ПО Т. ЧАМОРРО-ПРЕМУЗИЧУ
- 171 МАЙКОВСКАЯ Л. С., ЧЭНЬ Б.**
ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ИНТОНИРОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ
САКСОФОНИСТА К ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ**

- 180 БОРОНИНА Н. В.**
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

September – October
5 (115) 2023
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

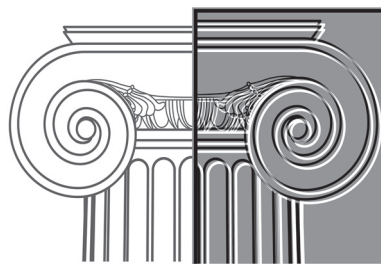
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

HISTORY OF PHILOSOPHY AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY	6	ZOLOTUKHINA-ABOLINA E. V. ONTOLOGY OF CULTURE: "CREATIVE PERCEPTION" AND CONDITIONS FOR ITS IMPLEMENTATION
	17	MAREEVA E. V. "RUSSIAN EUROPEANISM" AND ITS HISTORICAL TYPES IN THE LIGHT OF THE DIALECTICS OF THE PARTICULAR
THEORY AND HISTORY OF CULTURE	34	SINYAVINA N. V., SLEPOKUROV V. S. ON THE IMPORTANCE OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE AT THE PRESENT STAGE
	41	GORLOVA I. I., ZINOVIEVA N. B. MEDIA ACTIVITY IN SOCIAL NETWORKS AS AN INDICATOR OF THE SUCCESS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF REGIONAL CULTURE
	53	KUPTSOVA I. A., ZINNYATULLINA G. F. TRANSFORMATION OF EVERYDAY CULTURE OF RUSSIAN MUSLIMS IN THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE METROPOLITAN METROPOLIS
	60	GRIGORIEVA M. A. PHENOMENOLOGICAL DISCLOSURE OF GEOGRAPHICAL SPACE BY ERIC DARDEL
	66	ZHUKOV A. D. GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EDUCATIONAL PROCESS: CHALLENGES AND PROSPECTS
AESTHETICS AND ART CULTURE	77	VARAKINA G. V. ICON AS TEXT: SEMANTICS OF CORPORITY

- 84 PETRUNIN S. S., SHIBAEVA M. M.**
DESACRALIZATION OF THE CULTURE OF ANCIENT
GERMAN AND CELTIC TRIBES UNDER THE INFLUENCE
OF THE CHRISTIANIZATION OF EUROPE
- 90 LUNGINA D. A.**
THE CATHEDRAL OF ST. PETER, METROPOLITAN OF MOSCOW,
AND THE TRADITIONS OF THE ITALIAN RENAISSANCE IN
MOSCOW ARCHITECTURE OF THE XV–XVI CENTURIES
- 101 TRUNOVA A. V., VOEVODINA L. N.**
SEMIOTICS OF PAIN IN BALLET ART
- 110 GAVRILINA L. M.**
«GENIUS LOCI» OF A MODERN CITY AS AN EXISTENTIAL NEED
- 121 NEZHENETS N. I.**
PLOT-STILE AND SEMINICAL ORIGINALITY OF
A. TVARDOVSKY'S POEM "VASILY TERKIN"
- PEDAGOGY AND EDUCATION IN THE
FIELD OF CULTURE**
- 132 YAROSHENKO N. N.**
THE PEDAGOGICAL LEGACY OF K. D. USHINSKY
IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE:
THE EXPERIENCE OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH
- 144 LOPATINA N. V., NERETIN O. P.**
PEDAGOGICAL DESIGN OF IP CULTURE:
CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR DIGITAL SOLUTIONS
- 153 ONUCHINA K. K., KUDRINA E. L.**
FACTORS OF ACTUALIZATION OF THE FORMATION OF
HEALTH-PRESERVING PROFESSIONAL COMPETENCE
OF STUDENTS AT THE UNIVERSITY
- 161 NOVASHINA M. S.**
THE CONCEPT OF EDUCATING A LEADER IN THE
DIGITAL AGE BY T. CHAMORRO-PREMUZIC
- 171 MAYKOVSKAYA L. S., CHEN B.**
THE PHENOMENON OF INTONATION CULTURE
IN THE PREPARATION OF A SAXOPHONIST
FOR PERFORMING ACTIVITIES
- LIBRARY SCIENCE,
BIBLIOGRAPHY
AND BOOK STUDIES**
- 180 BORONINA N. V.**
SOCIO-PEDAGOGICAL POTENTIAL OF SCIENTIFIC LIBRARIES
IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ

ОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: «ТВОРЯЩЕЕ ВОСПРИЯТИЕ» И УСЛОВИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

УДК 304.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-6-16>

Е. В. Золотухина - Аболина

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена роли восприятия в создании «онтологических единиц культуры» – артефактов, субъектов и событий. Опираясь на методологический подход В. Б. Меласа, согласно которому категориальная пара «восприятие – принятие» обеспечивает в культуре конструирование «существующих», автор стремится хотя бы конспективно описать специфику восприятия, которое рассматривается как механизм, выделяющий из фона мира локальные объекты и формирующий картину реальности. В статье отмечается, что несущие в себе глубокое различие конкретно-чувственные вещи и идеи-обобщения все же воспринимаются людьми как в чем-то рядоположенные и сопоставимые, в любом случае – взаимодействующие и переходящие друг в друга. Символическое в полной мере воспринимается, а не просто понимается. Но восприятие, творя для сознания существующее в культуре, само подчиняется ряду культурных матриц: архетипам, категориям, установкам, габитусу, которые направляют восприятие, формируют направленность воспринимающего внимания. В статье выделяются такие важные моменты для восприятия чего-либо в качестве «существующего», как значимость воспринимаемого, его связь с практическими интересами людей, а также – неизбежная косвенность культурного восприятия – необходимость доверия к опыту других людей и их картине мира. Автор подчеркивает, что вопрос о культурных механизмах «онтологического творчества» высоко злободневен, ибо феномен «восприятия – принятия» активно используется в СМИ.

Ключевые слова: онтология культуры, восприятие, принятие, реальность, абстракции, образы, язык, арефлексивные матрицы.

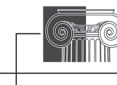
Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. Онтология культуры: «творящее восприятие» и условия его реализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 6–16. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-6-16>

ONTOLOGY OF CULTURE: “CREATIVE PERCEPTION” AND CONDITIONS FOR ITS IMPLEMENTATION

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет

ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA VSEVOLODOVNA – DSc in Philosophy, Professor, South Federal University

© Золотухина-Аболина Е. В., 2023

Elena V. Zolotukhina-Abolina

South Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the role of perception in the creation of “ontological units of culture – artifacts, subjects and events. Relying on the methodological approach of V.B.Melas, according to which the categorical pair “perception – acceptance” provides the construction of “existing” in culture, the author seeks to at least concisely describe the specifics of perception, which is considered as a mechanism that distinguishes local objects from the background of the world and forms a picture of reality. The article notes that, bearing a deep difference in themselves, concretely sensual and things and ideas-generalizations are still perceived by people as somewhat similar and comparable, in any case interacting and passing into each other. The symbolic is fully perceived, not just understood. But perception, creating for consciousness what exists in culture, itself obeys a number of cultural matrices: archetypes, categories, attitudes, habitus, which direct perception, form the direction of the perceiving attention. The article highlights such important points for the perception of something as “existing” as the significance of the perceived, its connection with the practical interests of people, as well as the inevitable indirection of cultural perception - the need to trust the experience of other people and their picture of the world. The author emphasizes that the question of the cultural mechanisms of “ontological creativity” is highly topical, because the phenomenon of “perception – acceptance” is actively used in the media.

Keywords: ontology of culture, perception, acceptance, reality, abstractions, images, language, areflexive matrices.

For citation: Zolotukhina-Abolina E. V. Ontology of culture: “creative perception” and conditions for its implementation. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 6–16. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-6-16>

В этой статье я продолжаю тему, уже начатую в предыдущей статье [3], – тему «онтологии культуры», т. е. того, что, как и почему *полагается существующим*. На этом пути мы находим и противоречия, и парадоксы, и странности, которых не замечаем в повседневной жизни. В своем анализе я опираюсь на подход В. Б. Меласа, предлагающего понятийную пару «восприятие – принятие» в качестве инструмента для анализа темы. Он пишет: «Восприятие и принятие образуют пару дополнительных философских категорий, которые подразумевают друг друга. Нельзя принимать, не воспринимая и невозможно воспринять, не принимая» [9, с. 62]. Я воспользуюсь этим методологическим ходом; и если предыдущая статья концентрировала внимание читателя на теме *принятия*, то эта посвящена *восприятию*.

В «Новой философской энциклопедии» восприятие определяется как «чувственное познание (субъективно представляющееся непосредственным) предметов (физических

вещей, живых существ, людей) и объективных ситуаций (взаимоотношения предметов, движений, событий). Для восприятия характерно специфическое переживание прямого контакта с реальным миром (чувство реальности воспринимаемого) [6, с. 443]. Как не вспомнить бытующую в пересказах идею Дж. Беркли – «существовать – значит быть воспринимаемым»? Беркли занимали несколько иные проблемы, чем мы рассматриваем здесь, но так или иначе существование для человека внешних предметов всегда тесно связано с их *восприятием* – целостным впечатлением, которое формируется в нашем внутреннем мире благодаря сигналам органов чувств. В сущности, мы вправе говорить и о восприятии того, что дано нам в личном воспоминании или фантазии, но в данной статье мы не будем касаться *блужданий сознания внутри круга различных идеальных образов*. Это отдельная большая тема. Сосредоточимся на вопросе о том, как система культуры определяет,

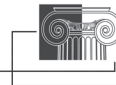
что для нас существует, а что не существует *во внешнем мире*, как естественно-природные явления и артефакты проходят через *культурный фильтр*, который сепарирует их, либо включая в «систему вещей», либо отвергая. И если в прошлой статье мы говорили о необходимости *принятия* в качестве реальных индивидов и артефактов, то здесь мы поднимаемся к (более) исходной позиции. Чтобы нечто было *принято*, оно должно быть сначала *воспринято*, а уж потом его существование может быть подтверждено либо отвергнуто, принято или перечеркнуто. И так, наша *задача* хотя бы кратко указать на те культурные условия и рамки, которые делают для нас вещи, субъектов и события *существующими* – дают им возможность быть *замеченными* (*воспринятыми*) в качестве *наличных*. Лишь потом они могут быть поддержаны нашим принятием и сохраняться – как наличные и «те же самые» – даже при своих трансформациях.

Вещи, бытие и абстракции

Вновь подчеркнем, что в нашем разговоре мы обращаемся к повседневности, в рамках которой и существует сфера культуры со всеми своими этажами высокой духовности. То есть мы говорим об эмпирическом мире, об «области сущего», если выразиться языком М. Хайдеггера, а, значит – о существовании, а не о бытии. Вполне можно согласиться с мнением А. С. Чупрова: «Бытие противостоит не мышлению, а существованию, которое дано нам двояко: 1) в ощущениях внешнего человеку мира; 2) в переживаниях человеком самого себя. В понимании сущего любой философ, к какому бы он направлению ни принадлежал, всегда отталкивается от личного опыта восприятия, переживания и осмысления мира» [13]. Бытие же – философская категория, о нем по сути нечего сказать, ибо оно – за пределами любых дифференциаций. Поэтому о нем невозможно отзываться как о вещи или субъекте: невозможно воспринимать в обычном смысле слова и утверждать «существование бытия». Существование относится к отдельностям, единичностям, чув-

ственно данным моментам мира. Впрочем, стоит отметить, что нам не удастся полностью избежать разговора о бытии. Являясь философской абстракцией, оно все же дано в могучих переживаниях, выходящих нередко за рамки эмпирии, и тогда его реальность превосходит «существование сущих».

Акцентируя особенности живущего в культуре человека, мы тотчас же сталкиваемся с «существованием абстрактных вещей», которые и есть, и нет, и чувственны, и нечувственны. Это общие понятия, внешне выраженные в словах языка и символах. И как не вспомнить здесь бесконечные средневековые споры номинализма и реализма! Мы очень мало знаем о способностях животных к абстрагированию, можно лишь сказать, что она несравненно ниже, чем у людей. Животным свойственно реагировать на мир непосредственно, конкретно-чувственно, согласно инстинкту и той или иной форме рефлекса. Поэтому для животных в абсолютном большинстве существует лишь единичное, «это», «здесь и сейчас». У людей же, развивших в рамках культуры рефлексивную и приобретенную языком, возносящий нас над конкретной фактологией, существование представлено как в конкретных вещах и существах, так и в *обобщениях*, которые тоже есть, имеют место как некие ментальные *единицы*. Никто не видел «человека вообще», «страну вообще», «отношение вообще». Но все они существуют, и мы успешно оперируем этими понятиями каждый день. Культура, благодаря развитию ментального уровня, предоставила нам возможность видеть в совершенно конкретных мужчинах и женщинах, стариках и детях «человека как такового», а, говоря о человеке, иметь в виду конкретную Машу или определенного Васю. Мы привыкли и не обращаем на это внимания, просто прагматически пользуемся общепринятыми словами и понятиями как орудиями. И мы их не просто понимаем (считываем смысл), а именно *воспринимаем*, создавая не всегда вполне осознаваемые, но цельные образы, и, к примеру, образ человека как существующего не сливается у нас

с образом животного, а только по-разному конкретизируется у разных людей. Об этом, кстати, недвусмысленно свидетельствует феномен разного рода легко читаемых пиктограмм, визуальных образов-символов, существующих с древности и до сегодняшнего дня. Об этом свидетельствует опыт художественной литературы, когда из слов (абстракций) вылепливается полноценное переживание жизни. Восприняв слово «человек» (и любое другое), мы автоматически *приписываем его «означаемому» статус существования*, потому что если ничего нет, то и говорить об этом нечего. А дальше наше воображение дорисовывает воспринимаемые детали. Так героев литературного произведения каждый читатель воспринимает по-своему, а экранизации с их чувственной конкретикой даже отвергаются. О вполне чувственном восприятии символического немало писал Э. Кассирер [5].

Таким образом, культура с ее сознанием и языком создает систему постоянного взаимодействия «чувственно существующих» и «абстрактно существующих» агентов, которые взаимодействуют, переплетаются и перетекают друг в друга. И своим восприятием мы полагаем существование и того, и другого, и их переходов. К примеру, изучив чертежи и описания, можно построить вполне конкретно-чувственный дом, а погуляв в лесу, полном запахов, ощущений и вкусов, написать о нем поэму – словами. И деревья, и цветы, и кирпичи существуют как конкретные единичности, хотя, возможно, и обладающие типическими чертами, и они для нас *реальны*. Но и слова, и пиктограммы, и другие символы обобщающего характера тоже существуют, тоже *реальны*, и тоже *воспринимаются*, с одной стороны, направляя нас к своему абстрактному, идеальному, хотя и образному, а с другой – неся на себе неизбежные черты чувственности: «На «духе» с самого начала лежит проклятие – быть «отягощенным» материей» [8, с. 20]. Воспринимая слова в полноте их внешней формы и содержания, несущего общее и отсылающего к конкретному, мы вписываем их в богатство мирового суще-

ствования. И если вспомнить «слова и вещи» М. Фуко, то хочется сказать, что в плане существования они – слова и вещи – в определенном отношении *рядоположены*, хотя не тождественны и не слиты. Культура обогащает мир чувственных предметов сферой понятий и слов, дополняющих мозаику реальности.

В сознании людей, агентов культуры, слово, выступая не только существующим, но и влиятельным, само может *полагать существование*. Конечно, это слово Бога. «1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога. 3. Все чрез Него *начало* быть, и без Него ничто не *начало* быть, что *начало* быть. 4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [1, с. 100]. То есть, Слово – само творец любого существования, его исток. Как ни относиться к христианской вере, это указывает на чрезвычайно *высокий экзистенциальный статус слова*, которое может быть синонимом Создателя. Восприятие и слово здесь меняются местами, и именно Слово дает нам возможность и существовать, и воспринимать.

Существующее как результат восприятия, формируемого культурой

Для человека всегда существует, прежде всего, то, на что направлено его активное восприятие. Таким восприятием, а именно – вниманием, конечно, обладают и животные: кошка сосредоточенно караулит мышь, собака неотступно идет вслед за запахом, птицы выбирают дорогу, сконцентрировавшись на неких вообще не известных человеку факторах. Но в том то, **как** мы знаем, и состоит особенность людей; сфера их возможного внимания потенциально безгранично расширяется, направляя человеческий взгляд на те области (в частности, прошлое и будущее), которые для животных не существуют. Наше восприятие вырывается за рамки инстинктивного и природного. Человек, живущий в конкретной культуре, творит свой жизненный мир *направленным восприятием, принимающим форму внимания*, заостренным, целеустремленным, выделяющим «фигуру на фоне»

окружающей чувственной реальности. Что активно восприняли, то и создали *как наличное*, а уж потом признали, утвердили и вновь воспроизвели в качестве существующего – как объективного, так и субъективного. То есть (и здесь стоит вспомнить о конструктивизме XX века) человек является творцом своей реальности и постоянно создает и пересоздает ее, и здесь, как мы уже отметили, отнюдь не последним фактором является *слово*, а также – все знаково-символические системы, удваивающие область онтологически наличного.

Ряд лет назад я уже занималась проблемой внимания, правда, не расширяя его тогда до целостного восприятия, а, скорее, рассматривая его как узко направленный луч. Но любое внимание – это всегда одновременно целостное, чувственное восприятие, концентрированное, вырывающее предмет интереса из окружающего фона, созидающее его и в общем, и в деталях. Восприятие-внимание *активно онтологизирует свой предмет*, утверждает его бытие, *как бы лепит, конструирует реальность*, награждая ее все более частными подробностями и резко отделяя от «задника», из которого выступает воспринимаемое. Созданные восприятием объекты внимания фиксируются как жизненные и культурные факты: это – есть! Ранее я выделяла такие пространственные характеристики, созидаемые вниманием [4], как «локальное – универсальное», «центр – периферия», «сакральное – профанное», «внешнее – внутреннее». И если некое ощущение «центральности» и «периферийности» есть и у животных, то три другие «онтологические характеристики» возможны только в условиях культуры и наличия сознания. Так, у животных внешнее и внутреннее столь тесно слиты, что представляют единый синкретический комплекс. Интересно, что в XX веке не только мистики, но и философы активно призывали европейского человека вернуться к «изначальному», то есть к слитности, к «бытию-в-мире», где внешнее и внутреннее *онтологически не различимы*. Но, конечно,

не вполне преуспели, потому что онтологическую границу, которая образовалась в ходе развития цивилизованности, невозможно совершенно устранить. Наверное, к счастью. Для нас есть в качестве наличествующего, бытийно данного наш внутренний мир, полный впечатлений и переживаний, и он не только очевиден и действителен, но и ценен. И, взаимодействуя с внешней эмпирией, он всегда отличается от нее.

Утверждение в культуре центра и периферии в качестве реальных, восприятие одних мест как «столиц», а других – как провинции и «захолустья», переживание неких «центров силы» (экономический, политической, культурной) как значимых и практически влиятельных создает в обществе многоплановый и подвижный *онтологический рисунок*, прямо влияющий на жизнь. О центре и периферии пишут книги, их исследуют [2] как социокультурную реалию. Объективные процессы социальной динамики воспринимаются нами, а восприятие творит «особые миры» – притягательные и отталкивающие, ассоциирующиеся с бурной жизнью или покоем.

Области сакрального, противостоящие повседневности, на протяжении тысячелетий человеческой истории рассматривались как не только онтологически реальные, но и как фундирующие весь эмпирический мир. Их чувственно-ментальный образ творился и восприятием мистиков, и переживаниями верующих, отправляющих обряды и ритуалы, прикасавшихся к «онтологии небес» через вполне осязаемую и материально представленную традицию – молитву, крестный ход, через вино, хлеб, следование обычаю. Примечательно, что для людей иной культуры или для неверующих, чье восприятие не направлено на сакральный смысл объективно существующих предметов, «онтология священного» не существует или исчезает, ничего не значит. Для них остаются «просто вещи».

«Творящее восприятие» и «онтологизирующее внимание» актуализируются в связи с потребностями и интересами человека. Как *прирожденные конструктивисты* мы со-

зидаем объекты своей интенциональности в качестве существующих. Довольно старым и все же показательным является пример того, что эскимос различает множество оттенков снега, и каждый вид снега имеет у него свое название, в то время как средний европеец видит только белизну и называет все одним словом «снег». Дело в том, что снег очень важен для жителей холодных краев, и его оттенки, консистенция, текстура приобретают облик «отдельного объекта внимания», рождая вместо «одного снега» – «много снегов». Кстати, это касается любой профессиональной деятельности: каждый профессионал, понимающий свою работу и те интересы – собственные или клиента – которые он должен реализовать, знает термины и видит в качестве отдельных предметов и состояний множество деталей и обстоятельств, которые вообще не существуют для «человека с улицы». Его «фактическая онтология» гораздо богаче. Так, восприятие, подхлестываемое желанием и интересом, становится в культуре демиургом.

Арефлексивные культурные матрицы для «творящего восприятия»

Наше восприятие, отмечающее нечто как реально существующее, направляется многими культурными формами (во многих случаях неосознаваемыми), быть может, не столько бессознательными, сколько арефлексивными. Это нечто вроде *матриц*, по которым отливается и восприятие, и принятие. Во-первых, это архетипы, описанные К.-Г.Юнгом и представляющие собой, несомненно, не просто природные, но в огромной степени социокультурные установки. Если архетипические образы Отца и Матери в немалой степени имеют естественные корни, то представления о Персоне, Тени или Самости, конечно, выражают результат социокультурного процесса, пусть даже, условно говоря, «закодированный в мозге» – ведь это мозг человека. То же относится к представлениям о Рае, Старом Мудреце, Трикстере. Полагание тех или иных явлений как наличных и значимых направляется

архетипами, и мы различаем в мире некие устойчивые паттерны, которые нам не «кажутся», а вполне определенно бытийствуют. Так, все мифы мира говорят нам о наличии Рая, не только как переживаемого и воображаемого, но также важного и ценного состояния. И везде под влиянием архетипа Рай предстает не как жалкая иллюзия, а как пласт бытия, причем высшего. Резюмируя, можно сказать: внутри культуры «Рай есть» и как ценность, и как цель, и как высшее состояние. Мужское и женское начало в различных модификациях тоже всегда весьма внятно различаются, хотя они и скрыто содержат друг друга в качестве противоположностей. Психософический и культурный пол, имея глубокие корни, является для человека неустрашимым фактом, постоянно воспроизводится как существующий даже в гомосексуальных парах, гештальт «женского» и «мужского» сохраняется при всех сознательных попытках его уничтожить: он постоянно творится.

Кроме архетипики культуры, мы можем говорить о фреймах (И. Гофман), габитусе (П. Бурдьё), о тезаурусе, интроецированном понятийно-категориальном аппарате, о совокупности ценностных установок и представлений о «возможном» и «невозможном». Все это – так называемые *«когнитивные структуры схематизации опыта»*, которые имеют свою выраженную *онтологическую сторону*. В нашем контексте – это фильтры восприятия, позволяющие *одним вещам быть, а другим не быть* для нашего сознания. Габитус, совокупность социальных убеждений, установок и привычек определяет, что для человека существует, например, в большом городе. Один знает только пивные, кабаки и места «выяснения отношений», а музеи и театры для него и вовсе не существуют, а другой – ровным счетом наоборот. Для одних «онтология города» – это конгломерат магазинов, где можно найти много товаров, а для других – роскошь библиотек, где наличествуют как старые фолианты, так и новые компьютерные хранилища знаний. Кстати сказать, поскольку ландшафты поселений меняются

(возникают мегаполисы, исчезают сельские пейзажи), то любой человек может заметить, что круг его восприятия достаточно ограничен и для него «существует» (актуально воспринимается как наличный) лишь небольшой ареал известных мест, где он бывает *лично*. Остальное – только значки на карте города. И это зависит, как мы уже заметили, от «габитуса» – рода занятий, особенностей индивидуальной истории, образованности, круга интересов и т. д.

Далее: понятийно-категориальная сетка, присущая конкретной культуре, полагает для нас ряд квалификационных характеристик мира в качестве воспринимаемых «сущностей» (отдельных реалий). Так, для современных людей, озабоченных количеством и скоростью, вполне объективными видятся часы и минуты, километры и килограммы, хотя это на самом деле – не более чем различные меры, то есть конкретизированные отношения, успешно *реифицированные* в нашем восприятии. И всякий раз надо делать усилие, чтобы вспомнить, что это не вещи и не онтологические факты, а только результат сравнения и оценки, функционирующий в данной культуре: могут же быть не километры, а мили! Кроме того, в былые эпохи никто не воспринимал в качестве реалии такой феномен как «две минуты опоздания» и не соотносился с подобными факторами, потому что люди назначали встречу, «когда солнце встанет», что является несколько неопределенным процессом. Точно так же мы воспринимаем как существующие и испытываем по отношению к ним сильные эмоции такие явления, как товар, капитал, финансы, хотя «воспринять» их в подлинном смысле нельзя и невозможно утверждать, что они существуют подобно предметам и существам. Эта ситуация была описана К. Марксом в «Капитале» и интересно проанализирована М. К. Мамардашвили в его работе «Превращенные формы. Необходимость иррациональных выражений» [7]. Хотя здесь примечательным и недостаточно раскрытым выступает вопрос о том, каков вообще способ существования *отношений*. От-

ношения, несомненно, нами воспринимаются переживаются, но способ их существования иной, чем бытийствование вещей и существ.

Культура регулирует наше восприятие и определяет спектр существующего, благодаря совокупности *установок и убеждений*. Если в социуме укоренились представления о том, что «нечто невозможно», то факты, соответствующие «возможному», будут достаточно долго просто не замечаться, не приниматься во внимание, отторгаться как *не существующие*. Они будут считаться ложью и выдумкой – то есть, не обретать онтологического статуса *реальных*. В крайнем случае, они будут прочитываться как исключение из правила, кунштюк, и в этом смысле не значимые для действительной практической жизни. Но если постепенно вводить новую информацию, квалифицируя ее как «нормальную» и реалистическую, то шаг за шагом она принимается как действительная и допустимая (модное нынче «Окно Овертона»). Приведем пример, случайно найденный мной в Интернете: «В 2011 году американский христианский активист Джо Картер опубликовал статью «Как уничтожить культуру за 5 простых шагов». Он предложил следующее: найти маргинальную группу людей, для которой внедряемая идея покажется нормальной. Так из немыслимой она превращается в радикальную. Сделать радикальное приемлемым. Для этого нужно сменить термины, например, назвать каннибализм «антропофагией». Приемлемое сделать разумным. Например, найти объяснение, почему каннибализм – это нормально, так поступали наши предки: каннибализм распространен среди животных, это заложено природой и т. д. Сделать идею популярной: рассказать, что некоторые из великих людей были каннибалами. Закрепить новую норму в законе» [11]. Интересно, что автор цитируемой статьи, имя которого не названо, не согласен с Джо Картером. Он считает, что «сначала меняется норма, а потом начинается общественное обсуждение» [11]. Но в том-то и дело, что *норма меняется не сама!* На примере легализации *трансгендерности* мы видим, что норма мо-

жет в ситуации культурного кризиса *активно насаждаться*, пропагандироваться и вменяться: то, что было невысказано, дико и смешно, что считалось несуществующим и невозможным, становится полнейшей *реальностью*. Новое явление приобретает не только онтологический статус, но и оказывается «ведущим трендом», начинает служить инструкцией для поведения. Описанная в тексте 2011 года вымышленная ситуация – господство идей маргинальной группы, в данном случае группы с половыми отклонениями, стала в наши дни настойчиво внедряться в США и Европе в качестве государственной политики. Установки и стиль жизни маргиналов, будучи подпитаны большими деньгами, создают *новую угрожающую реальность*, которая, в свою очередь, многообразно культурных средств формирует восприятие новых поколений.

Восприятие существующего: значимость, действенность, достоверность

В предыдущей, отмеченной выше статье я уже высказывала мысль, что в культуре существование глубоко связано с той *значимостью*, которую нечто имеет для конкретных лиц, групп и общества в целом. Наше восприятие фиксирует, прежде всего, существование того, что для нас *важно*, а менее значимое, второстепенное оказывается фоном, не попадает в фокус внимания. Поэтому оно или не существует для нас вовсе или существует как маргиналия – «по краям». Однако значимое, замечаемое и принимаемое нами не является сплошным массивом. Оно обладает собственной *иерархией*, которая всегда выражена в пирамидальном строении ценностей, присущих культуре, и эта пирамида, имеющая свои по-разному воспринимаемые ступени, переживается как особый вид реальности. Низшее в ней (менее значимое) это то, чем жертвуют ради высшего, от чего можно и следует отказаться в ситуации социокультурного вызова. Это низшее (хотя вовсе не «плохое») как бы менее реально, менее бытийно, оно вторично. Восприятие «самого ценного» таково, что оно обладает для нас *более фундамен-*

тальным бытием, чем все его производные, оно *крепче онтологически укоренено*: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Во время войн и катастроф люди жертвуют и удобствами, и здоровьем, и собственной жизнью ради того, что для них наиболее *онтологически фундаментально* и на чем, согласно их убеждениям, *держится мир*. Хорошее онтологическое понимание ценности дает А. Менегетти: «Ценность – что это такое? “То, что делает нечто большим”. В каком смысле “большим”? То, что вносит больше бытия – любая феноменология, осуществляющая, в конечном итоге, большее онтическое инвестирование: делает большим (неважно, идет ли речь о деньгах, чувствах, политических связях и т. д.). Здоровье, красота, ум обретают свое качество дара лишь тогда, когда ведут к полноте бытия» [10, с. 116]. Для религиозных авторов является аксиомой, что Бог есть Благо и есть Бытие. *Ценность веры* как раз и состоит в восприятии посредством нее самого Бога-Бытия, а не только отдельных вещей, единичных существ, то есть онтологически главного. И, согласно убеждению религиозных философов, «сама “иерархия ценностей” есть нечто абсолютно неизменное, в то время как “правила предпочтения”, возникающие в истории, принципиально переменны» [14, с. 306].

Для человека же чисто светского восприятие и искреннее переживание высших социокультурных ценностей тоже ассоциируется с реальной *онтологической базой* повседневного существования. Это образ жизни, стиль жизни, хозяйственный и бытовой уклад, это те формы, в которых уже по факту осуществляется экономическая, политическая и юридическая справедливость, то есть то «*более широкое*» и «*более глубокое*», чем *индивид*; *начало*, с чем эти индивиды себя идентифицируют. И если эта «бытийная основа» индивидуального существования начинает восприниматься как ложная, фальшивая и имитативная, то нередко возникает тяжелый личностный кризис, потеря почвы под ногами. Но личное существование без той или иной «ценностно-онтологической

базы» является пустой маятой. Критикуя экзистенциализм XX века за отчаяние и уныние, П. Тиллих справедливо говорит, что «мужество быть собой» (воспринимать лишь себя как реальную онтологическую единицу, да к тому же обладающую полнотой свободы) имеет свои зримые пределы: «Человек может утверждать себя лишь в том случае, если он утверждает не пустой сосуд, не чистую возможность, а структуру бытия, внутри которого он располагается еще до действия или не действия» [12, с. 107].

Оттолкнувшись от цитаты Тиллиха, обратим внимание на еще один аспект восприятия «как творца существования», это как раз аспект деятельности. Культура – это формы и способы действия, это вся совокупность созданных деятельностью артефактов, и наиболее реальными являются для нас те из них, которые *провоцируют наше активное поведение*, являются мотиваторами поступков. Что-либо прекрасное и, возможно, некогда интересное *выпадает за пределы человеческого восприятия*, если оно *теряет связь с любимыми видами практической жизни*. Так порой уходят в прошлое и теряются целые культурные пласты, оставаясь уделом узких специалистов: область их существования сужается, онтологический статус теряется. Это можно сказать, например, о древних языках, греческом и латыни, которые в свое время воспринимались как фундамент гуманитарного образования, высоко ценились и активно использовались в сфере теории. Но технико-технологическое развитие изменило предметы научного разговора, в международной практике возобладал на настоящем этапе английский; греческий и латынь удалили из программ обучения, и их существование как важной составной гуманитарной культуры оказалось под вопросом. В обществе существует, функционирует и развивается то, что воспринимается и принимается как *актуальное, злободневное*, что включает людей в активное взаимодействие с природой и друг с другом. И такого рода «восприятие-внимание» отчасти скла-

дывается стихийно, а отчасти может быть сознательно направленным. Так в настоящий момент для молодых поколений начинает вновь возникать история и культура Советского Союза, которая на тридцать лет была вычеркнута из разряда «существующих и значимых», вычеркнута не самой историей, а волей политиков и экономистов. Восприятие-внимание реконструирует и обновляет свой предмет, сообщая ему бытийный статус.

Третий момент, на который хотелось бы в данном случае указать, это восприятие *в качестве существующего* того, что мы знаем или полагаем *с достоверностью*. Принято, учтено и включено в нашу картину мира может только то, что воспринято очевидно и непосредственно, удостоверено нашими органами чувств, да еще подтверждено восприятием других людей. В отличие от гуссерлевской «внутренней очевидности» восприятие внешнего не может базироваться только на внутренней интенциональности, оно должно быть *подтверждено другими*. Впрочем, здесь есть и обратная сторона медали: другие могут *обманывать*, фальшивить, ошибаться и намеренно нас дезинформировать. А ведь если взглянуть попристальней, то совершенно ясно становится то, что лишь малую часть наших впечатлений и представлений о действительности, о том, что есть и чего нет, мы получаем непосредственно, львиная доля представлений о реальном положении дел приходит к любому человеку *из вторых рук*. Восприятие чего-либо как существующего, реального формируется не только личным столкновением с реальностью (иногда в прямом смысле – лбом об стену), но и воспитанием, картиной мира, транслируемой через обучение, сложившимися обыденными и научными представлениями. Мы знаем, что есть другие города и другие страны, другие народы, другие планеты, хотя лично никогда с ними не соприкасались.

Принятое нами представление о реальности формируется *косвенными данными*, построенными *на доверии к другим людям*.

Наше восприятие и принятие многих вещей как существующих и действительных – следствие *чужого* опыта и чужой интерпретации. Разумеется, здесь работает правило «доверяй, но проверяй», хотя всего лично проверить невозможно. Поэтому время от времени мы испытываем некий культурно-онтологический кризис», когда были уверены, что нечто «есть» или «было», а оказывается, что этого и не было, и не существует. Или это вообще являет собой нечто иное, и надо не только иначе это воспринимать, но и подбирать другие слова и менять присвоенные явлению имена. Опыт специальной военной операции последних двух лет, столкновение России с коллективным Западом и сопровождающая эти события информационная война показали, что существование чего либо – факта, события, существования человека, положения дел – очень часто неопределенно и ставится под вопрос. Не менее часто действительная, объективно наличная ситуация искажается и подвергается «выворачиванию наизнанку». Проблема фейка и «анти-фейка» – это вопрос о том, что реально существует (происходит), а что оказывается заведомой выдумкой, операцией по дезориентации населения и способом создать выгодное общественное мнение. Так, казалось бы, абстрактная проблема «существования» становится сверхактуальной в политическом, экономическом и психологическом отношении, в конечном счете – в отношении экзистенциальном: быть нам или не быть?

Таким образом, реальность культуры складывается из ряда взаимодействующих моментов. В ней, прежде всего, выделяются нашим восприятием значимые «единицы», которые оказываются *разнородны по своим онтологическим свойствам*: это как конкретно-чувственные единичные агенты, так и знаково-оформленные обобщения – образы и понятия нашего внутреннего мира, получившие формы внешней выразительности. Они в полной мере обладают бытием, существуют и вовсе не «эфемерны». «Идеальные составные» не просто «умственно» по-

нимаются, но полноценно воспринимаются, порождая образы и смыслы, близкие к тем, что возникают в результате собственно чувственного восприятия. Хотя отличия, конечно, присутствуют.

Человеческое восприятие, направленное на мир, реализует себя в виде внимания, имеющего конструктивистский характер и создающего множество онтологических единиц – объектов и других субъектов.

Восприятие как «внешних», так и «внутренних» образно-смысловых факторов направляется *рядом культурных механизмов*, которые можно назвать когнитивными структурами схематизации опыта. Это архетипы, понятийно-категориальный аппарат, габитус, установки и убеждения, действующие в большой степени бессознательно. Нечто вообще воспринимается и, стало быть, принимается *как существующее*, только если позволяет эта сеть, которая пропускает или не пропускает к сознанию (вспомним З. Фрейда!) факт существования определенных явлений, событий, сюжетов. Там, где наши убеждения и установки, наш тезаурус «не позволяют» воспринимать нечто как реально существующее, мы в упор его не увидим, не зафиксируем бытия этого явления. Соответственно мы его не примем как реальный факт, не подтвердим для себя его бытие. Поэтому некоторые обстоятельства и события культурной жизни долго могут быть «невидимками», пока не изменится под влиянием внешних и внутренних перемен «пропускная сеть», позволяющая воспринять и удостоверить факт существования. Этим активно пользуются современные СМИ для воздействия на массовое сознание.

Чтобы явление культуры было нами полноценно воспринято в качестве существующего, оно должно быть *значимым*, а также связанным с *практическим применением*, определенным образом побуждать людей к взаимодействию и к действию. Все неустребованное как бы теряет онтологический статус, неинтересное перестает существовать и в лучшем случае оседает до своей реактуализации на задворках культуры.

Наконец, наше восприятие чего-либо как существующего, требуя конкретно-чувственной достоверности, тем не менее вынуждено *удовлетворяться многоплановыми опосредованиями*. Косвенность и восприятия

и принятия – закон культурной жизни, благодаря которому для человека открывается не только узкое поле его непосредственного чувственного контакта с миром, но вся вселенная.

Список литературы

1. Библия. Евангелие от Иоанна Глава 1. 1–4 // Библия, Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета Москва: Издание Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов 1968. Новый Завет. 292 с.
2. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
3. *Золотухина-Аболина Е. В.* Онтологический парадокс культуры: виды проявления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2023, 2 (112) С. 14–23.
4. *Золотухина-Аболина Е. В.* Внимание: сотворение пространства // Научная мысль Кавказа № 4. 2013. С. 135–142.
5. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке Москва: Гардарика, 1998. 784 с.
6. *Лекторский В. А.* Восприятие // Новая философская энциклопедия Т. 1. Москва, 2000. С. 443–448.
7. *Мамардашвили М. К.* «Превращенные формы. Необходимость иррациональных выражений» [Электронный ресурс] URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1688221921&tld=ru&lang=ru&name=08%20Превращенные%20формы.pdf&text=превращенная%20форма%20деятельности%20мамардашвили%20>
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 3. С. 7–544.
9. *Мелас В. Б.* Проблема существования и принцип дополнительности философских категорий // Логико-философские штудии. Том 17 (№ 1), 2019. С. 62–72.
10. *Менегетти А.* Психология лидера. Москва: ННБФ «Онтопсихология» 2002. 208 с.
11. Почему окно Овертона – это миф? [Электронный ресурс] URL: <https://artforintrovert.ru/tpost/ygp0tib5b1-pochemu-okno-overtona-eto-mif>
12. *Тиллих П.* Мужество быть // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. Москва: Юрист, 1995. С. 7–131.
13. *Чупров А. С.* Фундаментальность проблемы бытия и существования в перспективе истории философии // Электронный журнал «Топос» 19.03.2021: URL: <https://www.topos.ru/autor/aleksandr-chuprov>
14. *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. Москва: Гнозис, 1994. 490 с.

*

Поступила в редакцию 25.06.2023

«РУССКИЙ ЕВРОПЕИЗМ» И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИКИ ОСОБЕННОГО

УДК 930.1(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-17-32>

Е. В. Мареева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Аннотация: В статье осуществлен анализ либеральной, консервативной и социалистической интерпретаций «русского европеизма» как способов и моментов самоопределения России. Автор показывает, что «русский европеизм» был следствием освоения европейского опыта в свете противоречивости последнего. На примере П. Я. Чаадаева рассмотрено, как парадоксально происходило разложение либеральной идеи на русской почве еще до ее укоренения в России. В этих условиях у Чаадаева интерпретация «русского европеизма» выглядит как либеральная поза и «русский дендизм». Автор делает акцент на том, что уже в своих истоках позиция И. В. Киреевского была отражением противоречий либерального развития Европы, которая выросла из аналогичной консервативной реакции на либерализм в самой Европе. «Русский социализм» А. И. Герцена рассмотрен в контексте общеевропейского социалистического движения. Автор исходит из того, что «русский европеизм» нельзя понимать как перенос европейских ценностей, образа мыслей и действий на русскую почву. Однако он может быть адекватно понят как способ самоопределения России, становления ее особой судьбы и культуры через освоение европейского опыта и через отношение к классическим идеалам в точке их пересечения с уже существующей культурной традицией.

Ключевые слова: «русский европеизм», И. Киреевский, П. Чаадаев, А. Герцен, консерватизм, либерализм, социализм, «русский дендизм», православие, крестьянская община.

Для цитирования: Мареева Е. В. «Русский европеизм» и его исторические типы в свете диалектики особенного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 17–32. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-17-32>

“RUSSIAN EUROPEANISM” AND ITS HISTORICAL TYPES IN THE LIGHT OF THE DIALECTICS OF THE PARTICULAR

Elena V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

МАРЕЕВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Московский государственный институт культуры

MAREEVA ELENA VALENTINOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Moscow State Institute of Culture

© Мареева Е. В., 2023

Abstract: The article realized analyzed liberal, conservative and socialist interpretations of "Russian Europeanism" as ways and moments of self-determination Russia. The author shows, that "Russian Europeanism" was the assimilation of European experience in the light of the contradictory nature of the latter. Using the example of P. Y. Chaadaev, it is examined how paradoxically the liberal idea decomposed on Russian soil even before it took root in Russia. In these conditions Chaadaev's interpretation of "Russian Europeanism" looks like liberal posturing and "Russian dandyism". The author emphasizes that already in its origins I. V. Kireevsky's position was a reflection of the contradictions of the liberal development of Europe, which grew out of a similar conservative reaction to liberalism in Europe itself. "Russian socialism" A. I. Herzen is examined in the context of the pan-European socialist movement. The author proceeds on the basis, that "Russian Europeanism" can be adequately understood not as a transfer of European values, ways of thinking and acting on Russian soil, but as a way of self-determination of Russia, the formation of its special destiny and culture, which occurs through the assimilation of European experience and attitude to classical ideals at the point of their intersection with the existing cultural tradition.

Keywords: "Russian Europeanism", I. Kireevsky, P. Chaadaev, A. Herzen, conservatism, liberalism, socialism, «Russian dandyism», Orthodoxy, peasant community.

For citation: Mareeva E. V. "Russian Europeanism" and its historical types in the light of the dialectics of the particular. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 17–32. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-17-32>

Европеизм из ряда тех понятий, которые имеют не только академический смысл. Споры о «русском европеизме» в том или ином виде возникают на каждом важном этапе в судьбе России. Об этом спорили после реформ Петра I. Острый спор шел в канун и в ходе революций начала XX века. Актуальность темы европеизма то нарастает, то эта тема выходит «из моды», в зависимости от конъюнктуры и социальных трансформаций. Возобновилась в своей сути полемика о «русском европеизме» сегодня, с чем связан наш интерес к истории вопроса.

В первой части своей известной книги «Идея культуры. Очерки по философии культуры» В. М. Межуев различает понятие и идею, связывая последнюю с ценностным измерением мышления. Если научное понятие ориентировано на объективность и всеобщность, то идея, согласно Межуеву, всегда несет в себе момент рефлексии и самосознания, что характерным образом выражает себя на уровне философских идей [20, с. 19–20]. Здесь не имеет смысла вступать в полемику и углубляться в вопрос о теоретической форме философского анализа, в которой также присутствует момент объективности и всеобщности. Тем не менее стоит, следуя

Межуеву, признать в европеизме способ самоидентификации человека и коллектива. Идею «русского европеизма» в близком Межуеву смысле можно причислить к области культурного и даже национального самосознания, без чего невозможно самоопределение народа.

Уточняя методологическую сторону вопроса, обратим внимание на распространенный акцент в научных статьях на многогранности предмета исследований. Но чем «многограннее» наше понимание, тем абстрактнее его содержание. Стремясь охватить все возможные аспекты, мы, как правило, грешим эклектикой. Потому в разговоре о «русском европеизме» стоит избрать противоположный методологический ход – искать конкретный подход и тот аспект, который обнаружит *особенность* данного понятия.

Вполне естественно, что в самой Европе эта тема связана с осознанием европейцами своего континентального единства – в культурно цивилизационном, политическом и духовной смысле. Европа – родина так называемого «западного общества», которое имеет непростую историю самоопределения, а затем – утверждения в контексте мировой культуры и цивилизации. Именно поэтому одни западные ученые «рассматривают европеизм

как историю интеграции Европы и ее частей, другие – определяют его в более широком, цивилизационном, контексте как процесс развития культурно-исторической, духовно-религиозной общности» [3, с. 158]. Эти два вектора анализа, по сути, сводятся к двум моментам: 1) как наши соседи стали «европейцами» и 2) как весь мир становится ими.

Если подходить к указанной проблеме чисто формально, то «русский европеизм» – это разновидность европеизма вообще, европеизма как такового. Собственно, так и считают те наши соотечественники, которые убеждены: «Россия це Европа». Впрочем, таким же образом рассуждал более ста лет назад Политик – герой «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе» у В. С. Соловьева. «Я хотел сказать, что настоящее существительное к прилагательному русский есть европеец. Мы русские европейцы, как есть европейцы английские, французские, немецкие. ... Все должны стать европейцами. Понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира – с понятием человечества. <...> Европеец – это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся объемом» [24, с. 697].

И тем не менее, как показывает история русской культуры, это понятие обрело свое нетривиальное значение именно там, где пытались осознать не только близость к европейцам, но и отличие. Особенный смысл идеи «русского европеизма» – в осознании и осмыслении сложного отношения русского человека к европейской культуре и западной цивилизации. И это отношение не сводимо ни к тождеству, ни к противостоянию, а рождает чреватый противоречием новый культурный феномен.

Истоки «русского европеизма» можно искать и в Московском царстве, и даже в крещении Руси. Но развитую рефлексивную форму эта идея обретает в XIX веке, соб-

ственно там, где она и была впервые выражена А. И. Герценом.

Историк В. Г. Шукин, уточняя разницу между собственным подходом к проблеме «русского европеизма» и методологией, из которой исходит В. К. Кантор, различает историю культуры и историю идей. Как «чистого» историка идей, отмечает он, Кантора «интересует не то, как люди себя ведут, и даже не их мироощущение, а то, какие идейные концепции они выстраивают и чем эти концепции чреваты» [31]. Но историк культуры, уточняет Шукин далее, уверен в том, «что нельзя изучать содержание идей, не понимая той специфической формы, в которой они создавались и высказывались, а форма эта зависит от широкого культурного и психологического контекста, в котором каждый человек был воспитан и в котором он существовал» [31]. Иначе говоря, если Кантора интересует эволюция идеи принадлежности к Европе, то Шукина – те формы самосознания и действия, которые порождает европейское влияние на русской почве. Здесь в центре внимания трансформация европеизма как типа личности и формы самосознания на пересечении европейской и русской культуры и, соответственно, их влияние на последнюю.

В «Идее культуры» В. М. Межуев подчеркивает роль эпохи Возрождения в становлении самосознания европейского человека как свободного творческого субъекта, способного быть творцом самого себя. «Ренессанс, – пишет он, – утвердил право человека на то, чтобы считать себя ни на кого не похожей индивидуальностью, главное достоинство которой заключено в ее творчестве и том мастерстве, с каким оно осуществляется» [20, с. 51]. О том, что здесь сердцевина европеизма, нужно сказать особо в свете привычных трактовок реформ Петра Первого, которого, прежде всего, интересовали достижения европейских наук, технологический прогресс и рациональное ведение хозяйства. Но был ли он очарован идеей личной свободы и европейской демократией?

Все это обретает свое объяснение в свете представления о «догоняющей модернизации», которая не предполагает в качестве своих предпосылок, с одной стороны, наемный труд и частную собственность, а с другой – общество граждан со свободой совести и политическими правами. В этом смысле Петр Первый, насаждавший язык, одежду и нравы, взятые из Европы, не был последовательным выразителем идеи «русского европеизма». Нельзя отрицать величие этой фигуры в ряду правителей других эпох. Но вряд ли стоит согласиться с пафосом К. Д. Кавелина, который писал: «В Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права <...>. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории» [11, с. 59].

Тем не менее, уже к началу XIX века через прорубленное Петром «окно в Европу» в Россию стали проникать идеи европейского гуманизма, и в обществе формировалось стремление к личной свободе, которое на почве дворянской культуры обретало причудливые формы. Сам термин «гуманизм», как известно, предложил Н. М. Карамзин, который в «Записках русского путешественника» повествует о достижениях Европы, прежде всего, в области развития духа. И у него же, по мнению В. Кантора, зарождается тот идеальный образ Европы, которую будут считать своей духовной родиной поколения русских дворян и разночинцев.

Духовной родиной ренессансного человека был образ античности, уже проникнутый духом христианства, и как раз в этом новом качестве он стал основанием развития ренессансного типа культуры. Рассуждая о стилизации античности в образе жизни ренессансного человека, Л. М. Баткин отмечал: «Гуманисты хотели жить <...> в мире культурных образов, который был ими выстроен с помощью старых книг» [1, с. 112]. Во многом сконструированным был образ Европы в рамках «русского европеизма». И в этом качестве он стал моментом исторической трансформации России.

«В течение долгого времени, – писал Г. П. Федотов, – Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москвы-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее» [27, с. 178]. Этот образ Европы стал складываться уже в общении «архивных юношей», которые служили в начале 1820-х в Московском архиве Коллегии иностранных дел, но использовали служебное время для увлеченных бесед о философии и литературе. Тем самым архив, по словам современников, стал превращаться в своеобразный аристократический клуб выпускников Московского университета, инициативы которых сошли на нет после восстания декабристов.

Занимаясь историей «русского европеизма» Г. П. Федотов различал банальное подражание Европе и стремление развить «культурную идею Европы» на русской почве. Первое, по его мнению, породило наших «западников», а второе – «русских европейцев» [27, с. 179]. Обратим внимание на то, что в культурной жизни России XIX века они могли быть антиподами. И начать стоит с Ивана Киреевского, который после обучения у профессоров Московского университета стал служить в Московском архиве Коллегии иностранных дел и примыкал к «архивным юношам». При этом дальнейший путь его духовного развития позволяет отделить «русский европеизм» уже от банальной версии славянофильства.

«Русский европеизм» первой половины XIX века иногда именуют «просвещенческим европеизмом» из-за растущего увлечения идеей европейской просвещенности, но ее воплощением уже считали не французское Просвещение, а немецкий идеализм, представленный учениями Шеллинга и Гегеля. Иван Киреевский и его брат Петр были воспитаны отчимом и матерью – увлеченными шеллингианцами. Устремившись в 1830 году в Германию, Иван Киреевский в Берлине слушает лекции Гегеля, ректора Берлинского университета, и даже посещает его дома, а переехав к брату в Мюнхен, слушает Шеллинга. Каким же предстает образ Европы и европей-

ской просвещенности в итоге этой поездки? Об этом мы узнаем из статьи Ивана Киреевского «Девятнадцатый век», опубликованной в журнале «Европеец», который он стал издавать в 1832 году и на который возлагал большие надежды в деле утверждения на русской почве европейских идей.

Традиционное изложение духовной биографии Ивана Киреевского предполагает два противоположных этапа: «ранний», когда Киреевский занимается пропагандой западной истории, культуры и просвещенности, и «поздний», когда он отказывается от этого в пользу славянофильства. Собственно, за пропаганду либеральных идей и был закрыт журнал «Европеец». Но провозглашались ли в нем идеи политических свобод и конституции в духе Французской революции?

Статья Киреевского «Девятнадцатый век», судя по письму А. Х. Бенкендорфа, излагавшего позицию Николая I, была воспринята как политический вызов. Иначе, как мы знаем, была в итоге воспринята императором публикация одного из «Философических писем» П. Я. Чаадаева, из-за чего в 1836 году был закрыт журнал «Телескоп». Решение Николая I объявить Чаадаева сумасшедшим – с соответствующими ограничениями в передвижении и писательской деятельности – было, скорее, издевкой, чем серьезным наказанием. И это при том, что А. И. Герцен в мемуарах «Былое и думы», а затем В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена», ставят Петра Чаадаева у истоков революционного движения в России.

Критика Чаадаева в адрес России внешне выглядит значительно радикальнее, чем желание Киреевского взрастить на русской почве европейскую просвещенность. Тем более что в статье «Девятнадцатый век» он не прославляет Французскую революцию, а, наоборот, видит в ней прошлое Европы, которое преодевается новыми тенденциями в социальной и духовной жизни.

Как известно, указанная статья была опубликована в двух частях: начало в первом номере журнала «Европеец», а окончание в третьем номере перед его запретом.

Именно в первой части автор дает нетривиальную трактовку новых духовных поисков в Европе¹. Характеризуя итоги Французской революции, когда свобода стала отказом от сословных стеснений, а царство разума – отсутствием предрассудков, Киреевский делает акцент на том, что религия при этом сменяется легкомысленным неверием. «В науках признавалось истинным одно ощутительно испытанное, и все сверхчувственное отвергалось не только как недоказанное, но даже как невозможное. Изящные искусства от подражания классическим образцам обратились к подражанию внешней неодушевленной природе. Тон общества от изысканной искусственности перешел к необразованной естественности. В философии господствовал грубый, чувственный материализм. Правила нравственности сведены были к расчетам непросветленной корысти. Одним словом, все здание прежнего образа мыслей разрушилось в своем основании; вся совокупность нравственного быта распадалась на составные части, на азбучные, материальные начала бытия» [15, с. 10].

Но отрицательно он оценивает и сменявшую все это идеалистическую направленность в европейской культуре, связанную со склонностью к абстрактному умозрению, мечтательности, религиозному мистицизму. Выход из указанного противоречия он видит в примирении разных тенденций, что уже присутствует в культуре Европы. «Терпимость вместе с уважением к религии явилась на место ханжества, неверия и таинственной мечтательности. В философии идеализм и материализм помирились системою тожества. Общество высшим законом своим признало изящество образованной простоты, равно удаленной ... от той изысканности неестественной, которая царствовала при дворе Лю-

¹ Третий номер «Европейца» не имел окончательной редакции и не вышел в свет. В представленном в нем окончании статьи «Девятнадцатый век» перед нами обзор истории Руси и ее проблем, достаточно тривиально объясненных отсутствием влияния античной культуры.

довика XIV, и от того великолепия необразованного, которое окружало Наполеона в его величии» [15, с. 11].

Здесь, безусловно, просматриваются черты философии И. Шеллинга, в которой Киреевского привлекает, прежде всего, ее синтетический характер. Шеллинга он связывает с «последнею ступенью, до которой возвысилось новейшее любомудрие». С другой стороны, Киреевский видит важную тенденцию европейской культуры в сближении развития духа с реальной жизнью. И стоит напомнить, что в ответ на данный запрос в философии XIX века возникло как фейербахианство, так и марксизм, и даже экзистенциализм С. Кьеркегора.

Лекции Шеллинга в более поздний период, уже после смерти Гегеля, будут слушать в Берлине Ф. Энгельс и С. Кьеркегор, делая противоположные философские выводы. Но Киреевского в начале 30-х годов волнует, прежде всего, синтез христианства с народной жизнью. И этот сдвиг, по мнению Киреевского, просматривается в культурной жизни Европы, обновляемой шеллингианством.

Обозначенное направление, связанное с погружением христианства в народную жизнь, и есть у Ивана Киреевского суть европейской просвещенности, а значит – главная «культурная идея» Европы. Уточняя ее, Киреевский пишет: «Нет, религия не один обряд и не одно убеждение. Для полного развития не только истинной, но даже и ложной религии необходимо единомыслие народа, освященное яркими воспоминаниями, развитое в преданиях одномысленных, сопряженное с устройством государственным, олицетворенное в обрядах однозначительных и общенародных, сведенное к одному началу положительному и ощутительное во всех гражданских и семейственных отношениях» [15, с. 17–18].

Столь подробное цитирование статьи Киреевского должно служить доказательством того, что он вернулся из Европы вовсе не западником, и «культурная идея Европы» в статье «Девятнадцатый век» – это никак не идея

личной свободы, демократии и конституции. «Культурная идея Европы» выглядит в указанной статье преддверием хомяковской соборности как единства крестьянской общины, церковного прихода и всего русского народа. Иначе говоря, статья «Девятнадцатый век» чревата не смутой, а соборностью.

Причем такое народное единство, проникнутое христианской идеей, воспринимается Киреевским не как низшее и исходное, а как вполне зрелое общественное состояние, преодолевающее ограниченность западного индивидуализма. И в этом смысле в лице Ивана Киреевского, как и в лице Алексея Хомякова, старшие славянофилы оказываются «русскими европейцами», в отличие от младших славянофилов, у которых уже стало явным движение к изоляционизму².

Развивая эту мысль, Н. А. Бердяев пишет в книге «Алексей Степанович Хомяков»: «И пора признать, что славянофилы были лучшими европейцами, людьми более культурными, чем многие-многие наши западники. Славянофилы творчески преломили в нашем национальном духе то, что совершалось на вершинах европейской и мировой культуры. Лучше западников впитали в себя славянофилы европейскую философию, прошли через Шеллинга и Гегеля – эти вершины европейской мысли той эпохи» [2, с. VI]. Главную заслугу славянофилов Бердяев видит не в обособлении от Запада и обращении к Востоку, а в том, что они сумели переработать западные идеи и влияние. «Значение славянофилов нужно искать не в том, – отмечает Бердяев, – что они не хотели знать Гегеля и Шеллинга и не испытали на себе их влияния, а в том, что они творчески пытались переработать Гегеля и Шеллинга, самостоятельно к ним отнеслись и сказали тем своё слово в развитии философской мысли» [2, с. VI]. Понятно, что указанное характеризует именно старших славянофилов, в отличие от их более поздних последователей Н. Я. Данилевского, В. И. Ламанского и других.

² О естественнонаучных основах изоляционизма у ряда «младших славянофилов» см. [16].

По мнению Бердяева, русское славянофильство вписано в общеевропейское и даже мировое движение, которое обычно именуют «романтической реакцией» XIX века на рационализм XVIII века. Но это была реакция не только на рассудочность, но и на меркантилизм и атомизацию цивилизованных людей, отказавшихся от патриархальной целостности жизни. Добавим, что эта реакция привела в Германии к стремлению романтиков воссоздавать старину, вплоть до сказок братьев Гримм, а через немецкий эпос возродить целостность германского духа, что нашло свое выражение в творчестве композитора Рихарда Вагнера и отдаленно – в философии жизни Ф. Ницше и О. Шпенглера.

Во всех странах в этот период, отмечает Бердяев, романтическое движение обращается к истории и народному духу, ставя проблему национального самосознания. При этом, несмотря на консерватизм, это нельзя считать лишь реакцией, но и прогрессом, принимающим в каждой стране национально-своеобразную форму. «Тем бóльшая заслуга славянофилов, – пишет Бердяев, – что в этом мировом потоке они сумели занять место своеобразное и оригинально выразить дух России и призвание России. Они – плоть от плоти и кровь от крови русской земли, русской истории, русской души, они выросли из иной духовной почвы, чем романтики немецкие и французские. Шеллинг, Гегель, романтики прямо или косвенно влияли на славянофилов, связывали их с европейской культурой; но живым источником их самосознания национального и религиозного была Русская земля и восточное православие ...» [2, с. VI].

Тем не менее, если позиция «раннего» Киреевского – это особая форма «русского европеизма», то «поздний» Киреевский уже находится на пути к тому, чтобы отделить Россию от Запада. Женившись в 1834 году на Наталии Петровне Арбеновой, которая в молодости была духовной дочерью преподобного Серафима Саровского, он много общается со старцами Оптиной Пустыни, которая находилась неподалеку от их имени. Киреевский прини-

мает участие в издании произведений «святых отцов» Восточной Церкви, где теперь видит истоки своих воззрений. Характеризуя эту ситуацию, Герцен отмечает в «Былое и думы»: «Киреевский, расстроивший свое состояние «Европейцем», уныло почил в пустыне московской жизни ... И этого человека, твердого и чистого, как сталь, разъела ржа страшного времени. Через десять лет он возвратился в Москву из своего отшельничества мистиком и православным» [4, с. 237].

И все же Бердяев определяет идеологию старших славянофилов как «универсалистскую», откуда и проистекает мессианизм их учения. Ни Алексей Хомяков, ни Иван Киреевский не идеализировали российскую действительность. И в деле распространения своего учения временами уповали на европейцев. В 1839 году в тексте «В ответ А. С. Хомякову» Киреевский, скорее всего, с горечью пишет: «Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы» [14, с. 153].

Итак, уже в ее истоках позиция И. В. Киреевского была отражением противоречий либерального развития Европы, которая выростала из аналогичной консервативной реакции на либерализм в самой Европе. Но указанную консервативную версию «русского европеизма» имеет смысл сопоставить с другой его особенной формой, связанной с именем П. Я. Чаадаева.

Обсуждая тему «русского европеизма», часто указывают на Андрея Версилова в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» как на яркий пример воплощения идеи Европы на русской почве. Доведение до крайности в изображении «идеи-силы», если пользоваться терминологией М. М. Бахтина, – характер-

ный прием Достоевского. И действительно, будучи выразителем европейского духа, Версиков в «Подростке» превращает его в парадоксальную фразу, лишённую какого-либо содержания: «Тогда во всей Европе не было ни одного европейца! – вещает он. – Только я один, ... как русский, был тогда в Европе единственным европейцем» [цит. по: 12, с. 6].

В трактовке исследователя В. К. Кантора самоощущение Версикова характерно для русского западника, у которого Европа – это утопический образ и миф, не соответствующий действительности, подобно тому, как Святая Русь является мифом у славянофилов. Но у «лишних людей», к которым можно отнести Версикова, наравне с Рудиным, Чацким, Онегиным, были свои прототипы, в том числе П. Я. Чаадаев.

Ф. М. Достоевский считал умонастроенная западников, равно как и славянофилов, возможными лишь на почве русского барства. Но каким образом европейская либеральная идея породила на русской почве особый тип личности и самосознания, который позволяет ассоциировать либерализм с эгоизмом и позерством? Как могло наступить разложение либеральной идеи на русской почве еще до ее укоренения в России?

Напомним, что поначалу в «Философическом письме» Чаадаева, опубликованном в журнале «Телескоп», усмотрели призыв к смуте, как это было со статьей Ивана Киреевского, и не только с ней. Тем не менее, цензоры этого не подтвердили. Интересен вывод, который был сделан в закрытой рецензии князем Э. П. Мещерским: «Общее и господствующее направление – *римско-католическое*; цель, по-видимому, более религиозная, нежели политическая, и скорее умозрительная, нежели догматическая. Революционные принципы нигде не получают открытого выражения <...>. В конце концов, следов политического учения сенсимонистов в письмах тех не обнаруживается» [9, с. 535].

Но если в материалах Чаадаева не обнаружили практической революционности, которую тогда олицетворял социалист-утопист

А. Сен-Симон, то в них присутствовал радикализм иного плана. Произведения Чаадаева пронизаны «отчаянным оксидентализмом», отметил в одной из записных книжек князь П. А. Вяземский. Оксидентализм, как антипод ориентализма, является почитанием Запада при полном уничтожении его противоположности, в данном случае России.

Во многих случаях исследователи не проводят границу между «Философическими письмами» и «Апологией сумасшедшего», хотя до и после наказания Чаадаев характеризует место России и православной церкви противоположным образом. Нельзя однозначно ответить на вопрос, с чем связаны комплименты православию и согласие с мессианским назначением России в «Апологии сумасшедшего», которую Чаадаев писал, будучи уже под врачебным надзором. Был это переворот в воззрениях или конъюнктурный ход в надежде на помилование? «Апология сумасшедшего» так и не была дописана, хотя, по свидетельствам его друга А. И. Тургенева, Чаадаев при написании «Апологии сумасшедшего» подолгу обсуждал в кругу ближайших приятелей все аргументы «за» и «против» будущего России. Но уже через год, после письменных обращений Чаадаева к Николаю I и А. Х. Бенкендорфу, с него был снят надзор с запретом писать и публиковать свои произведения³. Тем не менее Чаадаев на протяжении многих лет участвовал в светской и общественной жизни Москвы, в том числе в спорах славянофилов и западников.

Сложилось мнение, что революционный пафос Чаадаева связан с реалистическим характером его критики. «Чаадаев предложил реальную меру оценки российского развития, – пишет В. Кантор, – пытаясь понять судьбу страны в сравнении – «в общем порядке мира». Этот контекст, этот реализм в понимании исторического развития – в от-

³ Издатель журнала «Телескоп» Н. И. Надеждин, сосланный за публикацию «Философического письма» в Усть-Сысольск, а затем в Вологду, был амнистирован уже в 1838 году и вскоре стал служить в Министерстве внутренних дел в Санкт-Петербурге.

личие от революционного утопизма Радищева – и придали тексту Чаадаева колоссальную значимость и весомость» [12, с. 145]. И тем не менее, реализм Чаадаева как мыслителя, подобно его революционности, – это миф, поскольку у обличений, которыми наполнены «Философические письма», нет никакой фактической основы, в чем стоит согласиться с рецензентом этой работы князем Э. П. Мещерским. Социальная критика Чаадаева носит умозрительный характер. Только во втором из «Философических писем» мы находим критическое замечание в отношении крепостничества в России. «Эти рабы, которые вам прислуживают, – пишет он, – разве не они составляют окружающую вас атмосферу? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся» [29, с. 346]. Но кто же виноват у Чаадаева в этом бесчеловечном явлении русской жизни?

Причины крепостничества в России Чаадаев ищет в истории христианства, где западная католическая церковь сумела и упразднить этот социальный недуг, и соединить христианство с уважением к личности. Но на это оказалось не способным православие. Пусть скажет, обращается он к русской церкви, почему она не возвысила “материнского голоса” против отвратительного насилия одной части народа над другой. Таким абстрактным обличением русской православной церкви и завершает Чаадаев свою критику крепостничества.

“Философические письма”, и в этом опять прав князь Мещерский, безусловно, проникнуты христианским провиденциализмом и мессианством. Промысел Божий у Чаадаева состоит в “водворении царства божьего на Земле”, которое неотделимо от цивилизованного и справедливого общества. И по этому пути движется католическая Европа. Другое дело Россия. «Глядя на нас, можно сказать, – отмечает Чаадаев в первом

из “Философических писем”, – что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет» [29, с. 330]. В другом месте того же письма он пишет: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [29, с. 325]. И, конечно, известный тезис, прославивший Чаадаева, о том, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не надо жить и чего не надо делать.

Стоит еще раз подчеркнуть, что таковы основные идеи «Философических писем», первое из которых было опубликовано в журнале «Телескоп». Но противоположное доказывает Чаадаев в «Апологии сумасшедшего», где крайняя отсталость и неразвитость России вдруг оказывается предпосылкой того, чтобы опередить все народы и, как иронизирует Г. В. Плеханов, “несколькими могучими прыжками перескочить в самое завидное будущее” [21, с. 303]. «Есть великие народы <...>, – пишет Чаадаев в «Апологии сумасшедшего», – которые нельзя объяснить нормальными законами нашего разума, но которые таинственно определяет верховная логика провидения: таков именно наш народ; но, повторяю, все это нисколько не касается национальной чести» [28, с. 527].

Чаадаев продолжает считать обычаи предков, которые дороги славянофилам, лишь предрассудками. А достоинство русского народа он видит как раз в том, что тот – *tabula rasa*, чистый лист, на котором великий правитель способен без сопротивления написать слова «Европа» и «Запад» и двинуть его навстречу преобразованиям. Такими великими правителями, по мнению Чаадаева, были Петр Первый и Екатерина Вторая. В недописанной «Апологии сумасшедшего» ничего не сказано о роли Николая Первого. Хотя именно императора он считал себе ровней, судя по загадочному конфликту с Александром Первым в его молодости. Биограф М. Жихарев подтверждал, что Чаадаеву было свойственно делать акцент на собственной личности. Отстраняясь от народа и аристократического окружения, он, тем не ме-

нее, остро переживал свои взаимоотношения с сильными мира сего.

Историософская концепция Чаадаева никогда не предполагала созидательной работы «снизу». «Должно сказать, – писал он, – что наши государи, которые почти всегда вели нас за руку, которые почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны, сами заставили нас принять нравы, язык и одежду Запада» [28, с. 525]. Как известно, он не принял участия в восстании декабристов и не поддерживал деятельности «тайных обществ». В его позиции нет тех элементов демократизма, которые мы находим у славянофилов. Ведь последние, не одобряя революционной борьбы и радикальных социальных преобразований, все же связывали ход истории с народной жизнью.

Итак, исторический оптимизм, который вдруг обнаружился в «Апологии сумасшедшего», состоит в том, что «род человеческий должен следовать только за своими естественными вождями, помазанниками бога, что он может подвигаться вперед по пути своего истинного прогресса только под руководством тех, кто тем или другим образом получил от самого неба назначение и силу вести его...» [28, с. 524]. Именно выдающаяся личность, в данном случае просвещенный монарх, есть начало свободы в интеллектуальной и общественной истории человечества. Индивидуальное у Чаадаева доминирует над общим, а личность над народом, что характерно для той либеральной формы «русского европеизма», в которой идея личной свободы уже не связана органически с демократией, с общей жизнью. Но у Чаадаева эта позиция еще представлена в начальной форме, где христианский «либерализм» противостоит христианскому же «демократизму» славянофилов.

Возвращаясь к мифу о революционности и реализме взглядов Чаадаева, стоит обратить внимание на оценки его творчества со стороны Г. Г. Шпета, который говорит о концептуальном характере его философствования с долей условности. Согласно Шпету, именно поставленные вопросы, а не ответы, определяют ме-

сто Чаадаева в истории русской общественной мысли. Историософия Чаадаева, в понимании Шпета, основана не на логическом доказательстве, а на нравственном обличении и резонансе. Чаадаев, как считает Шпет, стал «если не реальным, то символическим началом новой интеллигенции, самым отрицанием, морализмом и самообразованием антиципируя также ее психологические качества» [30, с. 89].

При этом сама фигура Чаадаева и его способ поведения являются символом либеральной версии европеизма. Речь, прежде всего, о том, что брат Ивана Киреевского однажды в сердцах назвал «чаадаевщиной». Еще до публикации «Философического письма» в «Телескопе» Петр Киреевский в письме Н. М. Языкову от 17 июля 1833 года пишет: «Эта проклятая Чаадаевщина, которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний, чтобы поставить на их месте свою одноминутную премудрость, которая только что доведена ad absurdum в сумасшедшей голове Ч. <...>. Впрочем, я и сам чувствую, что болезненная желчь негодования мутит во мне здоровый и спокойный взгляд без пристрастия, который только один может быть ясен» [23, с. 43].

Здесь важно указание Петра Киреевского на подлинную мотивацию автора письма. «Философические письма» были написаны Чаадаевым лет за пять до публикации, и их долго читали в списках. Но только публикация первого письма в «Телескопе» была воспринята как «вызов» и «поступок». По словам биографа М. Жихарева, после публикации письма все, вплоть до барынь, которые по интеллектуальному уровню были не выше своих кухарок, бросились проклинать человека, «дерзнувшему оскорбить Россию» [10, с. 31].

Понятно, что славянофил Константин Аксаков в длиннополом зипуне и мурмолке и денди Чаадаев – вещи несовместные. Но роднит их именно вызов «обществу», как бы ни мотивировал свое поведение каждый из них. В связи с этим заслуживает внимания оценка образа мысли и поведения Чаа-

даева Ю. М. Лотманом, который акцентирует внимание на проявлении романтического байронизма и так называемого “русского дендизма”, что у людей масштаба Чаадаева, как пишет Лотман, приобретало трагический смысл.

Личное обаяние, рыцарский стиль поведения и одежда утонченного денди, отмечает Лотман, во многом составили секрет того воодушевления, которое испытал Александр Пушкин от общения с Петром Чаадаевым. Характерно, однако, неприятие настроений Чаадаева М. И. Муравьевым-Апостолом, который в письме другу Чаадаева И. Д. Якушкину от 27 мая 1825 года пишет: «Расскажи мне подробнее о Петре Чаадаеве. Прогнало ли ясное итальянское небо ту скуку, которою он, по-видимому, столь сильно мучился в пребывание свое в Петербурге, перед выездом за границу? Я его проводил до судна, которое должно было его увезти в Лондон. Байрон наделал много зла, введя в моду искусственную разочарованность, которою не обманешь того, кто умеет мыслить. Воображают, будто скукою показывают свою глубину, – ну, пусть это будет так для Англии, но у нас, где так много дела, даже если живешь в деревне, где всегда возможно хоть несколько облегчить участь бедного селянина, лучше пусть изведает эти попытки на опыте, а потом уж рассуждают о скуке!» [цит. по: 17, с. 132].

Тем не менее, английский сплин, который у англичан, как подчеркивает Лотман, довел многих до самоубийства, в России 20–30-х годов приобрел характер распространенной аристократической хандры. В итоге Чаадаев находил героя пушкинского “Кавказского пленника” недостаточно разочарованным. В своей же хандре Чаадаев был максималистом, испытывая полное ощущение бессмысленности жизни. Но романтический байронизм у Чаадаева, по мнению Лотмана, уже переходит в «русский дендизм». По своей сути дендизм – стиль поведения и одежды, сориентированный на внешнего наблюдателя. Что касается идеологии дендизма, то она также замкнута на демонстративное поведение. Характеризуя суть этого явления, Лотман

пишет, что «неотделимый от индивидуализма и одновременно находящийся в неизменной зависимости от наблюдателей, дендизм постоянно колеблется между претензией на бунт и разнообразными компромиссами с обществом» [17, с. 133]. Именно в таком контексте проясняется смысл того, почему эпатаж и позерство становятся для многих русских интеллигентов естественной формой протеста в условиях абсолютизма. Скорее всего, именно этот элемент искусственности и эпатажа в истории с первым “Философическим письмом” был назван Петром Киреевским “чаадаевщиной” как тенденцией русской культурной жизни.

Повторим, что после снятия надзора в 1837 году Чаадаев продолжил светскую жизнь, участвовал в спорах западников и славянофилов. А. Герцен в мемуарах “Былое и думы” описывает, как он обычно с безнадежным взглядом стоял на бульваре, в залах и театрах, в клубе. Чаадаев часто бывал капризным, недовольным, раздраженным, пишет Герцен, как будто мстил русской жизни, замыкая печальное существование целого периода русской истории. Старики и молодые стыдились его неподвижного лица, прямо смотрящего взгляда, печальной усмешки, язвительного снисхождения. Что заставляло их принимать Чаадаева, звать и ездить к нему? Ведь он “горько” и “уныло-зло” оскорблял все, дорогое им, начиная с Москвы [см. 19].

На примере П. Я. Чаадаева мы видим, как парадоксально выражалась и в то же время разлагалась либеральная идея на русской почве еще до ее укоренения в России. В этих условиях «русский европеизм» обретал форму высокомерного дендизма. Но если Чаадаев – фигура, не лишенная трагизма, то последующее разложение либерализма уже несет черты комизма. «Я люблю комфорт жизни, – с важностью произносит у И. Тургенева в романе «Отцы и дети» некто Ситников. – Но это не мешает мне быть либералом». Этот роман был написан в начале 60-х. Еще более откровенно либерализм предстает в качестве либеральной позы и фразы в фельетонах

М. Салтыкова-Щедрина, который в середине 70-х изображает тип «человека культуры», постоянно решающего проблему: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном...».

Однако рассмотрим еще одну – социалистическую – версию «русского европеизма».

Оказавшись в Европе в итоге революций начала XX века, русский философ Ф. А. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, "русские европейцы", очевидно, любили ее только как прекрасный пейзаж в своем "Петровом окне"; ушел родной подоконник из-под локтей – ушло очарование пейзажа» [25, с. 219]. Для Степуна это было не первое посещение Европы. С 1902 по 1907 год он обучался в Гейдельбергском университете. Тем не менее философ Степун еще раз убедился, что европейская действительность отличается от романтизированного образа Запада.

Идеальный образ Европы, которым жила русская интеллигенция, уже в XIX веке не совпадал с жизненными целями европейских бюргеров. И одним из первых, кто это пережил, был А. И. Герцен, который в 1847 году навсегда покинул Россию. Но там, в благословенной Европе, Герцен обнаружил не только признаки кризиса античных идеалов Истины, Добра и Красоты, но и отказ от идеалов Французской революции.

Идеализация Европы у него, как и у многих других, подпитывалась неприятием российского абсолютизма. Но разочарование, наступившее после неудач революции 1848 года, не отбросило его в другую крайность. В Москве Герцен был «западником», а в Европе стал как будто бы «славянофилом». Но именно «как будто». «Когда я спорил в Москве со славянофилами (между 1842 и 1846 годами), – пишет он, – мои воззрения в основах были те же. Но тогда я не знал За-

пада, то есть знал его книжно, теоретически, и еще больше я любил его всюю ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам. Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда называли, западником. Париж в один год отрезвил меня, зато этот год был 1848. Во имя тех же начал, во имя которых я спорил со славянофилами за Запад, я стал спорить с ним самим» [6, с. 416].

Оказавшись в Европе, он убедился в том, что в XIX веке лозунги Французской революции «Свобода, равенство, братство» уже не соответствует моменту: свобода и равенство успели разойтись между собой, углубив противоречия нового буржуазного общества. И, тем не менее, Герцен продолжает искать их единство. Он не отказывается от свободы во имя равенства и не оказывается от равенства и братства во имя свободы отдельного лица. Но как и где возможен их новый синтез?

В последней работе «К старому товарищу», адресованной М. А. Бакунину, Герцен отмечает: «Горе бедному духом и тощому художественным смыслом перевороту, который из всего бывшего и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании» [5, с. 536]. Жертвовать развитием личности в будущем предлагали сторонники так называемого «казарменного коммунизма». Но Герцен не согласен на эту жертву, и не согласен он идеализировать патриархальность и русскую старину, как это делал уже упомянутый славянофил Константин Аксаков, которого в зипуне и мурмолке народ на улицах принимал за персиянина.

Пройдя школу гегелевской диалектики, Герцен осознает противоположность личного и общего в социальной жизни. И, тем не менее, его идеал «русского социализма» – попытка найти их новый органичный синтез на пути к социальной справедливости.

Вспомним другого западника – К. Д. Кавелина, который писал: «<...> наше больное место – пассивность, стертость нравственной

личности. Поэтому нам предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самостоятельности» [11, с. 317]. Но что делать, если в Европе культ индивидуальной свободы оказался чреват мещанским эгоизмом и меркантилизмом, а классические идеалы истины, добра и красоты неуклонно вытеснялись мещанским благополучием – прообразом современного потребительского общества.

Как Ф. Ницше искал лекарство от социальных болезней Запада на Востоке, так Герцен пытается лечить болезнь, проявившую себя на Западе, русским лекарством. Его идея «русского социализма» – это развитие личности внутри артели как высшей формы русской общинной жизни. В поиске цельности в разъятом бытии европейского человека, которого цивилизация расчленяет на функции, Герцен обращается к русскому народному быту, противопоставляя частной жизни и собственности традиционные скрепы общинного землепользования. При этом он не видит органической связи между этими формами жизни и православием, на чем настаивали его современники-славянофилы. Не православная вера, а максимальное развитие личности – ядро будущей общинной жизни [18]. Разумное и свободное развитие русского народного быта, писал Герцен, совпадает со стремлениями западного социализма. Иначе говоря, европейский идеал свободной личности способен выжить и обрести будущее на почве сохранившейся русской общины. «Будущее России, – подчеркивал он, – зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы» [7, с. 177].

В 1859 году в издаваемом Герценом в Лондоне журнале «Колокол» была опубликована серия фельетонов «Русские немцы и немецкие русские», в которой «немецкое» означало внешнее, формальное, бюрократическое, привносимое на русскую почву, начиная с Петра. Но «по-немецки» к своему народу относились и сами русские, подобные графу А. А. Аракчееву, у которых «германский бюрократизм обогащался византийским раболопием, а татарская нагайка служила пре-

восходным пополнением шпицрутенов» [8]. В «аракчеевщине» первой четверти XIX века предстал тот отвратительный облик «европеизма», который на всех уровнях русской жизни проявлял себя в особой муштре и жестокости. Как пишет Герцен, его отец охотно отдавал дворовых мальчиков в науку к таким хозяевам, прибывшим из Европы, которые были «неумолимые, систематические тираны, и притом какие-то беззлобные, что еще больше делало невыносимым их тиранство». Не будучи лично свирепым, отмечает он, такой «европеец» с тупым убеждением «продолжал дело Петра I и вколачивал ремнем европейскую цивилизацию» [8].

И в то же время, отмечает Герцен, «русскими европейцами» были В. Белинский и Т. Грановский, которые, в отличие от «холодного просвещения», которым веяло из Петербурга, прославились как «благородные представители западной идеи». В рамках «русского европеизма» Герцен дает оценку антизападникам-славянофилам, консервативные идеи которых перекликаются с консервативной реакцией на буржуазные противоречия в самой западной культуре. Убеждения славянофилов, с которыми в 40-х годах Герцена связывали дружеские отношения, безусловно, отличаются от теории официальной народности графа С. С. Уварова. За предложенной им формулой «Православие, Самодержавие, Народность» на протяжении десятилетий скрывалась консервативно-охранительная политика, означавшая бюрократическое упразднение западного просвещения, которая у Николая I, в частности, выражалась в запрете обучения молодых людей с 10 до 18 лет за границей. В произведении «Русские немцы и немецкие русские» Герцен характеризует императора Николая I как одного из самых замечательных «русских немцев». В своем стремлении обрусеть, он и финнов крестил, и судопроизводство на русском вводил там, где никто не понимал по-русски, и паспортов не давал за границу. Но при этом, иронизирует Герцен, даже народность и православие выходили у него на немецкий манер.

Что касается «русского социализма», то рождение этой формы европеизма Герцен объясняет, опираясь на собственное понимание исторического прогресса. Есть ли европейский путь единственно возможный, который должны пройти все народы? – спрашивает Герцен. Или перед нами «частный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву, которая сложилась и образовалась под влияниями частными, индивидуальными, вследствие известных событий, при известных элементах, при известных помехах и отклонениях» [8]. Но в таком случае стоит ли нам повторять «всю длинную метаморфозу западной истории»? Тем более что нас все равно причалит к той же, от которой сам Запад сегодня гребет назад.

Исторические формы жизни Запада, рассуждает он далее, безусловно, выше российских, но они дошли до своего предела. В то же время Россия пока имеет лишь маску западной жизни. И тогда вопрос: как относится наш народный быт не к прошлому Европы, а к тому, перед чем она остановилась, к тому социалистическому идеалу, который она выработала, но уже не в силах осуществить.

«Русские немцы и немецкие русские» Герцен писал незадолго до отмены крепостного права Александром II, возлагая на его социальные реформы большие надежды. Запад, по убеждению Герцена, остановился перед разрешением противоречия между трудом и капиталом в промышленных городах, предчувствуя его кровавый исход. Но Россия, как надеется Герцен, освободив крестьян и сделав ставку на артельный труд, может преодолеть эту преграду. Более того, живописуя скучен-

ный быт в Лондоне как «городе городов», он предлагает народный быт на земле как пример будущего социалистического уклада жизни для европейцев. Но, как мы знаем, этим надеждам создателя «Колокола» не суждено было сбыться.

Именно А. Герцен предложил в мемуарах «Былое и думы» понятие «русский европеизм». И уже он решает вопрос о «русском европеизме» в свете диалектики всеобщего и особенного, когда каждый народ обладает своим особым культурным опытом, выражающим всеобщее основание культуры и истории, но и это всеобщее основание формируется и развивается за счет сил и взаимодействия отдельных народов. Именно потому рассмотренные консервативное, либеральное и социалистическое выражение «русского европеизма» есть особые формы русского национального самосознания, которые не могут быть поняты вне контекста освоения европейского опыта, отношения к классическим идеалам и образу «просвещенной Европы».

В публицистике и научной литературе последних лет стало популярным утверждение, что в России возможен лишь «европеизм вопреки». И это так, если иметь в виду самодержавие и деспотизм. Но «русский европеизм» получил свое развитие в XIX веке и вопреки эгоизму, прагматизму и мещанству, которые были порождены развитием западной цивилизации. А потому «русский европеизм» стал освоением европейского опыта в свете всей противоречивости последнего и в точке пересечения его с национальными традициями. И в XX веке – уже в иной форме – это имело продолжение.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. Москва: Наука 1978. 200 с.
2. Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. Москва: Изд-во «Путь»; Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1912. VIII. 251 с.
3. Вахрамеева Е. Е. Феномен российского европеизма и его ранняя история в свете современной историографии // Вестник Пермского университета. История. 2012, Выпуск 1 (18). С. 158–164.
4. Герцен А. И. Былое и думы. Глава XXX // Герцен А. И. Сочинения: В двух томах: Т. 2. Сост., авт. примеч. З. В. Смирнова. Москва: Мысль, 1986. С. 215–247.

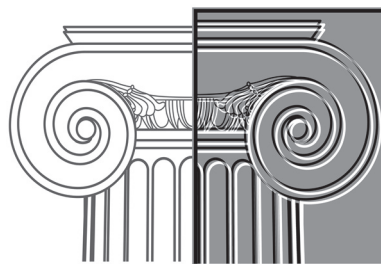

5. Герцен А. И. К старому товарищу // Герцен А. И. Сочинения: В двух томах: Т. 2. Сост., авт. примеч. З. В. Смирнова. Москва: Мысль, 1986. С. 531–547.
6. Герцен А. И. Письмо к противнику // Герцен А. И. Сочинения: В двух томах: Т. 2. Сост., авт. примеч. З. В. Смирнова. Москва: Мысль, 1986. С. 413–433.
7. Герцен А. И. Русский народ и социализм // Герцен А. И. Сочинения: В двух томах: Т. 2. Сост., авт. примеч. З. В. Смирнова. Москва: Мысль, 1986. С. 154–182.
8. Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские. [Электронный ресурс]. URL: <https://arheve.org/read/gercen-ai-1/russkie-nemcy-i-nemeckie-russkie/23224>
9. Документы из архивов III отделения и С. С. Уварова, относящиеся к делу о публикации ФП в «Телескопе» // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В двух томах: Т. 2. Отв. редактор З. А. Каменский. Москва: Наука, 1991. С. 524–552.
10. Жихарев М. П. Я. Чаадаев. Из воспоминаний современника // Вестник Европы, 1871. № 7–8.
11. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. Сост. и вступ. статья В. К. Кантора, подготовка текста и примеч. В. К. Кантора и О. Е. Майоровой. Москва: Правда. 1989. 659 с.
12. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 704 с.
13. Кара-Мурза А. А. Проблема свободы в интеллектуальном творчестве Г. П. Федотова. Философские науки. 2015. № 4. С. 24–36.
14. Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову / Киреевский И. В. Критика и эстетика. Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. Москва: Искусство, 1979. С. 143–153.
15. Киреевский И. В. Деятельный век / Европеец. Журнал И. В. Киреевского. 1832. Издание подготовил Л. Г. Фризман. Москва: Наука. 1989. 536 с.
16. Куприянов В. А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А. С. Хомяков и В. И. Ламанский) / Соловьёвские исследования. 2018. Выпуск 2(58) С. 21–33.
17. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1994. 399 с.
18. Мареев С. Н., Мареева Е. В. История философии (общий курс): Учебное пособие. Москва: Академический Проект, 2003. 880 с. («Gaudemus»).
19. Мареева Е. В. П. Чаадаев: социальный критик, философ, резонер? / Человек. 2017. № 1. С. 163–173.
20. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. Москва: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
21. П. Я. Чаадаев. Pro et contra. Личность и творчество П. Я. Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург: Издательство РХГИ, 1998. 977 с.
22. Павлов С. И. Теория русского социализма А. И. Герцена // Вестник МГТУ, 2000, Т. 3, № 3. С. 475–490.
23. Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. / Ред., вступ. ст. и коммент. М. К. Азадовского. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1935. 86 с.
24. Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В. С. Сочинения: В двух томах. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева. Москва: Мысль, 1988. С. 635–761.
25. Степун Ф. Мысли о России. Очерк III // Степун Ф. А. Сочинения / Сост., вступ. ст., прим. и библиограф. В. К. Кантора Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 219–233.
26. Тарасов Б. Н. Чаадаев. Москва: Молодая гвардия. 1986. 448 с.
27. Федотов Г. Л. Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В двух томах. Т. 2. Санкт-Петербург, 1992. С. 153–187.

28. *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В двух томах. Т. 1. Отв. редактор и вст. статья З. А. Каменский. Москва: Наука, 1991. С. 523–538.
29. *Чаадаев П. Я.* Философические письма (1829–1830) // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В двух томах. Т. 1. Отв. ред. и вст. статья З. А. Каменский. Москва: Наука, 1991. С. 320–440.
30. *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т. Г. Щедриной. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 848 с.
31. *Шукин В.* Историческая драма русского европеизма / Вестник Европы. 2002. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/4/istoricheskaya-drama-russkogo-evropeizma.html>

Поступила в редакцию 12.06.2023

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

О ЗНАЧИМОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 165.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-34-40>

Н. В. Синявина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: cleo2401@mail.ru

В. С. Слепокуров

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется актуальное состояние и положение гуманитарного знания, его значимость и ценность в обществе. Авторы указывают, что смысловое пространство термина «гуманитарное знание» поливариантно и включает как совокупность содержания всех гуманитарных направлений, так и блок гуманитарных дисциплин. Подчеркивается, что сложность исследований в гуманитарной области связана с предметом ее исследования, которым выступает общество. Факторы, влияющие на его развитие, настолько разнообразны и разноплановы, что свести их в некую систему непросто. Гуманитарное знание часто имеет дело с нематериальными вещами, и это дает возможность скептикам сопоставлять его, скорее, с искусством, нежели с точными научными дисциплинами. Мнение о том, что гуманитарные науки не приносят конкретной пользы, нередко оказывает воздействие на политику в сфере образования, когда приоритетными видятся естественнонаучные и технические направления. В заключении подчеркивается, что потенциал гуманитарного знания состоит в возможности сопоставления присущих современному обществу разноплановых точек зрения и мировоззрений, способствует лучшему пониманию происходящих в современном обществе процессов. Главная же цель гуманитарного образования состоит не только в знакомстве с конкретными знаниями, но и в научении размышлять.

Ключевые слова: современная культура, гуманитарное знание, гуманитарное образование, научная школа.

СИНЯВИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор культурологии, зав. кафедрой культурологии, профессор кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры; профессор кафедры мировой культуры, Московский государственный лингвистический университет

СЛЕПОКУРОВ ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, первый проректор, Московский государственный институт культуры

SINYAVINA NATALIA VLADIMIROVNA – DSc in Cultural Studies, Head of the Department of Cultural Studies, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture; Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

SLEPOKUROV VITALY SERGEEVICH – DSc in Philosophy, Professor, First Vice-Rector, Moscow State Institute of Culture

© Синявина Н. В., Слепокуров В. С., 2023

Для цитирования: Синявина Н. В., Слепокуров В. С. О значимости гуманитарного знания на современном этапе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 34–40. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-34-40>

ON THE IMPORTANCE OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE AT THE PRESENT STAGE

Natalya V. Sinyavina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: cleo2401@mail.ru

Vitaly S. Slepokurov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the current state and position of humanitarian knowledge, its significance and value in society. The authors point out that the semantic space of the term "humanitarian knowledge" is multivariant and includes both the totality of the content of all humanitarian directions and a block of humanitarian disciplines. It is emphasized that the complexity of research in the humanitarian field is related to the subject of her research, which is society. The factors influencing its development are so diverse and diverse that it is not easy to reduce them into a certain system. Humanitarian knowledge often deals with intangible things, and this makes it possible for skeptics to compare it with art rather than with exact scientific disciplines. The opinion that the humanities do not bring concrete benefits often has an impact on education policy when natural science and technical areas are seen as priorities. In conclusion, it is emphasized that the potential of humanitarian knowledge consists in the possibility of comparing the diverse points of view and worldviews inherent in modern society, contributes to a better understanding of the processes taking place in modern society. The main goal of humanitarian education is not only to get acquainted with specific knowledge, but also to learn how to reflect.

Keywords: modern culture, humanitarian knowledge, humanitarian education, scientific school.

For citation: Sinyavina N. V., Slepokurov V.S. On the importance of humanitarian knowledge at the present stage. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 34–40. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-34-40>

Начиная разговор о гуманитарном знании, необходимо сделать ряд уточнений, поскольку в это понятие одновременно включены следующие сферы:

- гуманитарное знание как совокупность содержания всех гуманитарных наук (хотя и это требует комментария, поскольку, если в русском языке историю, филологию, философию принято относить к наукам, то в других языковых традициях они обозначаются термином humanities,

и это не то, что традиционно относят к sciences);

- гуманитарное знание как часть сферы образования, то есть в данном случае речь идет о блоке гуманитарных дисциплин.

Безусловно, они взаимосвязаны, и рассматривать их по отдельности непросто, поэтому внимание будет сосредоточено лишь на некоторых аспектах:

- восприятие гуманитарных наук, в том числе, и гуманитарного образования, обществом;

- институциональность гуманитарных наук.

Несмотря на раздающиеся иногда заявления о том, что гуманитарные науки не приносят экономической прибыли, не имеют видимых результатов, в их необходимости большая часть общества все же не сомневается. Кроме того, гуманитарные дисциплины являются неотъемлемой частью любого вида образования, в том числе и естественнонаучного. На современном этапе требуется подготовка всесторонне развитого специалиста с широким набором компетенций. Еще К. Прутков заявил, что односторонний специалист сопоставим с флюсом.

Сложность исследований в этой области заключается в том, что гуманитаристика связана с изучением общества. Факторы, влияющие на его развитие, настолько разнообразны и разноплановы, что свести их в некую систему подчас непросто. Гуманитарное знание часто имеет дело с нематериальными вещами, и это дает возможность скептикам сопоставлять его, скорее, с искусством, нежели с точными научными дисциплинами. Безусловно, ряд гуманитарных наук прибегает к методам логики и математики, но это происходит не так часто.

Следовательно, можно предположить, что получаемые гуманитаристикой знания неполны, случайность воздействующих факторов на жизнь общества не всегда способствует получению объективных результатов, а выводы часто ставятся под сомнение.

Подобная точка зрения начала формироваться еще в ходе научной революции XVI–XVII вв., когда стало складываться представление, что наука не есть толкование уже написанного, как это было в эпоху Средневековья, не есть лишь «бумажный мир», а есть исследовательский процесс раскрытия природного мира. В связи с этим меняется статус «механических искусств», которые в предшествующую эпоху считались низкими, в отличие от «семи свободных искусств». Если свободные искусства рассматривались как труд интеллектуальный, то механиче-

ские, требующие контакта с материалом, основанные на ручном труде искусства представлялись возможными лишь для третьего, самого низкого, сословия. Но в ходе научной революции приходит понимание, что получение знания есть результат соединения теории и практики, использования научного инструментария, который и начали активно создавать ученые того времени (телескопы, микроскопы, барометры и т. д.).

В Новое время дифференциация гуманитарных и естественных наук лишь началась, а религия, философия и наука как формы познания мира существовали в нераздельном состоянии вплоть до XIX века. Только искусству в эпоху Возрождения удалось выделиться в автономную сферу. Именно в этот период возникают *studia humanitatis* как противоположность средневековым университетам, где доминировал богословско-схоластический метод преподавания. В *studia humanitatis*, чье название переводится как «изучение человеческого», главными предметами преподавания и исследования были риторика, философия, история, филология, то есть те области знания, которые сегодня обозначаются термином «гуманитаристика». Гуманисты считали полученные результаты исследований в естественных дисциплинах ненадежными, выводы можно было подтвердить лишь экспериментально, но для проведения опытов было необходимо использование специального оборудования, которое в тот момент еще отсутствовало. В связи с этим точностью и истинностью, с точки зрения представителей Ренессанса, были наделены лишь выводы гуманитарных наук, поскольку главный объект исследования – человек – всегда доступен для наблюдения.

К концу первой половины XIX века происходит окончательное размежевание гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, которые продолжали разрабатывать собственные методологии и способы исследования, становясь более или менее автономными. Лишь к концу XIX века появляется слово «ученый», обозначающее человека, который

занимается наукой профессионально. Однако общественную значимость эта деятельность приобретет лишь на рубеже XIX–XX вв.

К сожалению, мнение о том, что гуманитаристика не приносит конкретной пользы, нередко влияет на политику в сфере образования, когда приоритетными становятся естественнонаучные и технические направления, на развитие которых выделяется дополнительное финансирование. Гуманитарные науки, зависимые сегодня от государственной и грантовой поддержки, вынуждены приспособливаться к этим новым условиям. Например, государственные фонды сегодня все чаще требуют, чтобы гуманитарии «демонстрировали» «общественную востребованность» предпринимаемых исследований, которые были бы готовы заранее, еще до начала исследований, сообщить, что таковые окажутся для них полезными» [6, с. 24]. Стоит подчеркнуть, что эта тенденция характерна для многих стран.

Так, в США студенты, обучающиеся по специальностям, входящим в STEM (естественнонаучные направления: технологии, инженерия, математика), получают право 36-месячной практики в крупных американских компаниях, которые выступают для них потенциальными работодателями. На гуманитарных же факультетах практика укладывается в 12 месяцев.

В 2021 году в Великобритании значительно сократилось финансирование искусствоведческих специальностей. В Австралии была снижена стоимость обучения по программам STEM, но увеличена по гуманитарным направлениям. До недавнего времени подобная тенденция наблюдалась и в России, однако в последние годы ситуация начала меняться в лучшую сторону, хотя количество бюджетных мест на гуманитарных факультетах значительно не выросло.

Несмотря на наличие множества проблем в гуманитаристике (в частности, методологических) вывод очевиден: именно гуманитарные науки могут помочь в обучении человека искусству жить. Более того, именно сфера гу-

манитарного образования связана с воспитанием: если первое ставит целью овладение знаниями и умениями, разнообразными профессиональными компетенциями, то второе направлено на формирование личности.

О культуре в значении, близком к современному, начали говорить в конце XVIII века, когда стала формироваться абсолютно новая социально-политическая система, называемая сегодня национальным государством. В чем же заключалась интеллектуальная задача? В том, чтобы понять, все ли в человеке предопределено фактом его рождения, его задатками, пространством, в котором он родился. Все ли предопределено, или есть хотя бы маленькая дельта, воздействуя на которую можно изменить человека?

До определенного момента часть исследователей полагала, что все в человеке – без исключения – предопределено его мозговой деятельностью. В 2015 году был запущен глобальный проект «Механизмы мозга», в котором участвовали крупнейшие лаборатории мира. Однако вопрос о том, насколько человеческие действия – эмоции, какие-то реакции, социальные поступки – зависимы от работы мозга, остается без ответа.

А. Эйнштейн задавался вопросом: «Изменяется ли состояние Вселенной оттого, что на нее смотрит мышь?». Все изменяется, и становится ясно, что мир уже не будет прежним, а мы находимся в точке этих метаморфоз, понимая, что происходят кардинальные перемены. В связи с этим возникают вопросы: каким будет этот мир, какое место в этом мире займет человек, в чем смысл существования человека, каким будет этот новый человек? То есть обозначенная еще Сократом цель философии «Человек, познай самого себя», продолжает сохранять актуальность. Ответами на все озвученные вопросы и занимаются гуманитарные науки.

То есть науке потребовались триста лет развития для обнаружения существования человека, выступающего в роли наблюдателя, мыслителя и исследователя. Формирование комплекса естественнонаучных дисциплин

в ходе научной революции XVI–XVII вв. отталкивалось от антропоморфизма средневековых схоластов, выстраивавших систему доказательств всех физических процессов по аналогии с действиями людей. Сложившаяся в Новое время естественнонаучная картина мира трансформировала логику интерпретации: она была освобождена от субъекта, а доминирующей тенденцией выступил редукционизм.

Первая половина XX века ознаменовалась «стиранием граней между объектом и субъектом» [2, с. 309]. Представители естественных наук вынуждены были признать существование взаимосвязи между знанием и его носителем, человеком. «В результате этого начинает шататься все здание евклидовой геометрии» [2, с. 309]. Недоумение А. Эйнштейна по поводу мысли свидетельствовало о наступлении новой, неклассической парадигмы научного знания, где наблюдение выступало частью научного процесса.

Формирующаяся научная парадигма трансформировала методологии не только естественнонаучных дисциплин, но и гуманитарных наук. На этот период пришлось становление интуитивистских и ценностных подходов в точных науках, а гуманитарные начали обращаться к математическим методам исследования. Результатом этого процесса можно считать изменение функциональной значимости субъекта в науке, который становится ее главным действующим лицом. Идея субъектности коснулась не только гносеологии, но и онтологии естествознания, заложила очертания постнеклассической парадигмы, формирование которой случится на следующем этапе, в XX веке.

Благодаря смене научной парадигмы приходит понимание некорректности сопоставления форм объективности, присущих гуманитарному знанию и естественнонаучным дисциплинам. У гуманитариев существуют свои стандарты точности и достоверности результатов исследования. Можно вспомнить «слова Гёте о точности художественной фантазии и достоверности образов искусства» [4,

с. 7]. Основная же цель гуманитарных наук состоит в «способности понимания смысла и смысловые структуры» [4, с. 7] любых текстов культуры.

Бесспорно, современная ситуация бросает гуманитариям вызов. Как отмечает Дж. Нейсбит, основными характеристиками общества сегодня выступают «мощь научного любопытства, технологические амбиции и экономическая доходность» [5, с. 172]. С одной стороны, в обществе есть своего рода установка, что только при получении технического или экономического образования человек в будущем может рассчитывать на карьерный рост и солидную зарплату. С другой, сегодня много внимания уделяет телесному здоровью, продлению жизни (что, безусловно, важно), манипуляциям с внешностью. Так, био- и нанотехнологии могут качественно улучшить жизнь человека и его природу, но могут привести и к катастрофическим последствиям.

В связи с этим одной из целей современного гуманитарного образования видится обучение жизни в эпоху новых технологий, выработке новых правил существования в быстроменяющемся мире. Например, создание разных вариантов робоэтики, которые позволят выстроить корректные отношения не только между людьми в новом цифровом мире, но и между человеком и машиной. В связи с кардинальными изменениями в современном обществе остро стоит задача по подготовке специалистов – гуманитариев, которые способны, помимо прочего, выстраивать и футурологические модели развития общества, предложить ответы на вопросы: «Какой мир возникает? Каким будет человек?».

Какие же шаги необходимо предпринять гуманитарному знанию в России сегодня?

1. Основой развития научного знания, и гуманитаристики в том числе, на современном этапе должна стать *междисциплинарность*. Еще В. И. Вернадский подчеркивал, что развитие науки в будущем должно происходить не в рамках отдельных дисциплин,

а в соответствии с возникающими научными проблемами [3]. Еще в начале XX века обозначилась тенденция на интеграцию наук, вызванная активизацией технического прогресса, поскольку создание технического устройства всегда связано с привлечением специалистов из смежных сфер. Таким образом, ни один «классический» специалист сегодня не сможет закрыться в границах лишь своей науки. Ведь не существует автономной истории, включающей лишь имена и даты, а есть реконструируемая реальность, которой присуща текучесть и динамика, и для ее исследования необходим междисциплинарный подход. В связи с этим есть потребность включить в образовательный процесс элективы с первого курса обучения, научить применять не только методы гуманитарных наук, но и естественнонаучных, что позволит преодолеть дисциплинарные барьеры.

2. *Поддержание высоких образовательных стандартов*, что требует ежегодного обновления учебных планов и содержания дисциплин, поскольку они должны соответствовать актуальной ситуации. Подобные же требования необходимо распространить и на специалистов, работающих в сфере образования. По верному замечанию Петра Щедровицкого, индустриальная революция, которую переживает современное общество, связана с этапом программирования. Таким образом, сегодняшней день требует от преподавателя новых профессиональных компетенций, которые подразумевают не только умение писать электронные письма, использовать интерактивную доску или владеть навыками оцифровывания текстов, но и мышление алгоритмами. Кроме того, необходимо пересмотреть формы переподготовки специалистов, в частности, ту, которая носит название «курсы повышения квалификации». На современном этапе нужен не только научный рост, который иначе, как постоянным самообразованием не обрестишь, но и овладение педагогом управленческими компетенциями – как коммуникативными навыками, так и лидерскими качествами.

3. *Преодоление оторванности ученых-гуманитариев от реальной жизни*: на современном этапе гуманитарии должны учиться встраиваться в социальные и культурные проекты, городские публичные пространства. Гуманитарии осознают данную проблему, поэтому многие задумываются о способах трансляции знаний для широкой аудитории. Одной из форм подобного общения становятся лектории, но перед исследователями встает вопрос об адаптации сложного материала, о правильности его «упаковывания» для непосвященных. В среде непрофессионалов рационалистический аргумент не всегда убедителен, поэтому создание качественной научно-популярной версии сложной теории – вещь в данном случае необходимая.

4. *Преодоление разрозненности научного сообщества*, о чем пишут как отечественные, так и зарубежные специалисты. В июне 2023 года в РАНХиГС проходила конференция, посвященная научным школам. Сегодня они еще сохраняются, однако часто можно наблюдать примеры нивелирования их границ. При ориентации современного научного знания на междисциплинарность сохранять «чистоту» научной школы сложно (помимо этого у некоторых возникает вопрос в необходимости ее сохранения, многие смотрят на нее как пережиток ушедшей в прошлое научной парадигмы). Однако сохранение исследовательских традиций научной школы, думается, все-таки необходимо. Главное, чтобы они (традиции) не трансформировались в догматику, мешающую развитию научного знания. Таким образом, одна из задач, стоящая перед гуманитариями, – это сохранение научных школ, объединение специалистов в научные сообщества, которые занимаются и популяризацией своей научной дисциплины, и поддерживают входящих в них исследователей (например, Российское культурологическое общество, главная цель которого состоит в развитии в нашей стране культурологии).

Итак, потенциал гуманитарного знания состоит в возможности сопоставления присутствующих современному обществу разноплановых точек зрения и мировоззрений, что способствует лучшему пониманию природы сегод-

нящих изменений. Современное же образование должно не только знакомить с конкретными знаниями, оно должно учить размышлять. Эта цель стояла перед ним и в предыдущий период, но сейчас она приобрела особую остроту.

Список литературы

1. Борн М. Современная физика. Ленинград – Москва: Главная редакция общетехнической литературы. 1935. 276 с.
2. Борн М. Эйнштейновская теория относительности. 2-е издание, исправленное Москва: Мир. 1972. 369 с.
3. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. Москва: Айрис-пресс. 2004. 576 с.
4. Малинкин А. Н. Гуманитарное знание в борьбе эпистемологических парадигм (к истории вопроса) // Гуманитарное знание и вызовы времени. Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга. 2014. С. 108–24.
5. Нейсбит Д. Мегатренды. Москва: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак». 2003. 380 с.
6. Харвей П. О преимуществах структурной маргинальности британской социальной антропологии // Антропологические традиции: стереотипы, парадигмы: Сб. статей / Ред. и сост. А. Л. Елфимов. Москва: Новое литературное обозрение. 2012. С. 19–30.

*

Поступила в редакцию 10.07.2023

М МЕДИААКТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УСПЕШНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНОВ

УДК 304.4

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-41-52>

И. И. Горлова

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Южный филиал, Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Н. Б. Зиновьева

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Южный филиал, Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: nonna.zinoveva.56@list.ru

Аннотация: В статье рассмотрен феномен медиаактивности в социальных сетях как инновационный показатель успешности деятельности региональных органов государственного управления в сфере культуры. Концептуальная проработка в контексте теории измерений позволила выделить прямые и косвенные целевые индикаторы, свидетельствующие об уровне проявления медиаактивности, рассчитать для них шкалу приемлемых значений, а также разработать методику оценки применительно к деятельности органов государственного управления в сфере культуры. Представлены результаты анализа контента, выставляемого в сети Телеграм органами государственного управления в сфере культуры регионов, входящих в состав Южного федерального округа. Выявлено количество подписчиков, просмотров и выставленных качественных оценок. На основе полученных данных сформированы рейтинги, высчитаны средние величины, которые могут послужить в качестве отправной точки для выработки нормативных значений показателя медиаактивности в социальных сетях для органов государственного управления в сфере культуры.

ГОРЛОВА ИРИНА ИВАНОВНА – доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

ЗИНОВЬЕВА НОННА БОРИСОВНА – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

GORLOVA IRINA IVANOVNA – DSc in Philosophy, Professor, Head at the Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev

ZINOVIEVA NONNA BORISOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Chief Researcher at the Department for Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev

© Горлова И. И., Зиновьева Н. Б., 2023

Ключевые слова: медиаактивность, региональная культура, государственная культурная политика, стратегическое планирование, программа культурного развития, органы государственного управления в сфере культуры, показатель, целевой индикатор.

Для цитирования: Горлова И. И., Зиновьева Н. Б. Медиаактивность в социальных сетях как показатель успешности государственного управления в сфере культуры регионов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 41–52. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-41-52>

Благодарности: Доклад подготовлен в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России», № ГР: 121021500262–2.

MEDIA ACTIVITY IN SOCIAL NETWORKS AS AN INDICATOR OF THE SUCCESS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF REGIONAL CULTURE

Irina I. Gorlova

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev,
Southern Branch,
Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Nonna B. Zinovieva

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev,
Southern Branch,
Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: nonna.zinoveva.56@list.ru

Abstract: The article considers the phenomenon of media activity in social networks as an innovative indicator of the success of the activities of regional government bodies in the field of culture. Conceptual elaboration in the context of measurement theory allowed us to identify direct and indirect target indicators indicating the level of media activity, calculate a scale of acceptable values for them, and also develop an assessment methodology for the activities of public administration bodies in the field of culture. The results of the analysis of the content displayed on the Telegram network by state authorities in the field of culture of the regions that are part of the Southern Federal District are presented. The number of subscribers, views and quality ratings were revealed. Based on the data obtained, ratings were formed, average values were calculated, which can serve as a starting point for the development of normative values of the indicator of media activity in social networks for public authorities in the field of culture.

Keywords: media activity, regional culture, state cultural policy, strategic planning, cultural development program, public administration bodies in the field of culture, indicator, target indicator.

For citation: Gorlova I. I., Zinovieva N. B. Media activity in social networks as an indicator of the success of public administration in the field of regional culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 41–52. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-41-52>

Acknowledgements: The report was prepared as part of the state assignment of the Southern Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev on the topic “Regional culture and cultural policy: development strategies and experience of positive practices in the South of Russia”, № ГР: 121021500262–2.

Появление новых технологий, ускорение темпов экономического, политического и культурного развития коренным образом преобразовали человеческую цивилизацию в XXI веке. Глобальная сеть стала основным источником потребления информации, постепенно видоизменяя и включая в свою орбиту средства массовой информации, замыкая на себе коммуникативное общение, развивая разные виды взаимодействий, в том числе и в сфере управления [2; 3; 10]. Это обстоятельство приводит к необходимости переориентации целей государственного управления, к определению новых приоритетных направлений развития, к развитию сетевой медиаактивности вовлеченных в этот процесс субъектов. Постепенно складывается новая реальность постиндустриального общества с набором соответствующих требований к процессам профессиональной деятельности и профессиональным качествам работников [9].

Система государственного управления в сфере культуры вместе с подведомственными ей учреждениями в последнее десятилетие активно осваивает это новое поле деятельности [5]. На сегодняшний день глобальные сети предоставляют государственным учреждениям культуры большие возможности для реализации всех функций культуротворчества. Музеи, театры, художественные коллективы, библиотеки ведут официальные сайты, создают каналы на видео-хостингах, группы в социальных сетях, где размещают информацию о проводимых мероприятиях. Разнообразие сетевых сервисов позволяет создавать проекты высокого качества, а с помощью новых аналитических инструментов стало возможным исследовать востребованность аудиторией тех или иных материалов, выставляемых на официальных сайтах учреждений культуры, на собственных страничках в социальных сетях. Онлайн-опросы посетителей, анализ оценок выставляемому контенту, ранжирование его по количеству просмотров, скачиваний, числу подписчиков позволяет отслеживать интересы аудитории, ее местонахождение, реакцию на предостав-

ляемый контент [6]. Благодаря появлению таких сервисов можно работать с существенно большей аудиторией, чем раньше, точнее учитывать ее предпочтения, результативнее проводить воспитательную работу, предоставляя лучшие образцы культурного продукта.

С учетом этих новых возможностей компьютерных технологий Правительством Российской Федерации было дано распоряжение об открытии с 1 декабря 2022 года аккаунтов в социальных сетях и обязательном выставлении госучреждениями различного рода информации, в том числе отчетов о проводимых мероприятиях и комментариев по актуальным вопросам [7].

Но если официальные сайты в сети Интернет органы государственной власти и подведомственные им учреждения культуры ведут уже достаточно давно и успешно, то технология работы в социальных сетях только складывается, причем, методом проб и ошибок. А исследования медиаактивности, в первую очередь, ведутся в коммерческих структурах [8]. Опыт подобной деятельности в сфере культуры еще не получил достаточного освещения в специальной литературе, что обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Нами было проведено пилотное исследование степени интенсивности использования социальных сетей в работе органов государственного управления в сфере культуры на примере регионов, входящих в состав Южного федерального округа.

Объектом исследования стала деятельность органов государственного управления в сфере культуры регионов, входящих в состав Южного федерального округа. Предметом – активность работы указанных органов в социальных сетях.

Исследование преследовало цель – собрать и обобщить эмпирические данные о работе в социальных сетях органов государственного управления в сфере культуры регионов, входящих в состав Южного федерального округа, для определения их уровня медиаактивности и разработки на этой базе

соответствующих целевых индикаторов, пригодных для дальнейшего использования в аналитической работе ведомства. Эта цель была реализована посредством решения следующих задач:

1. теоретически обосновать показатель медиаактивности, его составляющие элементы и разработать методику его оценки применительно к деятельности органов государственного управления в сфере культуры;
2. с помощью пилотного исследования апробировать методику оценки медиаактивности на материалах, выставляемых в социальных сетях органов государственного управления в сфере культуры на примере регионов, входящих в состав Южного федерального округа;
3. обосновать универсальный показатель и входящие в его состав целевые индикаторы медиаактивности для последующего применения в аналитической работе в сфере культуры.

Эмпирической базой исследования стали материалы, выставляемые региональными органами государственного управления в сфере культуры Южного федерального округа в социальных сетях на примере сети Телеграмм-канал. Хронологический отрезок, в рамках которого осуществлялось пилотное исследование, охватывал июнь-июль 2023 года.

Работа учреждений культуры по реализации задач государственной культурной политики сегодня требует сочетания неизменности стратегической линии с гибкостью и творческим подходом к адаптации разработанных и утвержденных программ в сложившихся реалиях. Они обусловлены, прежде всего, сменой поколений кадрового состава работников учреждений культуры, предпочтений их целевой аудитории, ориентирующейся на иной формат коммуникативного взаимодействия, на более современные формы потребления культурного продукта. Поэтому так важны разработка и внедрение инновационных показателей и целевых индикаторов, отражаю-

щих современный подход к оценке степени и характера реализации программ культурного развития регионов, более соответствующих новой социокультурной ситуации [4].

Но прежде всего следует разобраться в используемой терминологии. Нередко возникает путаница в отношении терминов «показатель» и «индикатор». Показатель отражает объективное состояние объекта, процесса или явления (далее – объекта) на момент исследования, которое в перспективе в зависимости от условий может измениться.

Но один показатель может опираться на несколько индикаторов, характеризующих разные стороны анализируемого объекта. Они связаны между собой причинными взаимосвязями, что дает возможность построить предполагаемые зависимости одних явлений от других.

Путем эмпирических исследований вычлняется зона положительных значений, при которых объект находится в условиях относительной безопасности и комфортной работы – это зона оптимума. Если индикатор колеблется в этом спектре, тем самым свидетельствует, что в данной позиции с объектом все в порядке. А при приближении к пограничным значениям индикатор посылает сигнал о возможном выходе за их пределы в пессимум, что нежелательно [10]. Таким образом выстраивается модель одного показателя, состоящая из нормативных значений нескольких используемых индикаторов.

Сегодня для показателей, которые помогают оценить состояние принципиально новых объектов, такие индикаторы и шкалы нормативных значений еще не разработаны. К таким показателям относится и медиаактивность. Ее внедрение в практику оценки результатов деятельности в медиасреде связано с появлением новых аналитических инструментов, опирающихся на формализованные методики, а точнее – на компьютерные алгоритмы, строящиеся на математических закономерностях. С их помощью стало возможным исследовать востребованность аудиторией тех или иных материалов, выстав-

ляемых на официальных сайтах учреждений культуры и страничках в социальных сетях, проводить онлайн-опросы их посетителей, оценивать выставляемый контент, ранжируя его по количеству просмотров, скачиваний, числу подписчиков и поставленных лайков. Они имеют количественное измерение, поэтому могут участвовать в рейтингах, сравниваться с другими временными отрезками и данными аналогичных учреждений.

В теории измерений показатели и индикаторы классифицируют по разным признакам, в том числе выделяют среди них прямые и косвенные. Прямыми считаются такие измерения, при которых искомое значение величины получают непосредственно подсчетом выделенных единиц в абсолютных цифрах. А косвенные измерения производятся путем манипуляций с результатами прямых измерений [1]. И они рассчитываются в средних значениях, а также – в процентных соотношениях. Так, в составе показателя медиаактивности фигурируют такие индикаторы, построенные на основе прямых измерений:

- количество подписчиков одной странички в социальных сетях;
- количество выставляемых материалов на одной страничке в определенный промежуток времени (день, месяц, год);
- количество просмотров пользователями выставленных материалов на одной страничке в определенный промежуток времени (день, месяц, год);
- количество лайков и комментариев, сопровождающих просмотры материалов в определенный промежуток времени (день, месяц, год).

Индикаторы, построенные на основе прямых измерений, составляют базовую основу для расчета косвенных, поскольку сами по себе они не могут быть сравнимы в силу разных условий. В контексте нашего исследования, к примеру, обследуемые регионы различаются количеством проживающего населения. Косвенные индикаторы в этом плане более корректны для сравнения. Это такие индикаторы, как

- процент подписчиков на страничку от общего количества населения региона;
- отношение количества просмотров контента к общему количеству населения региона;
- среднее количество просмотров одной публикации, а также полученных лайков и комментариев, за один день;
- отношение количества лайков и комментариев к количеству выставленных публикаций и т. д.

Первые два из названных косвенных индикаторов свидетельствуют о степени интереса жителей региона к деятельности учреждений культуры. Среднее число просмотров каждой выставленной публикации показывает, сколько человек в день прочли выставляемое сообщение, что дает представление об общей прочитываемости контента. Отношение количества лайков и комментариев к количеству выставленных публикаций показывает, насколько в целом актуальными и злободневными были представленные в социальной сети материалы. Кроме того, среднее число просмотров в день можно сравнить с числом подписчиков и выяснить, какой процент от числа просмотров в день составляет число подписчиков. Этот индикатор позволяет оценить состав читающих, выяснить, какую долю занимают подписчики, т. е. постоянные читатели, и отсеять тем самым случайных посетителей.

Разработка инструментария исследования медиаактивности позволила перейти к количественному подсчету выделенных единиц и последующему расчету на их базе косвенных значений. Были определены адреса страничек в социальной сети Телеграм органов государственного управления в сфере культуры регионов, входящих в состав Южного федерального округа. По каждому из них была собрана информация о количестве подписчиков, что позволило определить их долю в процентном соотношении с численностью населения региона. Данные о количестве подписчиков приведены в таблице 1.

№ п/п	Наименование организации	Количество подписчиков на 05.07.2023	Доля подписчиков от численности населения региона (%)
1.	Министерство культуры Республики Адыгея	677	0,1
2.	Министерство культуры Астраханской области	498	0,05
3.	Комитет культуры Волгоградской области	439	0,02
4.	Департамент культуры г. Севастополя	447	0,08
5.	Министерство культуры Ростовской области	1214	0,03
6.	Министерство культуры Республики Крым	8428	0,4
7.	Министерство культуры Краснодарского края	1286	0,02
8.	Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия	618	0,2

Таблица 1. Данные о количестве подписчиков в социальной сети Телеграм

Если судить по абсолютным цифрам, то в лидерах по количеству подписчиков значатся Республика Крым, затем с некоторым отрывом следуют Краснодарский край и Ростовская область, показавшие число подписчиков от одной до нескольких тысяч.

Но при рассмотрении этих данных в процентном соотношении к общей численности

населения региона картина несколько меняется. Так, наивысшие показатели продемонстрировала опять таки Республика Крым, но на второе место вышла Республика Калмыкия, а наименьшие значения показали Краснодарский край, Волгоградская и Ростовская области, т. е. наиболее густонаселенные регионы из числа обследуемых. На диаграмме это выглядит так (Диаграмма № 1).

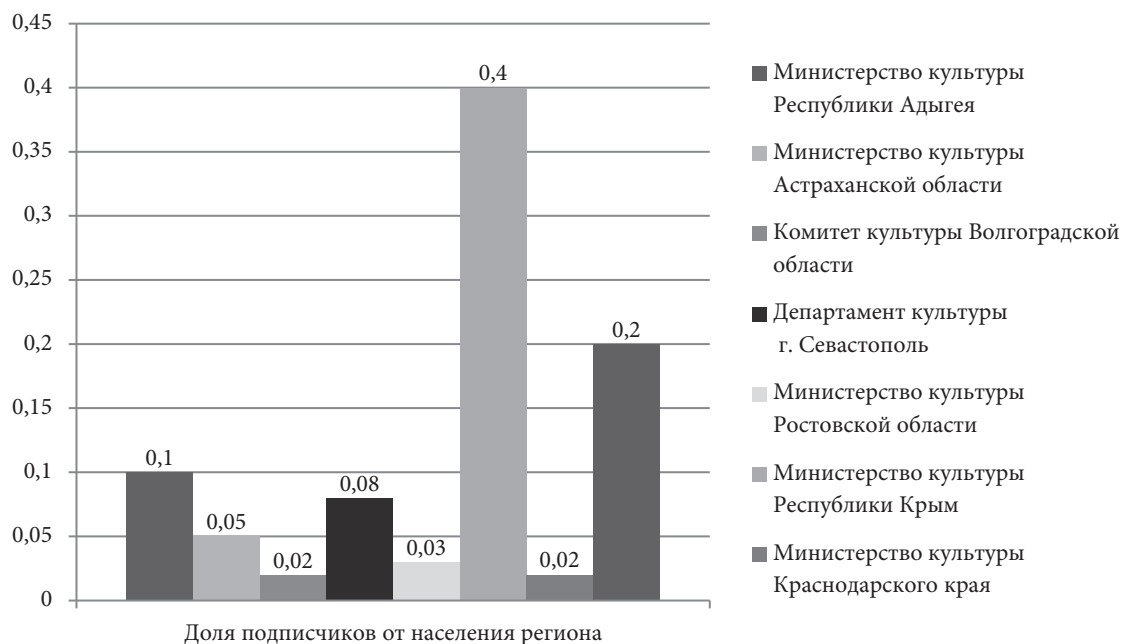

Диаграмма № 1. Доля подписчиков от населения региона

№ п/п	Наименование организации	Количество публикаций за пилотный период	Среднее количество публикаций в день
1.	Министерство культуры Республики Адыгея	101	1,7
2.	Министерство культуры Астраханской области	163	2,8
3.	Комитет культуры Волгоградской области	324	5,5
4.	Департамент культуры г. Севастополя	70	1,2
5.	Министерство культуры Ростовской области	161	2,7
6.	Министерство культуры Республики Крым	536	9,1
7.	Министерство культуры Краснодарского края	93	1,6
8.	Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия	129	2,2

Таблица 2. Данные о выставляемых публикациях

Второй шаг пилотного исследования состоял в выявлении количества публикаций, выставленных органами государственного управления в сфере культуры регионов в составе Южного федерального округа, а также в расчете среднего числа публикаций, выставляемых за один день. Этот показатель, как в абсолютных цифрах, так и по среднему числу публикаций, продемонстрировал боль-

шой разброс значений. Данные представлены в таблице 2.

Анализ показал, что лидирует Министерство культуры Республики Крым, выставяющее ежедневно более 9 публикаций. На втором месте располагается Комитет культуры Волгоградской области – более 5 публикаций. Эти два ресурса продемонстрировали наибольшую интенсивность своей работы.

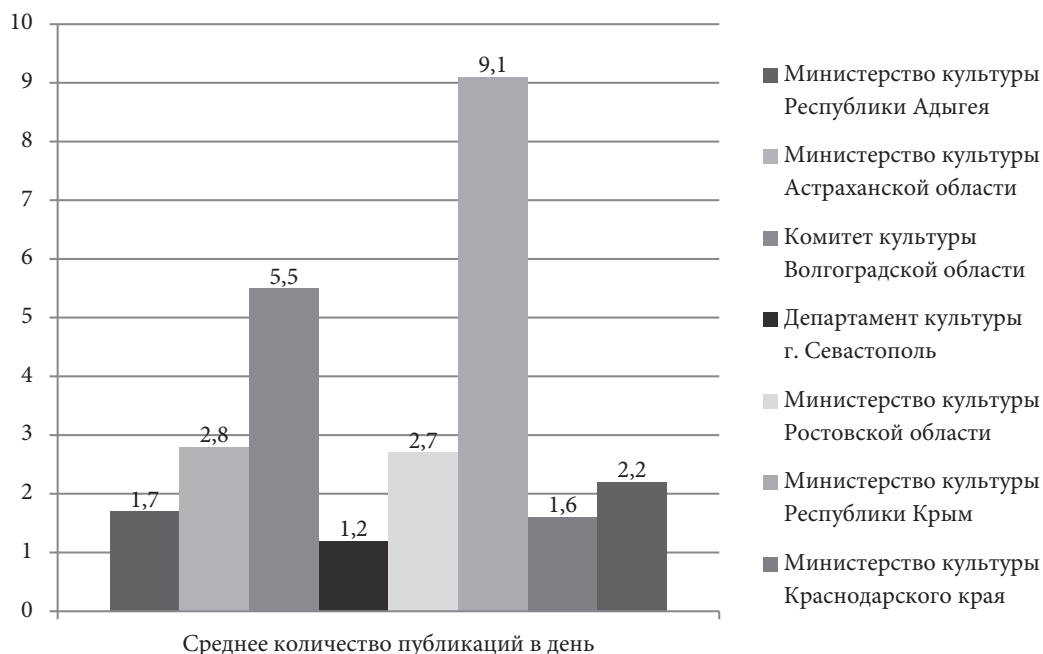

Диаграмма № 2. Среднее количество публикаций в день

№ п/п	Наименование организации	Количество просмотров за пилотный период	Среднее количество просмотров в день
1.	Министерство культуры Республики Адыгея	78 451	1329,7
2.	Министерство культуры Астраханской области	31 761	538,3
3.	Комитет культуры Волгоградской области	67 396	1142,3
4.	Департамент культуры г. Севастополя	20 180	342,0
5.	Министерство культуры Ростовской области	91 804	1556,0
6.	Министерство культуры Республики Крым	152 642	2587,2
7.	Министерство культуры Краснодарского края	86 072	1458,9
8.	Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия	31 307	530,6

Таблица 3. Данные о просмотрах публикаций

Остальные производители контента выставляли в день от 1,7 публикаций (Министерство культуры Республики Адыгея) до 2,8 (Министерство культуры Астраханской области). Т.е., указанные организации в социальных сетях работают в среднем темпе, в ежедневном режиме выставляя по 1–3 публикации в день. На диаграмме это выглядит так (Диаграмма № 2).

Третий шаг исследования, в ходе которого высчитывались просмотры выставляемых публикаций, показал также неоднозначные результаты. Полученные данные сгруппированы в Таблице № 3. Так, по данным исследования, наибольшее число просмотров продемонстрировали читатели ресурса, выставляемого Министерством культуры Республики Крым. Но вторым и третьем местах по количеству просмотров

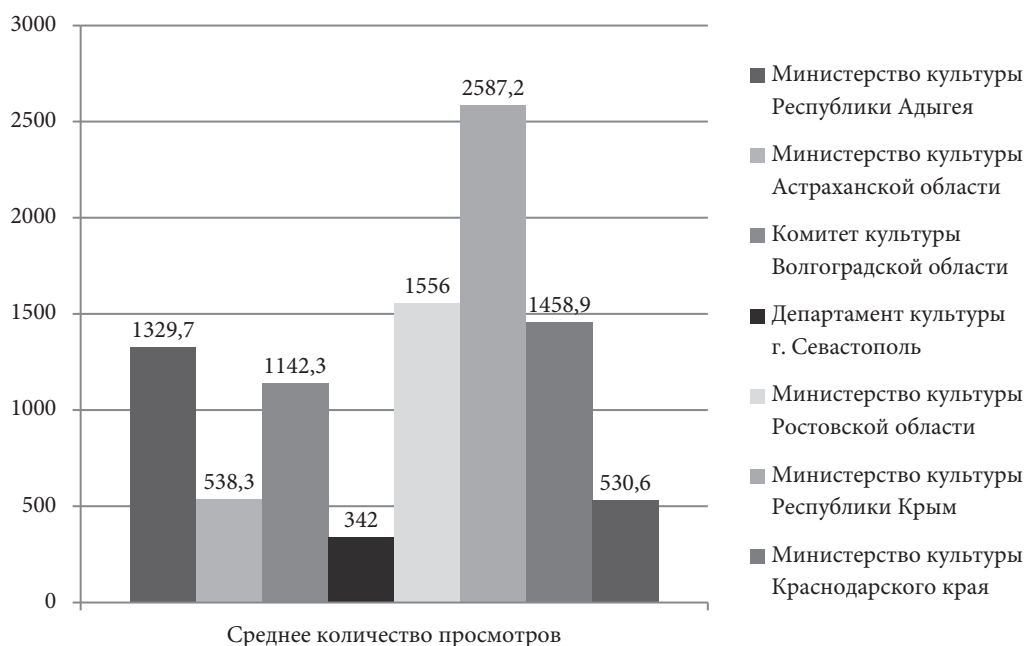

Диаграмма № 3. Среднее количество просмотров

№ п/п	Наименование организации	Количество публикаций за пилотный период	Количество просмотров за пилотный период	Среднее количество просмотров на 1 публикацию
1.	Министерство культуры Республики Адыгея	101	78 451	776,7
2.	Министерство культуры Астраханской области	163	31 761	194,8
3.	Комитет культуры Волгоградской области	324	67 396	208,0
4.	Департамент культуры г. Севастополя	70	20 180	288,2
5.	Министерство культуры Ростовской области	161	91 804	570,2
6.	Министерство культуры Республики Крым	536	152 642	284,7
7.	Министерство культуры Краснодарского края	93	86 072	925,5
8.	Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия	129	31 307	242,6

Таблица 4. Среднее количество просмотров на 1 публикацию

оказались читатели контента, выставяемого Министерствами культуры Ростовской области и Краснодарского края. Контент, выставяемый Комитетом культуры Волгоградской области, опустился в этом рейтинге вниз, пропустив впереди себя контент, выставяемый Министерством культуры Республики Адыгея. На диаграмме это выглядит так (Диаграмма № 3).

Просмотр контента – это всего лишь факт обращения читателя к публикации. А вот показатель среднего количества просмотров в день информирует о том, сколько человек в день в среднем приходят на ресурс. Косвенно он выступает свидетельством востребованности ресурса и читательской активности.

№ п/п	Наименование организации	Комментарии, лайки	Количество публикаций	Среднее количество лайков и комментариев на 1 публикацию
1.	Министерство культуры Республики Адыгея	563	101	5,6
2.	Министерство культуры Астраханской области	1084	163	6,6
3.	Комитет культуры Волгоградской области	1106	324	3,4
4.	Департамент культуры г. Севастополя	648	70	9,2
5.	Министерство культуры Ростовской области	3568	161	22,1
6.	Министерство культуры Республики Крым	3374	536	6,3
7.	Министерство культуры Краснодарского края	1438	93	15,4
8.	Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия	1 300	129	10,0

Таблица 5. Данные по среднему количеству лайков и комментариев на 1 публикацию

№ п/п	Наименование организации	Доля подписчиков от общего числа населения региона	Среднее количество выставляемых публикаций за рассматриваемый период	Среднее количество просмотров на 1 день (в тыс.)	Среднее количество просмотров на 1 публикацию (в сотнях)	Среднее количество лайков и комментариев
1.	Министерство культуры Республики Адыгея	0,1	1,7	1,3	0,8	5,6
2.	Министерство культуры Астраханской области	0,05	2,8	0,5	0,2	6,6
3.	Комитет культуры Волгоградской области	0,02	0,5	1,1	0,2	3,4
4.	Департамент культуры г. Севастополя	0,08	1,2	0,3	0,2	9,2
5.	Министерство культуры Ростовской области	0,03	2,7	1,6	0,6	22,1
6.	Министерство культуры Республики Крым	0,4	9,1	2,6	0,3	6,3
7.	Министерство культуры Краснодарского края	0,02	1,6	1,5	0,9	15,4
8.	Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия	0,2	2,2	0,5	0,2	10
	В среднем по всем обследуемым ресурсам	0,11	3,3	1,2	0,436	10

Таблица 6. Итог по средним значениям индикаторов медиаактивности

Результаты расчета среднего количества просмотров на единицу публикации представлены в Таблице № 4.

Анализ данной таблицы показал следующее: наиболее активно просматриваются публикации, выставляемые Министерством культуры Краснодарского края, Республики Адыгея, Ростовской области. Каждая выставленная публикация органами государственной власти в сфере культуры просматривается в среднем 436 раз.

Для выражения своего отношения к публикации в сетевых технологиях вшит инструментарий нескольких вариантов оценки. Они подразделяются на "лайки" и комментарии¹. Хотя количество комментариев само по себе

¹ Министерство культуры Ростовской области, Министерство культуры и туризма республики Калмыкия, Комитет культуры Волгоградской области отключили возможность комментировать выставляемый контент в сети Телеграм, поэтому подсчет осуществлялся только по лайкам.

не очень информативный индикатор, его информативность повышается в соотношении с количеством просмотров публикаций. Результаты анализа представлены в Таблице № 5.

Подсчет лайков и комментариев, выступающих формой обратной связи, свидетельствуют не только о факте прочтения контента, но также об активности пользователей в выражении собственного мнения о нем. Анализ результатов показал большой разброс. Наиболее активно проявляют свою реакцию читатели в Ростовской области, Краснодарского края, Республики Калмыкия.

Обобщенный результат всех средних данных, полученных посредством расчетов, с округленными для наглядности цифрами, представлен в Таблице № 6.

Таким образом, в целом по регионам, входящим в состав Южного федерального округа, государственные органы управления в сфере культуры имеют число подписчиков в социальных сетях в среднем 0,11% от населения региона; они выставляют в среднем по 3,3 публикации в день, которые просматриваются читателями в среднем 1,2 тыся-

чи раз в день. Каждая публикация в среднем просматривается 436 раз и получает отклик в количестве примерно 10 лайков и комментариев.

Безусловно, полученные данные во многом зависят от задач, решаемых органами государственной власти в сфере культуры посредством выставления контента в социальных сетях. Полученные в результате расчетов цифры могут иметь сезонные колебания, нести в себе региональную специфику, а также во многом зависят от качества и актуальности выставляемых публикаций. Как и в любом пилотном исследовании, полученные результаты нуждаются в проверке на большем массиве данных.

Тем не менее, в настоящее время они могут послужить в качестве отправной точки для выработки нормативных значений показателя медиаактивности для органов государственной власти в сфере культуры в социальных сетях, что будет способствовать более успешному решению задач совершенствования управленческой деятельности в сфере культуры.

Список литературы

1. *Анциферов С. С.* Общая теория измерений: учеб. пособие. Москва: ГИТ, 2007. 176 с.
2. *Ачкасова К.* Медиапотребление в России 2022. [Электронный ресурс] URL: [https:// ict.moscow/research/mediapotreblenie2022/](https://ict.moscow/research/mediapotreblenie2022/)
3. *Белякова Е.* Deloitte: 95% россиян имеют опыт использования соцсетей. [Электронный ресурс] URL: <https://spark.ru/startup/spark-news/blog/79798/deloitte95rossiyanimeyutopitispolzovaniya-sotssetej>
4. *Горлова И. И., Зиновьева Н. Б., Костина Н. А.* О целевых индикаторах для оценки результатов реализации государственных программ культурного развития регионов Юга России // *Обсерватория культуры.* 2023. Т. 20. № 4. С. 340–350.
5. *Горлова И. И.* Методологические аспекты региональной культурной политики в контексте социокультурного развития современного российского общества // *Культурное наследие – от прошлого к будущему: сборник научных трудов.* Москва – Санкт-Петербург. 2022. С. 337–351.
6. *Мурзина Е. В.* Медиапотребление в условиях неопределенности современного общества // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета.* № 5 (80). 2022. С. 122–130.
7. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 2 сентября 2022 года № 2523-р [Электронный ресурс] // URL: <http://static.government.ru/media/files/.pdf>
8. Рейтинг медиаактивности как зеркало коммуникационной деятельности компании. [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/article/347981-reyting-mediaaktivnosti-kak-zerkalo-kommunikacionnoy-deyatelnosti-kompaniy?ysclid=lmlreuzny305421223>

9. *Симбирцева Н. А.* Медиаактивность как личностное качество человека постиндустриальной культуры: на пути решения проблемы // Человек и культура. 2016. № 4. С. 1–8.
10. *Шатунова М. А.* Основные тенденции медиапотребления в социальных сетях Рунета // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 349–352.

*

Поступила в редакцию 29.08.2023

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА

УДК 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-53-59>

И. А. Купцова

Московский государственный педагогический университет,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: ia.kupcova@mpgu.su

Г. Ф. Зиннатуллина

Институт международных отношений и социально-политических наук,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: Gul-basharova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию процессов трансформации повседневной культуры российских мусульман в условиях социокультурной среды мегаполиса. Авторы анализируют ведущие характеристики современного мегаполиса (на примере Москвы) и их влияние на проявление особенностей культуры повседневности российских мусульман, а также изменение ее традиционных практик. Рассматриваются наиболее значимые репрезентации культуры повседневности мусульман, связанные с культурой коммуникации, культурой питания, индустрией моды и красоты.

Ключевые слова: столичный мегаполис, трансформация повседневной культуры, культура повседневности мусульман, мусульманская культура, российские мусульмане.

КУПЦОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой медиаобразования, Московский государственный педагогический университет; профессор кафедры мировой культуры, Московский государственный лингвистический университет

ЗИННЯТУЛЛИНА ГУЛЬШАТ ФЯРИТОВНА – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет; соискатель кафедры мировой культуры, Московский государственный лингвистический университет

KUPTSOVA IRINA ALEXANDROVNA – DSc in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Media Education Department, Moscow Pedagogical State University, Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

ZINNYATULLINA GULSHAT FYARITOVNA – Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Political Studies, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University; Applicant for the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

© Купцова И. А., Зиннатуллина Г. Ф., 2023

Для цитирования: Купцова И. А., Зиннатуллина Г. Ф. Трансформация повседневной культуры российских мусульман в социокультурной среде столичного мегаполиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 53–59. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-53-59>

TRANSFORMATION OF EVERYDAY CULTURE OF RUSSIAN MUSLIMS IN THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE METROPOLITAN METROPOLIS

Irina A. Kuptsova

Moscow State Pedagogical University,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: ia.kupcova@mpgu.su

Gulshat F. Zinnyatullina

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: Gul-basharova@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the processes of transformation of the everyday culture of Russian Muslims in the socio-cultural environment of the metropolis. The authors analyze the main characteristics of the modern metropolis (on the example of Moscow) and their influence on the manifestation of the features of the culture of everyday life of Russian Muslims, as well as the change in its traditional practices. The most significant representations of the culture of everyday life of Muslims associated with the culture of communication, food culture, fashion and beauty industry are considered.

Keywords: metropolitan metropolis, transformation of everyday culture, everyday culture of Muslims, Muslim culture, Russian Muslims.

For citation: Kuptsova I. A., Zinnyatullina G. F. Transformation of everyday culture of Russian Muslims in the socio-cultural environment of the metropolitan metropolis. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 53–59. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-53-59>

Осмысление проблемы появления и развития мегаполисов в научной литературе расширяется по мере роста самого феномена и усиления влияния мегаполисов как на развитие государств в целом, так и отдельно на конкретного человека-жителя мегаполиса. Вопросы, возникающие при обращении к анализу мегаполиса, связаны с целым рядом аспектов: от изучения истории возникновения и этапов генезиса социокультурного пространства мегаполиса до психологических и психосоматических проблем жителя городской агломерации; от выявления истоков и причин появления мегаполисов до попыток

определить возможные сценарии их существования в далеком и недалеком будущем.

Российский философ и культуролог М. С. Каган утверждал, что «именно город на протяжении всей своей истории оказался и остается создателем и носителем особого типа культуры, ставшего определяющим для современного мира» [4, с. 15]. Среди современных городов отдельное место занимают мегаполисы, формируя городские анклавов внутри стран и развивая специфические характеристики социокультурного пространства и варианты идентичности их жителей. История европейских мегаполисов начинается

с XVII века, когда на волне зарождения индустриального мира стремительное развитие получают столицы, как центры политической и экономической власти эпохи Нового времени. Мегалополис, в переводе с древнегреческого (μεγάλο-πολις – мегалополис) буквально означает «большой город». Франко-американский исследователь Ж. Готтман, изначально рассматривая территорию непрерывных застроек в районе восточного побережья Америки от Бостона до Вашингтона, создает концепцию мегалополиса, в котором нивелируется разница между городскими и сельскими областями [8]. И. А. Вершинина отмечает, что Ж. Готтман «рассматривает мегалополис как новые возможности, благоприятствующие инновациям, экспериментам и обмену знаниями и идеями» [2, с. 43]. Ключевое место в его теории занимают понятия «циркуляции», «границ», «иконографии»; особо подчеркивается значимость информации и анализируется роль миграции в развитии городской агломерации.

Мегалополисы – производная рыночной экономики с присущей ей предпринимательской деятельностью, экономическим перераспределением ресурсов (в том числе людских), возникнув как результат процесса индустриализации, со временем претерпели существенные изменения и в постиндустриальную эпоху выступают, прежде всего, центрами инноваций и интеграционным фактором для многообразных тенденций. При этом в контексте мегалополиса развивается не только профессиональная или специализированная культура, мегалополис отличает особый тип повседневной культуры.

Повседневная культура вариативна и во многом определяется этнокультурной идентичностью, связанной, в том числе, и с конфессиональной принадлежностью. Российский культуролог И. В. Малыгина трактует этнокультурную идентичность как «... сложный социально-психологический феномен, подразумевающий осознание общности индивида с тем или иным этносоциальным образованием на основе разделяемой культуры (включая конфессиональную...)» [6,

с. 66]. Таким образом, религиозная принадлежность выступает основанием для определения особого типа повседневной культуры, обусловленного конфессиональной принадлежностью и самоидентификацией.

Повседневная культура российских мусульман – это практики жизнедеятельности жителей России, разворачивающиеся на быденном уровне культуры, характер и содержание которых в большей или меньшей степени определены ценностно-смысловым комплексом, нормами, традициями и обычаями ислама.

Российский исследователь Е. А. Власова, характеризуя мегалополис как специфический культурный феномен, обосновывает наличие текста мегалополисной культуры и мегалополисной идентичности. Автор выделяет различные варианты репрезентации культуры мегалополиса, выявляя типологию ментальности жителей мегалополиса, и предлагает следующее определение: «...Мегалополис как социокультурный феномен представляет собой особым образом организованную культурную среду, которая явилась результатом урбанистической макродинамики. В современном мегалополисе преодолеваются свойственные городской организации замкнутость, четкая локализация и маркировка социокультурного и социоментального пространства. Пространство мегалополиса как целое в принципе не может быть полностью освоено сознанием» [1, с. 12–13]. Обращаясь к ведущим характеристикам мегалополиса, можно отметить ризомность его социокультурного пространства, унифицирующее воздействие на расстояние и масштабы, несоразмерные человеку и его традиционным представлениям о месте жительства, типах взаимодействия.

Унификация и стандартизация, характерная для социокультурного пространства мегалополиса, в то же время обладает существенной стратификацией и складывается из различных культурных миров и явлений, которые как возникают в процессе модернизационных процессов, так и являются элементами традиционной культуры. Мегалополисы мира,

обладая схожими чертами и универсальными характеристиками, как сверхкрупные городские агломерации, всё же имеют свое «лицо», отличаются самобытностью и своеобразной неповторимостью в силу исторических причин, природно-географических факторов, этнокультурного состава населения, интенсивности миграционных процессов и пр.

Одним из важных аспектов для анализа мегаполиса и связанной с ним идентичности является религиозная принадлежность, религиозная идентичность ее жителей. Москва является городом, где представлены различные религии и вероисповедания, которым следуют жители столицы в соответствии со своими предпочтениями, историческими, культурными и семейными традициями. Вот сведения, озвученные в интервью РИА Новости 19 ноября 2021 года Муфтием Москвы, имамом Московской соборной мечети, Ильдаром Аляутдиновым: «По самым приблизительным данным, в столице около 3–3,5 миллионов мусульман, из которых два миллиона – жители города, а остальные 1–1,5 – приехавшие на заработки» [7]. Число последователей ислама в российской столице неуклонно возрастает, о чем могут свидетельствовать результаты наблюдений во время религиозных праздников мусульман. Существующие мечети давно перестали вмещать всех желающих, их присутствие все заметнее в городском пространстве, а элементы мусульманской культуры стали неотъемлемой частью жизни мегаполиса.

Л. В. Беловинский справедливо отмечает, что «... практически нет таких жизненных сфер, которые были бы вне повседневности. Она выражается в «правилах игры» коллективной жизни социума: мотивациях, социальной стратегии, нормах и правилах, стандартах адаптивной деятельности, организации, коммуникации, регуляции, в нравах, обычаях, ритуалах, стереотипах восприятия и поведения, вкусах, оценках, творчестве, труде, формах отдыха и других регуляторах общественного поведения этносов, страт, социокультурных микрогрупп и индивидов в процессе общественного бытия в каждый историче-

ский момент» [1, с. 84]. Мир повседневности представлен в пространстве мегаполиса через различные сервисы, услуги и товары, которые необходимы человеку на постоянной основе. Это многочисленные магазины различных форматов, предприятия общественного питания, организации службы быта и обслуживания населения, предприятия «индустрии красоты».

Столичные сервисы обладают высокой степенью инновационности и динамизма, основываясь на технических и технологических достижениях, развитии информационной цифровой среды. Трансформируясь сами (прежде всего преследуя коммерческие цели), они существенно меняют жизнь горожан в ее повседневном проявлении. Большая часть из них – это многочисленные сетевые организации, которые представляют собой стандартизированные форматы обслуживания, четко определенный набор товаров, идентичный в каждой «точке» сети. Обращаясь к ним за товарами и/или услугами, человек попадает в привычную среду, где комфортно совершать покупки, необходимые для повседневных практик жизнедеятельности. Отдельного внимания в данном случае заслуживают сервисы доставки товаров. Развиваясь с большой скоростью, в настоящее время они являются неотъемлемой частью повседневности столичного жителя, воспринимающего как норму быструю и сверхбыструю доставку огромного списка товаров. Отдельные сервисы привлекают к себе внимание обещаниями доставки за 15 минут, что в условиях мегаполиса трактуется как достижение высокого уровня и конкурентное преимущество, с учетом столичных расстояний и загруженностью транспортных магистралей. Это существенно изменяет конфигурацию повседневных практик, например, замещая посещение реального магазина, обращением к его интернет-версии и совершением онлайн-покупок.

Изменяется привычный темп-ритм и содержание повседневных практик. Вместо похода из дома/с работы в физическое пространство торгового предприятия, вза-

имодействия с его сотрудниками (пусть, как правило, минимизированного сервисами повсеместного самообслуживания) человек обращается к цифровой версии товаров и, как правило, наедине, совершает покупки. Нередко это происходит по пути, в транспорте, то есть совмещается с другими видами активности. Эти существенные изменения, воспринимаются на уровне обыденной культуры, как привычные характеристики повседневности, требуют глубокого осмысления, так как они свидетельствуют о фактическом распаде ее традиционных практик. Отчасти этот процесс можно сравнить с исторически произошедшей заменой специальных рыночных дней, существовавших в городах (как правило, это была суббота), постоянно работающими магазинами, а затем и торговыми центрами, гипермаркетами. Тогда произошла существенная трансформация цикличности повседневных практик, которые включали будни и обязательное посещение рынка один раз в неделю и приобретение необходимых товаров на неделю. Они были заменены на возможность совершать покупки в любое время (любой день недели). Отметим, что ряд малых городов России сохраняет работу еженедельных рынков, естественным образом продолжая развивать традиционный уклад жизни. Отдельные элементы этой традиции встречаются в мегаполисе в виде «ярмарок выходного дня», районных рынков, фермерских ярмарок, которые работают сезонно или циклично в недельном ритме, опираясь на исторически сложившийся уклад жизни.

За этими изменениями стоит не просто принципиально иной способ покупки товара или услуги, но, что более важно, изменение модели коммуникации, появление новых привычек и способов взаимодействия. Совершая покупки онлайн, невозможно кого-то случайно встретить, обсудить последние новости и интересующие вопросы. Предполагаем, что в недалеком будущем ведущие сервисы онлайн-торговли предоставят возможность виртуального совместного совершения выбора товара и покупки, что будет во многом

повторять совместные походы по магазинам, которые в реальной жизни совершают друзья, семьи, родственники. В настоящее время мы можем констатировать перенос реальных практик в виртуальное пространство.

Российские исследователи О. Н. Астафьева и Н. В. Кузьмина рассматривают мегаполис как «...репрезентант новых смыслов культуры», обращая внимание на возрастание экзистенциальных и духовно-нравственных вызовов, перед которыми оказывается житель мегаполиса. Его картина мира во многом формируется под влиянием семиотики урбанистического пространства [5]. Жизнь мегаполиса невозможно представить без развитой транспортной сети, которая собирает воедино, «стягивает» пространство, позволяя перемещаться на большие расстояния за более или менее короткий промежуток времени. Москва, являясь одним из самых развитых и благоустроенных столичных мегаполисов мира, обладает уникальной транспортной сетью, которая продолжает стремительно развиваться, изменяя привычные повседневные практики горожан. Это, прежде всего, новые маршруты и станции, соединяющие различные районы и позволяющие более быстро и комфортно перемещаться по практически безграничному миру мегаполиса. Они во многом определяют пространственно-временные характеристики, в которых разворачивается жизнь человека. Дорога на работу и обратно, местонахождение социальных объектов (поликлиник, больниц), образовательных организаций, учреждений культуры и досуга формируют своеобразную «территориально-географическую матрицу», в которой находится человек.

Территориально-географическая матрица мегаполиса отражает многообразие проживающих в нем людей. Это касается как возраста, профессиональных занятий, так и конфессиональной, этнокультурной принадлежности. Религиозная культура во многом определяет повседневные практики, проявляясь в пространстве мегаполиса. Для Москвы культурное и конфессиональное разнообразие

является результатом хода исторического развития как России в целом, так и самой столицы. Являясь центром притяжения и сосредоточения экономической и культурной жизни, ткань столичной культуры вбирает в себя многочисленные инокультурные элементы, интегрирует различные явления и характеристики. Отвечая на запросы жителей, городское пространство включает ранее находившиеся в тени или на «окраине ойкумены» сервисы и товары. Так, появились многочисленные специализированные магазины со знаком «Халяль», подтверждающие предписанные Кораном требования по приготовлению продуктов, в крупных супермаркетах открылись и увеличиваются отделы с халяльной продукцией. Предположим, что имея направленность на определенную целевую аудиторию, они привлекают к себе внимание и других посетителей, просто предпочитающих качественный товар. При этом, продукция со знаком «Халяль», как правило, несколько дороже аналогичной, но уже без соответствующей маркировки.

Наряду с продуктами питания отметим появление специальных магазинов или отделов, как в реальном, так и виртуальном мире, которые предлагают одежду для мусульман. Преимущественно эти предложения предназначены женщинам и опираются на традиционные нормы, которые должны соблюдать в одежде мусульмане. Они, прежде всего, относятся к степени закрытости, ее силуэту, нередко цветовой палитре. При строгом соблюдении традиционных норм ислама костюм мусульманки должен закрывать практически все части тела, оставляя видными лишь кисти рук и лицо. Также предписывается и ношение хиджаба. Однако в условиях мегаполиса зачастую мусульманки используют лишь отдельные элементы традиционного наряда, соблюдая только основные правила и выбирая для повседневных практик одежду, отчасти скрывающую части тела.

Примечательной тенденцией, касающейся одежды, является развитие системы проката/аренды праздничных платьев и костюмов.

Это преимущественно столичная практика мегаполиса, где огромное население и малая вероятность совпадения нарядов на одном мероприятии. Также эта тенденция свидетельствует о распространении в мусульманском сообществе нового типа экономической модели, когда на смену обладанию приходит временное использование, подразумевающее последовательное совместное владение вещью/предметом в определенный период времени. В рамках этой экономической модели и то, что выходит за рамки обыденности (праздничные наряды, свадебные платья) больше не являются непременным атрибутом, находящимся в собственности, а играет роль своеобразной памяти о сложившейся традиции использования специальной одежды для особых жизненных случаев.

Таким образом, на уровне повседневных практик эти вещи исключены из обихода и не могут быть в дальнейшем включены в структуру семейных отношений (преимущественно это касается свадебного платья, традиционно представлявшего собой сакральный артефакт, который было принято хранить в семье, а в более далекие времена – и передавать по наследству). С одной стороны, соблюдаются традиционные нормы в одежде, с другой – обновляется способ приобретения (фактически дорогостоящая покупка заменяется краткосрочной арендой вещи, которая может понадобиться однократно). Подчеркнем неразрывную взаимосвязь повседневной и праздничной культуры, которые оказывают друг на друга существенное влияние, во многом обоюдно предопределяя их дальнейшее развитие.

Важным элементом культуры повседневности выступают практики здоровья и красоты, реализуемые в медицинских центрах, парикмахерских, салонах красоты и пр. Наряду с государственными учреждениями системы здравоохранения, в Москве развита система коммерческих медицинских организаций и предоставляемых ими услуг. Анализ предложений приводит к выводу о существовании в российской столи-

це ряда организаций, которые позиционируют себя, опираясь на конфессиональную принадлежность, и подчеркивают статус «мусульманских медицинских услуг». «Мусульманский доктор», «Стоматология для мусульман» и прочие слоганы представляют врачей не только как специалистов в своей сфере, но и акцентируют внимание постоянных и потенциальных посетителей на принадлежности к мусульманской культуре и традициям ислама. Принадлежность к мусульманскому миру расценивается маркетинговыми как фактор, способный привлечь внимание определенной группы клиентов. В то же время это свидетельство запроса со стороны мусульман-жителей мегаполиса на медицинское обслуживание у специалистов с определенной религиозно-культурной принадлежностью. Салоны красоты предоставляют различные процедуры, которые выполняются по нормам ислама, предла-

гаются различные способы ухода за своей внешностью без нарушения религиозных норм, альтернативные общепринятым.

Процесс трансформации повседневной культуры мусульман в условиях мегаполиса носит амбивалентный характер. С одной стороны, целый комплекс механизмов видоизменяет повседневные практики мусульманской культуры, с другой – элементы культуры повседневности мусульман обретают все большее число способов их репрезентации в социокультурном пространстве мегаполиса, в свою очередь, видоизменяя последнее. Культурный текст мегаполиса, его визуальная культура все больше включают элементы и проявления мусульманской культуры не только на уровне религиозных архитектурных сооружений, но и на обыденном уровне оформления пространств, названий, а также – отражения принадлежности к миру мусульман посредством одежды.

Список литературы

1. Беловинский Л. В. Сущность и структура повседневности // *Философские науки*. 2012. № 7. С. 84–96.
2. Вершинина И. А. Концепция мегалополиса Жана Готмана // *Вестник Московского государственного университета*. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 3. С. 36–48.
3. Власова Е. А. Мегалополис как семантико-символическая система: автореф. дис... канд. филос. наук. Москва, 2013. 22 с.
4. Каган М. С. Культура города и пути ее изучения [Текст] / М. С. Каган // *Город и культура: сборник научных трудов*. Санкт-Петербург: ГИК им. Н. К. Крупской, 1992. С. 15–34.
5. Кузьмина Н. В., Астафьева О. Н. Человек в современном городе: от дихотомии сакрального и профанного к инновационному и провокативному // *Урбанистика*. 2022. № 1. С. 26–37 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36608
6. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии. Москва: Согласие, 2018. 240 с.
7. Муфтий Москвы рассказал, сколько мусульман проживают в столице // *РИА Новости* [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20211119/musulmane-1759757148.html>
8. *Gottmann J. Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. N.Y., 1961.

*

Поступила в редакцию 26.05.2023

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ РАСКРЫТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭРИКОМ ДАРДЕЛЕМ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-60-65>

М. А. Григорьева

Издательство «Ставролит»,
Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: info@stavrolit.ru

Аннотация: В статье исследование предполагает ёмкое и точное погружение в феноменологию «географического пространства» через забытую и долгое время игнорируемую работу Эрика Дарделя «Человек и Земля: природа географической реальности», которая была опубликована в 1952 году. Обращение к ней стало возможным благодаря Эдварду Релфу и его адаптированной версии первой главы книги, переведенной им в 1973 году и представленной для доступа в 2022 году. Феноменологическое раскрытие географического пространства рассматривается в значении пространственного поведения человека и актуализации взаимодействия его с окружающим миром как способ проникнуть в суть этого процесса, где в бесконечной трансформации человек и среда вынуждены отвечать на вызовы друг друга. Феноменологический взгляд на географию актуализирует аспекты миграционных и экономических потоков, потоков товаров и информации, включая образы пространства в единое поле человеческой жизнедеятельности. В результате изучения работы «Человек и Земля», удалось выделить характерные сущности, которыми Дардель наделяет пространство: коммуникативность среды, ее динамичность и направленность, пространственная глубина и дискретность поля.

Ключевые слова: географическое пространство, феноменология, Эрик Дардель, природная и искусственная среда обитания, человеческая пространственность.

Для цитирования: Григорьева М. А. Феноменологическое раскрытие географического пространства Эриком Дарделем // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 60–65. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-60-65>

PHENOMENOLOGICAL DISCLOSURE OF GEOGRAPHICAL SPACE BY ERIC DARDEL

Marina A. Grigorieva

Publishing house "Stavrolite",
Stavropol, Russian Federation,
e-mail: info@stavrolit.ru

ГРИГОРЬЕВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «KANT»,
Издательство «Ставролит»

GRIGORIEVA MARINA ANATOLIEVNA – CSc in Political Sciences, Chief-editor of the scientific journal
«KANT», Publishing house «Stavrolit»

© Григорьева М. А., 2023

Abstract: This study offers as comprehensive and precise an insight as possible into the phenomenology of “geographical space” through the forgotten and long-ignored work of Erik Dardel, *Man and Earth: The Nature of Geographical Reality*, which was published in 1952. It was made possible by Edward Relf and his adapted version of the first chapter of the book, translated by him in 1973 and made available in 2022. The phenomenological disclosure of geographical space is considered in the meaning of human spatial behavior and the actualization of his interaction with the surrounding world as a way to penetrate into the essence of this process, where in endless transformation a person and the environment are forced to respond to each other’s challenges. A phenomenological view of geography actualizes aspects of migration and economic flows, flows of goods and information, including images of space into a single field of human life. As a result of the study of the work “Man and the Earth,” it was possible to identify the characteristic essences that Dardel endows space with: the communicative nature of the environment, its dynamism and direction, spatial depth and discreteness of the field.

Keywords: geographical space, phenomenology, Eric Dardel, natural and artificial habitats, human spatiality.

For citation: Grigorieva M. A. Phenomenological disclosure of geographical space by Eric Dardel. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 60–65. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-60-65>

С момента своего появления «географическое пространство» стало ощутимо отделяться от чистой протяженности, переставая значиться как поверхность, контейнер и, в конце концов, места, из которых мы отправляем открытку домой, и постепенно завоевывать позиции принципа, организующего его восприятие. Пространство, опозитивированное Гастоном Башляром [1], обследующим каждый уголок дома. Или пространство как проступающая глубина через погруженность в нее в определении Мориса Мерло-Понти [12]. Или – оно же – через прикосновение к нетронутой среде, обеспокоенной взаимодействием и конструированием из нее по-настоящему человеческого места, к которому обращается Отто Фридрих Боллну [6, с. 33–34]. А также – через ландшафтное раскрытие провокативной основы пространства, приглашающего располагать собой, у Мартина Хайдеггера [3], и, наконец, через дискретность пространственной формы, к которой апеллирует Мишель Фуко [10], то есть ее «служебный» характер и оппозиционную направленность частного и публичного, культурного и утилитарного, рабочего и предназначенного для отдыха, – таким образом создается проекция феноменологического всматривания и поля для

дискуссий. Кроме того, что пространство становится социальным жилищем, по Зигмунту Бауману [4], на него устремляет свой взгляд – с позиции изучения перспектив и обустройства – архитектура и, в частности, Гернот Бёме [5].

Географическое пространство вырезано из материи и поэтому остро переживает плотское присутствие, возможное только благодаря фиксирующему и раскрывающему его содержанию *движению*. Перемещение позволяет «сцене», представленной нашему взгляду, меняться и давать пространству возможность быть воспринятым как нечто, в чем мы находимся. Именно изменения перспективы и попеременная фиксация рожают ощущение пространственности и ощущение плотского присутствия, в которую входят и промежутки, которые отделяют нас от вещей, в их гнетущей близости или в их мимолетной удаленности, обнаруживающие телесность вещей, форму, устройство и их предназначение. Несмотря на то, что картографическая локализация пространства равноценно характеризует местоположение, ощущение «где» в феноменологическом смысле в гораздо большей степени раскрывает условия нахождения.

Человеческая география¹, таким образом, пристально оценивающая человека и человеческое сообщество в пространственном поведении, а также – явления человеческого расселения и *рассеивания*, актуализирует проблему миграционных и связанных с ними экономических потоков, потоков товаров и информации, объединяя явления городов, поселков, деревень и т. д. в целое – организованное поле человеческой жизнедеятельности. Выведенное Камиллем Валло в 1911 году в первом томе его «Социальной географии» определение «географического пространства» как то, что снабжено «более или менее большим количеством физических характеристик, разнообразие и взаимопроникновение которых разворачивается перед нашими глазами на поверхности земли» [14], наделяет его метафизической сущностью, связывая положение отдельных его участков с ценностью для эксплуатации. Исчисление ценности чистого пространства как объекта стремления к экспансии обращено у Валло прежде всего к условиям, приводящим в движение цепь событий географических открытий и последующих колониальных завоеваний. Вместе с тем, введенное в оборот «географическое пространство» всё же не могло избавиться от топографических крючков своей привязанности к местности и сумело освободиться

¹ Человеческая география предлагается в определении Поля Видаля де ла Блаша, которое прозвучало в 1922 году в его работе «Geographie Humaine» [Vidal de la Blache. *Geographie Humaine / publiés d'après les manuscrits de l'auteur par Emmanuel de Martonne, Avec 2 cartes en noir et 4 cartes en couleur hors texte; LIBRAIRIE ARMAND COLIN 103, Boulevard Saint-Michel. Paris, 1922. 328 p.*], собранной из многочисленных заметок его коллегой, профессором Сорбонны Эммануэлем де Мортонном и опубликованной спустя четыре года после смерти де ла Блаша. Чтобы представить общую картину эволюции мира, человеческая география устремляет взгляд прежде всего на факторы расселения человека и последующие метаморфозы, которые претерпевает «место» в его первоначальном облике. Из категории нетронутого место переходит в категорию обитаемое «человеческое место», где география призвана фиксировать признаки и степень вмешательства.

от них только в 1950-е годы, выйдя из-под пера Эрика Дарделя [7], незаслуженно забытого на три десятилетия – время, за которое, как отмечает Дмитрий Замятин, «географическое пространство стало как бы автоматически “разбухать”» [2, с. 26] под давлением насыщающих его образов и измерений.

С 1952 года работа Дарделя «Человек и Земля: природа географической реальности» была фактически утеряна, ожидая случая обрести вторую жизнь. В 2011 году, когда она была переиздана на португальском в переводе Вальтера Хольца [8] с французского языка, на котором она вышла двадцатью годами ранее, отдельные фрагменты книги стали получать новое прочтение, в том числе в формате рецензий и посвящений. Причиной, по которой она оставалась на библиотечной полке в неприкосновенной невинности, в предположении швейцарского профессора Клода Раффестена [13], послужили поэтизированный язык Дарделя, избыточный метафорами, не дававшими восприятию беспрепятственно пробиться к содержанию «Земли», а также свежесть взгляда и уникальность наблюдений, вооружившись которыми он принялся изучать мир. Разумеется, это была бы единственная причина, если не считать того, что «Человек и земля» была опубликована в качестве главы по географии в сборнике «Новая философская энциклопедия» и весьма ограниченным тиражом. Впервые, как отмечает Вальтер Хольцер [11] в предисловии к португальскому изданию, книга была упомянута в 1961 году в исследовании Максимилиана Сорре, который входил в комиссию по оценке диссертации Дарделя. Спустя еще 12 лет в университетской библиотеке Торонто книгу обнаружил Эдвард Релф и дал отсылку к Дарделю в своем исследовании «Феномен места», а позже – в книге «Место и безместность», которая повела культурную географию в гуманистическом направлении, превратив «место» в центр и источник переживания пространства. Третья причина состояла в том, что с момента успешной защиты диссертации в 1941 году Дардель так и не дослужился до должности профессора университета, а это

означало, что его работа рассматривалась вне академического контекста того времени. В российских исследованиях упоминания об Эрике Дарделе или переводы его работ пока не нашли своего отражения.

Его языковая страсть, сформировавшаяся под влиянием Мартина Хайдеггера², а также под впечатлением (после знакомства с работами Гастона Башляра) Мориса Мерло-Понти, Жан-Поля Сартра, Эммануэля Левинаса, подпитывалась поэзией Фридриха Гельдлина и Перси Биши Шелли и стала фундаментом для глубокой интерпретации географии человеческого существования. В итоге дарделевское исследование было нацелено на то, чтобы расшифровать Землю и знаки, которыми она испещрена и усеяна, как полотно из текста, где сама «Земля – это письмо <...> с узорами береговой линии, очертаниями гор, извилистостью рек» [7, с. 2], а географ – читатель мира, позволяющий установиться связи между пространством и человеком.

Структурно, со слов Дэвида Эмануэль Мадейра Давима, [9] «Человек и Земля» разделена на две главы, первая из которых – «Географическое пространство» – объединяет геопозитические и эпистемологические усилия Дарделя сделать географию менее инертной и прикладной и сблизить ее с семиотикой. Вторая глава посвящена «Истории географии», где он прослеживает удивительную траекторию географического сознания в различных временных контекстах, начиная с древних обществ и заканчивая своим критическим анализом научной географии XIX века. Каким-то образом интуитивно обращаясь к глобальной концепции мира с содрогавшей его тревогой в предчувствии лихорадки череды трансформаций и вынуждающей к аффективной борьбе с «тёмным фоном» окружающей природы» [7, с. 27], Дардель оказывается в центре человеческой географии,

то есть ее гуманистического направления, в которое позже откроет двери Эдвард Релф.

Чтобы как-то структурировать фрагментированное полотно работы «Человек и земля», можно выделить характерные сущности, которыми Дардель наделяет пространство. Прежде всего, это коммуникативность среды, произрастающая из провокативной основы пространства, по Мартину Хайдеггеру. Ощупывание Дарделем географии начинается с поиска им условий обитания, которые раскрывают разнообразие отношений между человеком и пространством и устанавливают, таким образом, язык, форму коммуникации, взаимообуславливающей связи, которую Дардель означает как «призыв» [7, с. 6], обращение или императив. Эту связь наше восприятие способно уловить и перевести. Этот приглашающий мотив уступчивой среды, сквозящий в ее природе, приглашающей человека воздействовать и располагать собой, можно найти в «Искусстве и пространстве» Хайдеггера [3]. И в то же время в кажущейся пассивности пространства скрыта его склонность к постоянной трансформации, изменчивости и направленности – движению и динамизму. В связи с чем вторая характерная позиция пространственности Дарделя – динамичность и направленность среды, сообразующаяся с концепцией «центра» Отто Фридриха Боллноу и надстройки пространства из начальной «точки опоры» [6, с. 32], то есть дома, ко всем доступным направлениям. При этом дом противопоставлен расстоянию [6, с. 120], с утратой которого теряются отношения человека с пространством.

Географическая реальность – у Дарделя – в этом смысле так же отвечает динамическим условиям направления, расстояния и приближения (близости). Когда мы стремимся сделать вещи ближе, как он пишет, «нам необходимо ориентироваться, чтобы распознавать окружающую среду» [7, с. 3], поэтому человек без страны, как он говорит, это человек, который «дезориентирован» и колеблется, а значит – колеблется во всех смыслах, в том числе относительно направления, в котором

² Переводчиком Мартина Хайдеггера [с немецкого на французский] был зять Эрика Дарделя философ Анри Корбен, который приглашал его к обсуждениям в процессе своей работы над переводом.

следует двигаться. Направление и расстояние определяют ситуацию, под которой Дардель понимал стабильное и инертное место, предполагающее «фиксирующее место его существования» [7, с. 19].

Третья характеристика строится из пространственной глубины, которая раскладывается у Дарделя на «теллургическое» пространство, обеспечивающее свойства глубины, твердости и пластичности; «водное», в основе которого лежат ценности жизни и движение времени; «воздушное», отражающее эстетические ценности, символическое и эмоциональное измерения; и надстроенное «искусственное», представляющее собой ландшафт и исторический продукт, как результат взаимодействия трех остальных. Географическое пространство, дословно, «имеет горизонт, рисунок, цвет, плотность; оно твердое, жидкое или воздушное, широкое или узкое: оно ограничивает и сопротивляется» [7, с. 2]. Это трехмерное построение с его метафорической глубиной как первичного измерения природы появляется в «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти, когда он обрушивается с критикой против декартовской «плоской» онтологии объекта, сводящей природу, в том числе пространственную, к чисто механической. Будь пространство действительно картографическим, то достичь абсолютного знания о нем, не составило бы труда, тем не менее мы не можем стоять перед ним, чтобы схватить его как «нечто известное» [12, с. 244]. Его глубина или расстояние в то же самое время демонстрируют углубление и дистанцирование, является тем самым условием, благодаря которому мы в итоге получаем и знание, и опыт обитания в пространстве. Поскольку оно предлагает нам ощутить не только препятствие, а сам способ доступа: мы познаем природу вещей не вопреки этой глубине, а благодаря ей.

Следующая позиция связана с дискретностью, к которой нас отсылает в «Поэтике пространства» Гастон Башляр, когда, вслед за ним мы, заполучив двойную порцию наблюдательности, ощущаем все уголки дома, в совершенные обращаясь к комодам, шкафам, ящикам

стола и полкам. Тем временем Дардель работает «на открытом воздухе», поскольку встреча человека и земли незабываема: «Фиксировать движущееся, неуловимое, подчинять разуму то, что его переполняет и искушает, и все это одновременно, <...> выходя за рамки простой научной заботы о замерах температуры и солености» [7, с. 8]. Географ, который измеряет и вычисляет, приходит позже; вначале появляется тот, кому «земля открывает свое «лицо»: мореплаватель, высматривающий новые земли, исследователь в кустах, первооткрыватель, эмигрант или просто человек, истязаемый бурями, вулканическими извержениями, наводнениями. Существует первичное видение Земли, которое знание затем корректирует» [7, с. 9]. Наука начинается с видения, ослепления, созерцания, то есть, в конечном счете, с погружения в пространственный поток, позволяющий по отдельным приметам расшифровать его и интерпретировать: «Север – это не только направление, подобное любому другому, но и область нашего воображения или нашей памяти, это ветер, холод, мороз, враждебные моря, бедные почвы» [7, с. 8], закаляющие выносливость. В то время, как ленивый, но дружелюбный Юг с его солнцем, огненным небом и каменистыми кустарниками, оплодотворенными водой, готов идти на любые уступки.

В области аффективной географии Дардель всё сильнее попадает под влияние пространственных образов и не хочет их отпустить, поскольку из тактильных ощущений и «визуального их проявления» [7, с. 21] в конце концов они материализуются в идеи и понятия. Колебания Дарделя между географией под открытым небом и научной географией вечны, так же как «научная география в определенном смысле является противоположностью географическим открытиям, которые требуют усилия воли, вкуса к риску, определенной открытости к радости или удовольствию от исследователя» [13, с. 475]. Дардель был бы скорее Маленьким принцем Сент-Экзюпери, чем географом; он был бы почти готов пожертвовать твердостью знания ради удовольствия от опыта.

В заключение, с тех пор как география вошла в учебный класс, она утратила свою цветущую пышность и стремление навстречу неизвестности, и в общем всякую связь с первым робким каботажным плаванием и последующим отчаянным кругосветным путешествием. И феноменологический взгляд Эрика Дарделя, наконец, впервые с тех пор, как география успела обратиться в плоское полотно атласа с аккуратно нанесенными на поверх-

ности указаниями высоты и протяженности, оживляет географическое пространство, через которое можно разглядеть связь не только с человеческим телом, а увидеть условие коммуникации между плотью мира и плотью человека; движение, способствующее формированию пространства и социальной жизни, пространственную глубину, полагающуюся на чувственное восприятие и уединенность «места», вписанного в глобальную географию.

Список литературы

1. *Башиляр Г.* Поэтика пространства / пер. с фр. Н. Кулиш. Москва: Ad Marginem, 2014. 352 с.
2. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. Москва: Знак, 2006. 488 с.
3. *Хайдеггер М.* Искусство и пространство // Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.: Сб. статей / пер. Вл. Бибикина. Москва, 1979. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibikhin.ru/iskusstvo_i_prostranstvo
4. *Bauman Z.* Desert spectacular // The Flaneur (RLE Social Theory) / Ed. by Keith Tester. Routledge, 2014. 216 p. Pp. 138–157.
5. *Böhme G.* Les atmosphères comme objet de l'architecture // Les Cahiers philosophiques de Strasbourg. 2019. № 46. URL: <http://journals.openedition.org/cps/3435>
6. *Bollnow O. F.* Human space / translated by Christine Shuttleworth, edited by Joseph Kohlmaier. London: Hyphen Press, 2011. 158 p.
7. *Dardel E.* Man and the Earth: the nature of geographical reality [L'Homme et la Terre: Nature de la Réalité Géographique] (published by Presses Universitaires de France in 1952, translated by Edward Relph in 1973 with revisions in 2022). 30 p.
8. *Dardel É.* O Homem e a Terra: natureza da realidade geográfica / trad. Werther Holzer. – São Paulo: Editora Perspectiva, 2011.
9. *Davim D. E. M.* O homem e a terra: natureza da realidade geográfica // Revista da Abordagem Gestáltica. 2016. № 22(2). Pp. 249–252. URL: http://pepsic.bvsalud.org/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1809-68672016000200020&lng=pt&tlng=pt
10. *Foucault M.* Des espaces autres // Empan. 2004. № 54. No2. Pp. 12–19. DOI: 10.3917/empan.054.0012.
11. *Malanski L. M.* Éric Dardel – O homem e a terra: natureza da realidade geográfica // Terr@ Plural, Ponta Grossa. 2015. V. 9. N1. Pp. 135–142.
12. *Merleau-Ponty M.* Phenomenology of perception / trans. Colin Smith. New York: Routledge & Kegan Paul Ltd, 2005. 544 p.
13. *Raffestin C.* Pourquoi navons-nous pas lu Éric Dardel? // Cahiers de géographie du québec. 1987. Vol. 31. No 84. Pp. 471–481.
14. *Vallaux C.* Le Sol et L'État. Paris: Octave Doin et Fils, 1911. 420 p. Pp. 145–146.

*

Поступила в редакцию 01.08.2023

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 378 1, 37014, 0048

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-66-75>

А. Д. Жуков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: polkovodets@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются коллизии, возникающие из-за использования генеративного искусственного интеллекта (ИИ), в частности ChatGPT, в современном обществе и образовательном процессе. Автор сравнивает ответы ChatGPT на вопрос об опасностях его использования с положениями трех кодексов киберэтики и приходит к выводу, что из десяти, предложенных «машинным интеллектом», девять находятся в корреляции с кодексами киберэтики: 4 ответа GPT присутствуют во всех трех этических сводах, созданных людьми, 3 – в двух «человеческих» кодексах, еще 2 – хотя бы в одном кодексе. Автор различает угрозы при использовании новых версий искусственного интеллекта в широком социальном плане и те, которые специфичны для системы образования. Оценивая перспективы применения ИИ в учебной практике, автор делает предположение, что обучающиеся будут стимулировать самостоятельно маркировать задания, выполненные с использованием ИИ и без него. Постепенное формирование культуры использования ИИ в учебной практике (по аналогии с использованием фотографий без фильтра) позволит снизить остроту проблемы академического мошенничества. Но, помимо уточнения понятия плагиата и авторского права, системой образования востребовано уточненное понимание самостоятельной работы и творческой деятельности. Там, где проверка выполненного задания связана не с усвоенным объемом информации, а с развитой способностью критического мышления, радикально меняется роль личного общения студента с преподавателем в образовательном процессе.

Ключевые слова: образование, цифровизация, искусственный интеллект (ИИ), ChatGPT, критическое мышление.

Для цитирования: Жуков А. Д. Генеративный искусственный интеллект в образовательном процессе: вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 66–75. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-66-75>

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EDUCATIONAL PROCESS: CHALLENGES AND PROSPECTS

ЖУКОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – заместитель заведующего Центром медиапрактик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ZHUKOV ANDREY DMITRIEVICH – Deputy Head of the Center for Media Practice, National Research University «Higher School of Economics»

© Жуков А. Д., 2023

Andrey D. Zhukov

National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: polkovodets@mail.ru

Abstract: The article analyzes collisions arising from the use of artificial intelligence (AI), in particular ChatGPT, in modern society and the educational process. The author compared ChatGPT's answers to the question about the dangers of its use with the provisions of three codes of cyber ethics and came to the conclusion that out of ten answers proposed by "machine intelligence", nine have a correlation with codes of cyber ethics: 4 ChatGPT answers are present in all three codes of ethics created by people, 3 – in two "human" codes, another 2 – in at least one Code. The author distinguishes between threats when using new versions of artificial intelligence in a broad social sense and those that are specific to the education system. Assessing the prospects for using AI in educational practice, the author makes the assumption that students will be encouraged to independently mark tasks completed with and without AI. The gradual formation of a culture of using AI in educational practice (by analogy with the use of photographs without a filter) will reduce the severity of the problem of academic fraud. But, in addition to clarifying the concepts of plagiarism and copyright, the education system requires a more refined understanding of independent work and creative activity. Where the verification of a completed task is associated not with the acquired amount of information, but with the developed ability of critical thinking, the role of personal communication between the student and the teacher in the educational process radically changes.

Keywords: education, digitalization, artificial intelligence (AI), ChatGPT, critical thinking.

For citation: Zhukov A. D. Generative artificial intelligence in the educational process: challenges and prospects. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 66–75. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-66-75>

Известный американский философ и педагог Джон Дьюи предложил концепцию непрерывного образования, позволяющего обществу постоянно переобучаться. Указанная концепция еще более актуальна в условиях, когда образование должно реагировать на изменения в постиндустриальном мире. Дьюи указывал, что все предшествующие образовательные системы фокусировались на трансляции опыта прошлого, но не готовили к вызовам будущего [2]. Эти образовательные системы веками пользовались традиционными средствами получения, обработки и трансляции информации. В какой мере развитие современных информационных технологий позволяет трансформировать образовательные системы? Как соотносятся в данном случае позитивное и негативное, достижения и риски?

То, что триггером трансформации российского образования последних лет стало широкое внедрение цифровых технологий, подтверждают официальные документы.

С 2019 года в России реализуется Федеральный проект «Цифровая образовательная среда», который «направлен на создание и внедрение в образовательных организациях цифровой образовательной среды, а также обеспечение реализации цифровой трансформации образования». В 2021 году разработан паспорт стратегии «Цифровая трансформация образования» и «Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования». Стратегия охватывает широкий перечень направлений, предусматривает внедрение новых высокотехнологичных образовательных решений, модернизацию образовательных программ. Стратегия цифровой трансформации включает пять направлений и семь проектов: «Датахаб»; «Архитектура цифровой трансформации»; «Цифровой университет»; «Единая сервисная платформа науки»; «Маркетплейс программного обеспечения и оборудования»; «Цифровое образование»; «Сервис хаб». Стратегия также

предусматривает семь индикаторов достижения целей для вузов [9].

Как указывают исследователи, цифровая трансформация образования является ступенью в триаде развития образования – *оцифровка, цифровизация, трансформация*. Первый этап – оцифровка – предполагает представление данных в цифровой форме. Второй этап – цифровизация – заключается в переходе на цифровые технологии с целью накопления и анализа больших данных для прогнозирования и оптимизации процессов. Наконец, третий этап – трансформация – «характеризуется наличием качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципиальном изменении структуры экономики», и, соответственно, системы образования [6]. В реализации указанной третьей фазы цифровой трансформации ключевой новацией последних лет стало использование новых систем искусственного интеллекта (ИИ), которые получили название «генеративный искусственный интеллект». И здесь стоит сделать экскурс в историю вопроса.

Под генеративным искусственным интеллектом обычно понимают такой тип машинного интеллекта, который обучен на больших массивах данных (базовых моделях) и способен создавать (генерировать) новый контент, включая разговоры, истории, изображения, видео и музыку.

В 2018 году была представлена первая нейронная сеть GPT (Generative Pre-trained Transformer). Это чат-бот с искусственным интеллектом, разработанный компанией OpenAI и способный работать в диалоговом режиме, поддерживающий запросы на естественных языках. Обученная на огромном количестве текстовых данных модель создает качественные и грамматически верные тексты на любую тему [11].

В основе модели GPT – создание продолжения текста, который есть у машины на основе того, что люди писали на миллиардах веб-страниц. Анализируя обучающую выбор-

ку, GPT ищет то, что «совпадает по смыслу» и создает ранжированный список слов с вероятностями. Отвечая на пользовательский запрос, GPT, по сути, выдает на основе уже написанного текста своего рода прогноз, каким будет следующее слово. При этом для продолжения он не всегда берет слово с наибольшей вероятностью, а в рандомный момент применяет тот или иной понижающий коэффициент, чтобы сделать итоговый текст более «творческим».

Уже первая версия модели GPT, обученная на текстовых данных из Интернета, была способна генерировать текст, почти неотличимый от написанного людьми. Каждая последующая версия модели обладает большим количеством параметров, улучшенным алгоритмом обучения и более широким набором данных, что позволяет генерировать более точные и сложные тексты. GPT-2 вышла в 2019 году и превзошла свою предшественницу и по объему тренировочных текстов, и по числу параметров в 10 раз. Такой количественный рост привел к качественно новым навыкам: от сочинения длинных эссе со связным смыслом, до решения хитрых задач, требующих зачатков построения картины мира.

В 2020 году OpenAI предоставила модель GPT-3. Она была в 100 раз больше своей предшественницы по количеству параметров, и в 10 раз – по объему тренировочных текстовых данных. Она выбирает следующее слово по 175-миллиардным параметрам, а набор данных, на которых ее обучали, составляет 420 ГБ (от художественных книг до Википедии). Она могла выполнять широкий спектр задач, в том числе перевод с одного языка на другой, обобщение информации, давать ответы на вопросы и генерировать текст. Но главное – модель смогла сама обучиться математике [11].

В начале 2022 года появился GPT-3.5, главной новацией которого стала возможность дообучения машины буквально «на ходу», на основе обратной связи с живыми людьми.

14 марта 2023 года была выпущена модель GPT-4. Создатели воздержались от указания размера модели, ссылаясь на соображения конкурентной борьбы и безопасности. Заявили только, что «GPT-4 более надёжен, креативен и способен обрабатывать гораздо более сложные инструкции, чем GPT-3.5». Сегодня GPT может генерировать текст, который имеет смысл, использует правильную грамматику и структуру предложений. Модели GPT также способны адаптироваться к различным стилям написания и форматам, таким как статьи, диалоги, отчеты и т. д.

При этом остается открытым вопрос о пределах самообучаемости GPT. Может ли уже на этом этапе GPT присвоить себе творческие способности человека, в данном случае применительно к сфере образования? И каковы границы и последствия такого прорыва?

Рассмотрим вопрос об угрозах использования новых версий искусственного интеллекта в более широком социальном плане, что, кстати, показывает, что ряд из этих угроз не имеет специфического характера, связанного с образовательной сферой.

Автор данной статьи задал вопрос ChatGPT-3.5 о том, какие проблемы видит сам искусственный интеллект в рамках его использования в образовании (<https://chatgpt.org/chat>).

Приводим ответ машины:

«Использование искусственного интеллекта (ИИ) в образовании предоставляет множество возможностей, но также сопряжено с рядом рисков и проблем. Вот 10 из них:

1. **Приватность и безопасность данных.** Сбор, хранение и анализ больших объемов учебных данных может угрожать приватности студентов и учителей. Утечка личных данных может привести к серьезным последствиям.
2. **Дискриминация и смещение.** Алгоритмы ИИ могут быть предвзятыми и дискриминировать студентов на основе расы, пола или других характеристик. Это может усугубить неравенство в образовании.

3. **Автоматизация и потеря рабочих мест.** Внедрение ИИ может привести к автоматизации некоторых образовательных процессов, что может повлечь за собой потерю рабочих мест для преподавателей и других специалистов.
4. **Соблазн манипулирования.** Образовательные платформы могут использовать алгоритмы для манипуляции студентами с целью увеличения вовлеченности или продолжительности использования платформы, что может быть вредно для учебного процесса.
5. **Ответственность и прозрачность.** Решения, принимаемые ИИ, могут быть непонятными и непрозрачными. Это создает проблемы с установлением ответственности в случае ошибок или несправедливости.
6. **Зависимость от технологии.** Сильная зависимость от ИИ в образовании может сделать систему более уязвимой к сбоям и кибератакам, а также снизить навыки ручного решения задач.
7. **Ограничение разнообразия учебных методик.** Слишком интенсивное использование ИИ может ограничить разнообразие учебных методик и подходов, что может не соответствовать потребностям разных студентов.
8. **Зависимость от крупных корпораций.** Многие образовательные ИИ-системы разрабатываются и предоставляются крупными корпорациями, что может привести к зависимости образовательных учреждений от них.
9. **Этика авторства и плагиата.** Использование ИИ для создания и проверки учебных работ может поднимать вопросы об авторстве и плагиате.
10. **Социальная изоляция.** Переход к онлайн-образованию, поддерживаемому ИИ, может способствовать социальной изоляции студентов и отсутствию личного контакта с учителями и сверстниками.

Эти риски обязательно должны учитываться при разработке и внедрении ИИ в образование, чтобы обеспечить этическое и безопасное обучение для всех студентов».

Представлялось важным понять, насколько «мнение» ИИ оригинально, или оно, как и следовало ожидать, является компиляцией уже известного. С этой целью проведено сравнение ответов машинного интеллекта (Chat GPT) с «10 заповедями компьютерной этики» Института компьютерной этики (CEI), с положениями этических сводов Совета по архитектуре Интернета (ISC), с «Кодексом этики» Альянса в сфере ИИ. Выяснилось,

что ответы машинного интеллекта во многом повторяют те этические кодексы, которые выработаны людьми. В частности, по 5 ответам GPT находятся аналогии в «10 заповедях компьютерной этики» Института компьютерной этики [17], 6 ответов ИИ коррелируются с идеями Совета по архитектуре Интернета [12], 8 – с «Кодексом этики» Альянса в сфере ИИ [4]. При этом 4 ответа GPT присутствуют во всех трех этических сводах, созданных людьми, 3 – в двух «человеческих» кодексах, еще 2 – хотя бы в одном Кодексе (Таблица 1).

Еще более интересный результат получается при сравнении ответов ИИ с послед-

Chat GPT	CEI	ISC	Альянс в сфере ИИ
Безопасность данных	Не заглядывай в чужие компьютерные файлы. Не используй компьютер для воровства.	Избегай небезопасных действий	Безопасность работы с данными. Информационная безопасность.
Дискриминация и смещение	Не используй компьютер для лжесвидетельства. Используй компьютер сознательно и уважительно по отношению к другим.	Усердно трудись, предоставляй качественные услуги и развивай сферу безопасности.	Недискриминация. Непричинение вреда. Ответственность.
Автоматизация и потеря рабочих мест	Думай о социальных последствиях программы, которую ты написал.	—	Оценка рисков и гуманитарного воздействия.
Соблазн манипулирования	Не используй компьютер во вред другим.	Придерживайся соглашений, гласных и негласных. Давай разумные советы.	Ответственное отношение.
Непонятные и непрозрачные решения ИИ	—	—	Максимальная прозрачность и правдивость в информировании.
Уязвимость от сбоев и кибератак	—	—	Информационная безопасность.
Ограничение разнообразия учебных методик	—	Поощряй увеличение количества исследований.	Риск-ориентированный подход.
Зависимость от корпораций-разработчиков ИИ	—	Избегай любого конфликта интересов.	Поднадзорность СИИ человеку.
Этика авторства и плагиата	Не присваивай плоды интеллектуального труда других	Поступай честно, справедливо, ответственно, в рамках закона	Идентификация ИИ в общении с человеком.
Социальная изоляция	—	—	—

Таблица 1

ними научными публикациями на эту тему. В связи с тем, что авторы высказывают новые идеи, алгоритмы ИИ их пока не фиксируют и не воспроизводят.

В частности, Э. Нгуэн из Университета Оулу (Финляндия) [15] выделяет 4 принципа функционирования ИИ в образовании. Это 1) принцип управления и руководства, который включает этику данных, этику анализа обучения, вычислительную этику, человеческую этику; 2) принцип прозрачности данных и алгоритмов, а также – согласие владельцев данных с их доступностью и целями их использования; 3) принцип устойчивости и пропорциональности, предполагающий безопасность ИИ для окружающей среды, мировой экономики и общества (рынка труда, культуры и политики), а также – 4) принцип конфиденциальности, гарантирующий не только тайну той информации, которую предоставляет пользователь, но и тайну информации, собранной ИИ.

С. Сок из Университета Хаддерсфилда (Великобритания) фокусирует внимание на иных вопросах, куда входят ключевые вызовы использования ИИ в образовании. Это проблемы академической честности, риски использования неточной и вводящей в заблуждение информации (в том числе выдуманных цитат и даже статей), угроза чрезмерной зависимости человека от ИИ. Простота использования и доступность машинного интеллекта могут приводить к снижению критического мышления у обучающихся, неготовности принимать самостоятельные решения и снижению креативности [16].

Д. Мхланга из Университата Йоханесбурга (ЮАР) выделяет 6 принципов этичного и ответственного использования ИИ [14]. Это прозрачность использования ГРТ, уважение к личной информации, точность информации, справедливость и недискриминация, осознание того, что ИИ не является заменой преподавателю, понимание ограничений ИИ и механизмов его работы.

Наиболее комплексно к описанию рисков ИИ подходит исследователь из Восточно-

Китайского педагогического университета Ш. Ли [13]. На основе исследования литературы и опроса и с использованием метода Delphi он моделирует иерархию этих рисков в современном мире:

- неготовность педагогики к технологиям ИИ;
- неправильное использование ресурсов ИИ;
- риск подотчетности ИИ;
- риск безопасности конфиденциальности;
- риск прозрачности;
- риск поддаться панике, когда боязнь неких негативных последствий тормозит внедрение инноваций;
- риск предвзятости;
- непонимание концепции ИИ.

Еще важнее, что исследователь приходит к выводу, что эти риски подвержены динамике. Лишь половина рисков воспринималась таковыми до 2015 года (риск безопасности конфиденциальности, риск прозрачности, риск подотчетности ИИ и риск предвзятости).

Очевидно, что по мере развития и использования ИИ риски могут трансформироваться: исчезают одни и возникают другие. При этом обратим внимание на то, что большинство опасностей, на которые указывает сам искусственный интеллект, связаны с возможностью корыстного использования или обмана на почве новых технологий. Не сам ИИ, а мошенники, не сам ИИ, а крупные корпорации и платформы могут использовать нашу работу с новыми технологиями в своих целях. Что касается кибератак, манипулирования посредством фейковых новостей, то это также не является специфическими угрозами для системы образования.

На сегодняшний день хорошо известны примеры эффективного использования технологий ИИ для замены рутинных действий человека. Так было и раньше, когда новая техника заменяла людей в исполнении рутинных и формальных действий, вплоть до управленческих. И сфера образования в данном случае

не оригинальна. В частности, искусственный интеллект способствует автоматизации рутинных задач педагога (создание шаблонов учебных курсов и отдельных занятий) [10]. ИИ успешно помогает в обучении родному и иностранным языкам [1], в адаптации образовательных программ под конкретного обучающегося, в создании индивидуальных образовательных треков [8] и многом другом. Очевидно, новые технологии экономят время преподавателя, помогают сделать образование более эффективным для конкретного обучающегося, избежать профессионального выгорания педагога.

Но, как было сказано, современные версии GPT уже используются для создания «творческих» работ, прежде всего в гуманитарной области, что актуализирует вопрос о новых формах плагиата и мошенничества. С другой стороны, искусственный интеллект все активнее используют при экспертизе знаний обучающиеся, что может свести на нет саму процедуру проверки знаний.

В России эта проблема еще не привела к катаклизмам в системе образования. Так, аналитики онлайн-платформы Skillfactory выяснили, что менее трети (31%) российских студентов пока не разобрались, как работают нейросети. 28% опрошенных пользовались ими только один-два раза. В то же время более 40% уже активно освоили новинку. 83% студентов используют нейросети для написания и редактирования текстов. 45% – готовят с их помощью или редактируют рефераты и сочинения, еще 44% пишут программный код, 29% переводят иностранные тексты, 28% создают иллюстрации к своим работам, 25% обрабатывают фото и изображения. 12% опрошенных студентов пользуются нейросетями в качестве шпаргалки на зачетах и экзаменах [7].

Обычно использование искусственного интеллекта при сдаче контрольных работ, зачетов и экзаменов считают академической нечестностью, обманом или списыванием. С другой стороны, текст, созданный генеративной системой, не является классическим

плагиатом. Это уникальный, пусть и вторичный, по сути, текст, который «не ловится» программами по поиску некорректных заимствований. И даже при ручной проверке преподаватель не всегда может определить, создавалось ли эссе студентом самостоятельно или при помощи искусственного интеллекта.

Не менее сложный вопрос: можно ли считать созданный ИИ текст объектом авторского права? Иными словами, является ли использование такого текста плагиатом? Согласно правовой базе «Гарант», «ИИ может создать объект авторских прав, который пользуется правовой защитой». Сложнее ответить, кто является истинным автором произведения – собственно ИИ, или человек, программист, создавший генеративную систему и натренировавший ее. А может быть, автор того или иного произведения тот человек, на котором «тренировалась» машина? В частности, сейчас с разработчиками ИИ судится американская Гильдия авторов и 17 писателей. Среди них – автор романа «Игра престолов» Джордж Мартин, а также Джон Гришэм, Элин Хильдебранд. В иске утверждается, что программисты обучали ИИ на материале их книг, нарушая, таким образом, авторские права и принимая участие в «систематической массовой краже».

Летом этого года профильные комитеты Европарламент поддержали проект закона о регулировании использования искусственного интеллекта. В частности, законопроект предписывает отмечать специальной плашкой контент, сгенерированный нейросетями. Кроме того, необходимо будет давать ссылки на защищенную авторским правом информацию, использованную ИИ для обучения. Это чем-то напоминает тот путь, который общество прошло с использованием фотографий в цифровой среде, когда стали маркировать снимки, сделанные без фильтров.

Как мы видим в современных условиях мы стоим перед необходимостью серьезного уточнения вопроса, что считать плагиатом и нарушением чужих авторских прав. И эта проблема связана не только с использованием

ИИ. Можно ли, к примеру, считать самостоятельным творческим продуктом результат ререйтинга без использования ИИ?

Еще одна сложная проблема связана с выполнением учебным заведением своих обязанностей относительно обучающихся. Если студент готовит ответ при помощи генеративных систем, получается, что он вместо того, чтобы учиться своей специальности, тренируется в использовании искусственного интеллекта, осваивая его новые версии. Этот навык, безусловно, будет востребован в будущем. Однако есть большие сомнения в том, что он окажется более важным, чем базовые знания, навыки и умения по профильной специальности.

Проще всего жестко преследовать использование ChatGPT в учебном процессе при сдаче зачетов и экзаменов. Но можно ли запретить использование ИИ при подготовке к ним? Строгие запреты введены в университетах Франции. Но англоязычные страны (США, Англия, Австралия) после первых запретов перешли к встраиванию генеративных систем в учебный процесс. Запрещая применение ChatGPT на контрольных мероприятиях, англоязычные страны начинают рекомендовать систему для написания и подготовки домашних заданий. Больше 50% учителей уже используются ChatGPT в США для подготовки уроков.

Хао Юй из Педагогического университета Шэньси приводит мнения профессоров Кембриджа и Калифорнийского университета, которые считают, что студенты «должны в полной мере использовать технологии искусственного интеллекта, такие как чат GPT и другие новые инструменты, и их не следует ограничивать». Однако чтобы гарантировать, что учащиеся придерживаются академической честности, предлагается внести соответствующие коррективы в методы преподавания и стандарты экзаменов [18].

Подходы к решению вопроса с использованием искусственного интеллекта в образовании пока лишь осмысливаются. И они являются частью более общего процесса формирования киберэтики (подробнее см. [3]).

Социуму, безусловно, предстоит выработать общепризнанные нормы использования генеративных систем, научиться извлекать пользу из возможностей современных технологий и минимизировать угрозы.

Еще раз укажем на разницу между рисками, специфичными для системы образования, и теми общими социальными рисками, которые только проявляются в ней. Так основой использования ChatGPT в образовании должны быть уже известные правила поведения в социальных сетях, всего нашего поведения в среде, насыщенной цифровыми технологиями. Уточним главные из них:

1. Не стоит делиться чувствительной информацией. Любые данные, которые загружаются в системы ИИ, становятся частью базы данных и могут использоваться при запросах других пользователей.
2. Нужно соблюдать интеллектуальные права других лиц. Ответы ИИ на конкретный запрос могут содержать чужую интеллектуальную собственность, права на использование которой у вас нет.
3. Следует подвергать ответы машины критике. Системы ИИ могут выдавать неточные и даже поддельные результаты. Известны случаи, когда ИИ генерировал цитаты известных людей, которых не существует.
4. Следует быть бдительным. Из-за того, что генеративные системы обрабатывают огромные объемы данных, они могут быть прибыльными для хакеров и уязвимы для кибератак. Всегда существует риск попадания личной или корпоративной информации в чужие руки, что приводит к негативным последствиям.

Но есть проблемы, которые нужно срочно решать в самой образовательной среде. В частности, в нашей стране необходима выработка свода правил, регламентирующих использование учащимися генеративных систем при создании эссе, ответах на тесты, подго-

товке курсовых и дипломных работ. Следует согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что «фокус регулирования будет постепенно переноситься с запретов на предпочтения за следование рекомендациям» [5]. Иными словами, обучающихся нужно стимулировать самостоятельно маркировать задания, выполненные с использованием ИИ и без него. Примерно так, как после появления программ компьютерной обработки фотографий в соцсетях пользователи сами стали маркировать свои фото, подписывая: «Без фильтров».

Уже доказано, что доступность машинного интеллекта приводит к снижению критического мышления и упрощенному пониманию креативности. А это значит, что, помимо уточнения понятий плагиата и авторского права, системой образования востребовано

уточнение критериев самостоятельной работы и творческой деятельности. Устоявшийся тренд на использование при проверке знаний тестов чаще всего компенсируется у учащихся хорошим владением Википедией. Соответственно, вся система заочно выполненных заданий при существовании ChatGPT также оказывается под ударом. Выход состоит в изменении самих критериев самостоятельно выполненной и творческой работы. И там, где проверка выполненного задания связана уже не с усвоенным объемом информации, а с развитой способностью критического мышления, радикально меняется роль личного общения с преподавателем. Только в личном, а не заочном, общении и только преподаватель, а не машина, может определить наличие логического и критического мышления, стремления к профессиональному росту.

Список литературы

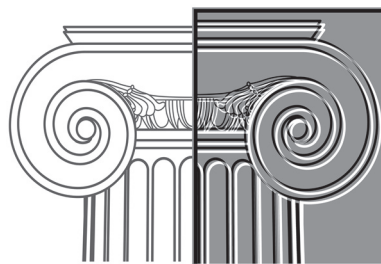
1. Дубовикова Е. М., Воронцова Е. В. Использование искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Л59" Лингвистика и профессиональная коммуникация. 2023. С. 57–61.
2. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н. М. Никольской. Москва: Совершенство, 1997. 208 с.
3. Жуков А. Д. Формирование этических компетенций в медиасреде // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 5(109). С. 142–149.
4. Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере ИИ. [Электронный ресурс] URL: <https://ethics.a-ai.ru>
5. Константинова Л. В., Ворожихин В. В., Петров А. М., Титова Е. С., Штырно Д. А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generativnyy-iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-diskussii-i-prognozy>
6. Котлярова И. О. Цифровая трансформация образования как инновация // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya-kak-innovatsiya>
7. Мамиконян О. Половина российских студентов используют нейросети в учебе // Forbes. 26.08.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/495175-polovina-rossijskih-studentov-ispolzuut-nejroseti-v-ucebe>
8. Старостенко И. Н., Хромых А. А. Технологии искусственного интеллекта в образовании (на примере персонализированного обучения) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 7. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii-na-primere-personalizirovannogo-obucheniya>
9. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. [Электронный ресурс] URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf>
10. Шобонов Н. А., Булаева М. Н., Зиновьева С. А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79–4. С. 288–290.

11. *Brown T.* et al. Language models are few-shot learners // Advances in neural information processing systems. 2020. Т. 33. С. 1877–1901.
12. Ethics and the Internet // Internet Engineering Task Force. URL: <https://www.isc2.org/ethics?queryID=035e545a5d80ee65d21d89f599a071ef>
13. *Li S., Gu X.* A Risk Framework for Human-centered Artificial Intelligence in Education // Educational Technology & Society. 2023. Т. 26. № .1. С. 187–202.
14. *Mhlanga D.* Open AI in education, the responsible and ethical use of ChatGPT towards lifelong learning // Education, the Responsible and Ethical Use of ChatGPT Towards Lifelong Learning (February 11, 2023). 2023.
15. *Nguyen A.* et al. Ethical principles for artificial intelligence in education // Education and Information Technologies. 2023. Т. 28. №4. С. 4221–4241.
16. *Sok S., Heng K.* ChatGPT for education and research: A review of benefits and risks // SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4378735>
17. Ten Commandments of Computer Ethics // Computer Ethics Institute. URL: <http://computerethicsinstitute.org/publications/tencommandments.html>
18. *Yu Hao.* Reflection on whether Chat GPT should be banned by academia from the perspective of education and teaching // Front. Psychol., 01 June 2023 Sec. Educational Psychology. V. 14. 2023. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1181712>

*

Поступила в редакцию 28.08.2023

ЭСТЕТИКА
И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА

ИКОНА КАК ТЕКСТ: СЕМАНТИКА ТЕЛЕСНОСТИ

УДК 246.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-77-83>

Г. В. Варакина

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),

Москва, Российская Федерация,

e-mail: galina_varakina@mail.ru

Аннотация: Основная проблема, на которую направлена данная статья, – рассмотрение средневековой христианской иконы как богословского текста. Цель при рассмотрении данной проблемы заключалась в осмыслении богословских смыслов телесности как элемента христианского иконографического канона. Телесность в рамках статьи понимается как характер изображения человеческой фигуры с точки зрения пропорций, положения в пространстве, степени подвижности и обнажения плоти. Основным результатом исследования стало символическое осмысление телесности в иконе. При этом были выделены следующие символы: обнажение как знак святости, чистоты и победы духа над плотью; плоскостность изображения как знак духовности; контраст изображения лика и тела – как олицетворение принципа дуалистичности; поза, положение тела в пространстве, как зримое воплощение состояния души, жесты, несущие в себе информацию, дополняющую и раскрывающую смысл иконы. Тем самым мы доказали правомочность считать икону духовным текстом.

Ключевые слова: икона, иконографический канон, догматика, телесность, иконология, аллегория, символика.

Для цитирования: Варакина Г. В. Икона как текст: семантика телесности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 77–83. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-77-83>

ICON AS TEXT: SEMANTICS OF CORPORITY

Galina V. Varakina

The Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art),

Moscow, Russian Federation,

e-mail: galina_varakina@mail.ru

Abstract: The main problem that this article addresses is the consideration of the medieval Christian icon as a theological text. The goal in considering this problem was to understand the theological meanings of physicality as an element of the Christian iconographic canon. Physicality within the framework of the article is understood as the nature of the image of the human figure in terms of proportions, position in space, degree

ВАРАКИНА ГАЛИНА ВЛАДИСЛАВОВНА – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры общего и славянского искусствознания, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

VARAKINA GALINA VLADISLAVOVNA – DSc in Cultural Studies, Associate Professor, Professor at the Department of General and Slavic Art History, The Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art)

© Варакина Г. В., 2023

of mobility and exposure of flesh. The main result of the study was the symbolic understanding of physicality in the icon. At the same time, the following symbols were highlighted: nudity as a sign of holiness, purity and victory of the spirit over the flesh, the flatness of the image as a sign of spirituality, the contrast of the image of the face and body as the personification of the principle of duality, pose (position of the body in space) as a visible embodiment of the state of the soul and gestures, carrying information that complements and reveals the meaning of the icon. Thus, we have proven the right to consider the icon a spiritual text.

Keywords: icon, iconographic canon, dogmatics, physicality, iconology, allegory, symbolism.

For citation: Varakina G. V. Icon as text: semantics of corporeity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 77–83. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-77-83>

Основная проблема, на которую направлена данная статья, – рассмотрение средневековой христианской иконы как богословского текста. Обоснованием данного подхода является осмысление иконы в рамках христианства не только как моленного образа [5], но как «небесного видения» [7], как «умозрения в красках» [6]. Все элементы иконы – фигуры, атрибуты, фоны, цвета – проходят строгий отбор, участвуя в раскрытии духовного смысла запечатленного образа и/или сюжета. В качестве центрального элемента канона выступает телесность, понимаемая в данном исследовании как характер изображения человеческой фигуры с точки зрения пропорций, положения в пространстве, степени открытости тела и его подвижности. Все эти компоненты имеют свое смысловое наполнение и участвуют в формировании текста иконы. Понять текст иконы – значит узреть не только лик, но и его прототип, Первообраз Божий [7, с. 92]. Тем самым мы поднимаем проблему не исключительно иконописных традиций (техники и иконографии), но именно богословского смысла, которым наделялись элементы канона и икона в целом. В связи с этим методология исследования базируется на иконологическом подходе к осмыслению феномена телесности в данном контексте [4].

Цель данной статьи заключается в раскрытии богословских смыслов телесности как элемента восточнохристианского иконографического канона. Тема рассмотрена в следующих аспектах: характер изображения те-

лесности и ее символы, элементы телесности и их смыслы, обнажение тела как знак. В основе нашего анализа лежали фундаментальные труды по вопросам христианского искусства о. Павла Флоренского и кн. Евгения Трубецкого, осмысливших художественный опыт древнерусских изографов в единстве с богословскими основами русской ментальной культуры. Ключевое значение в исследовании имели работы Виктора Васильевича Бычкова, в частности, «Византийская эстетика. Теоретические проблемы» [2] и «Феномен иконы» [3], в которых дано системное понимание иконы в контексте византийской и древнерусской культур. В осмыслении принципов и смыслов иконографического канона важную роль сыграли исследования Никодима Павловича Кондакова [5] и Юрия Григорьевича Боброва [1].

Образ, внешним воплощением которого является фигура, телесная оболочка, или просто телесность, – это сложный богословский концепт, не только подразумевающий, намекающий на присутствие Божественной сущности, но и являющий ее в реальности. Об этом писал о. Павел Флоренский: «Лик есть осуществленное в лице подобие Божие. Когда перед нами – подобие Божие, мы вправе сказать: вот образ Божий, а образ Божий – значит и Изображаемый этим образом, Первообраз его» [7, с. 92].

Богословское обоснование глубинных смыслов образа со ссылками на Отцов церкви дает в монографии «Феномен иконы» В. В. Бычков, выделяя миметический, сим-

волицеский и литургический уровни. И на каждом уровне присутствует телесное, зримое воплощение образа. Говоря о миметическом образе, исследователь фокусирует внимание на отзеркаливании реальности в образе, но «в единстве его внутреннего неизобразимого содержания и внешней видимой формы» [2, с. 28]. Символический уровень познания образа фокусировал свое внимание именно на процессе постижения скрытого, глубинного смысла образа. В его основе лежал еще античный принцип аллегории, позволяющий через объекты реального мира выразить смыслы и содержание сверхбытия: «Образ – это важнейший способ связи и соотношения между принципиально несоотносимыми и несвязуемыми уровнями бытия и сверхбытия» [2, с. 43]. И далее: «<...> символ, или образ, в конечном счете, был обращен к сокровенным основаниям человеческого духа, к его вселенскому первоисточнику» [2, с. 46]. Окончательное торжество духовного смысла образа В. В. Бычков раскрывает через его литургическое понимание. Только в рамках богослужения происходит перевоплощение образа изображенного в образ истинный, реальности художественной в реальность действительную, «способствуя своей эстетической значимостью созданию эффекта мистического единения неба и земли» [2, с. 55].

Подобное отождествление изображения и духовной реальности мы находим и у о. Павла Флоренского в трактате «Иконостас». Он размышляет о храме и храмовом действе как о высшем синтезе, синтезе не только искусств, но человека и Бога. Знаком этого единения Флоренский считает иконостас, который «есть граница между миром видимым и миром невидимым. <...> Иконостас есть явление святых и ангелов – ангелофания, явление небесных свидетелей, и прежде всего Богоматери и Самого Христа во плоти, – свидетелей, возвещающих о том, что по ту сторону плоти. Иконостас есть сами святые» [7, с. 97].

Таким образом, возникает некоторая антиномия между зримым и мыслимым, фор-

мой и содержанием, телесностью и смыслом. Кроме того, в иконе мы встречаем разные способы запечатления телесности с точки зрения передачи формы и объема. В одной композиции мы встречаем как фигуры, телесность которых полностью скрыта, так и изображения с частичным или даже полным обнажением, в активном движении, с выявлением хотя бы мнимого, но объема. Это позволяет говорить о телесности как о важном символе. Наиболее значимыми смыслами телесности и их формальным обозначением являются сокрытость, бесплотность и диспропорциональность. У каждого из выше названных качеств есть свой антипод: открытость, оплотненность и пропорциональность. Такого рода двойственность отнюдь не обозначает противоположение телесности и духовности, что противоречило бы аллегории византийского искусства. Однако включение фигур, телесность которых разнится по качествам передачи, указывает лишь на символические смыслы, которые достаточно легко прочитываются: уход от реальности смещает акцент на духовное содержание, тогда как подчеркнута реалистичное изображение намекает на мирской характер образа и/или сюжета. Примером может служить икона «Рождества Христова» Андрея Рублева из праздничного чина иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. Здесь фигуры Богородицы, младенца Иисуса, Иосифа и ангелов запечатлены в плотных драпировках, скрывающих телесность, пропорции их вытянуты. В то время как изображения пастухов, волхвов и женщин, совершающих омовение новорожденного, правдивы и полны жизненной убедительности. Это противопоставление дополняет разная степень подвижности фигур, где статика выражает идею святости образа, тогда как динамика говорит о естественности, жизненности изображаемого. Похожую интерпретацию мы встречаем у В. В. Бычкова, в том числе касательно положения фигур в пространстве (ракурс): «<...> подчеркнутая статика и иератизм (священная статуарность) призваны были показать

их внутреннюю духовную концентрацию, сакральную значимость и возвышенность; их принадлежность не только и не столько земному миру, сколько миру вневременного бытия» [2, с. 94].

Бесплотность фигур в иконе нередко достигалась как нарушением пропорций (вертикализм), так и уплощением объема, условной трактовкой драпировок, утменением одежд в противовес светлым и объемным ликам. Тем самым акцент смещался на лицевые части фигур, превращая и лики, и телесность в символы.

Символизм, пришедший на смену аллегоризма раннехристианских и ранневизантийских изображений, базировался на многозначности библейского текста и, в равной степени, на разработанной в Византии богословско-философской теории символизма, о чем подробно пишет В. В. Бычков в «Феномене иконы» [2, с. 36–46]. В частности он отмечает, что «в картине (иконе – прим. наше), как и в библейском тексте, нет незначительных элементов и деталей. Если художник написал их, значит он наделил их каким-то смыслом <...>. Религиозный утилитаризм и дух глобального символизма, характерные для средневековой эстетики, не позволяли ни мастеру, ни зрителю того времени допускать наличие случайных <...> элементов в изображении» [2, с. 34].

Основным элементом в иконе, несомненно, является образ, человеческая фигура, являющаяся символом первообраза, знаком его присутствия в мире. Или как у о. П. Флоренского: «<...> икона есть напоминание о горнем первообразе» [7, с. 108]. Можно выделить несколько элементов, наделяемых особым смыслом, которые мы можем наблюдать в характере изображения фигуры: разворот лика (ракурс), характер изображения одежд, положение тела в пространстве (поза), жесты рук. Причем все эти элементы выступают в единстве, как краски, образующие сложную палитру картины, уточняют и дополняют друг друга, помогая в прочтении иконы, в раскрытии ее смысла.

Основной объем фигуры, как правило, закрыт одеждами, остаются открытыми лишь лик, ладони и ступни. Одежды представляют собой ряд задрапированных покровов, следующих за телесной оболочкой. Однако одежды не подчеркивают и даже не выявляют объем тела, но лишь обозначают его, лишая реальной анатомичности и пластичности. Флоренский называет одежду «частью тела», «явлением тела» [7, с. 125]. С одной стороны, вследствие цветового контраста одежд с ликом создается впечатление их подчиненного значения. Однако, с другой стороны, здесь возникает интереснейший диалог покрытого и обнаженного тела. Если мы принимаем позицию символического прочтения иконы и всех ее компонентов, то и покровы мы должны понимать именно таким образом. У Флоренского же мы читаем: «<...> можно назвать их (святых – прим. наше) одежду тканью из их (святых – прим. наше) подвигов» [7, с. 125]. И тогда на первый план выступают драпировки, суть которых не в подчеркивании объема тела, а в передаче душевного состояния изображенного и даже его духовного статуса: «Складки своим характером, каков бы он ни был, могут выражать нечто духовное» [7, с. 126]. Так, в иконе Положение во гроб из праздничного чина из Городца (последняя четверть XV век, ГТГ) активные драпировки могут выражать драматизм ситуации, душевное волнение изображенных святых; а разнообразие пластических решений покровов наряду с цветовыми вариантами (преимущественно оттенки красного) могут быть интерпретированы как страстное начало. Флоренский, анализируя эволюцию иконописных средств и приемов, предлагает следующую дифференциацию в решении драпировок: «<...> складки XIII–XIV веков <...> прямолинейны, но мягки, еще вещественны, часты и мелки – свидетельство о сильных духовных переживаниях <...>. В XV веке и до половины XVI складки удлиняются, уширяются, теряют свою вещественную мягкость. А далее складки получают характер нарочитой прямизны, нарочитой стилизации, дела-

ются рассудочно-отвлеченными, при пробивающемся стремлении к натурализму» [7, с. 126].

Весьма часто одежды получают графическую проработку золотом, подчеркивающую систему складок. Наложённый поверх живописного слоя ассист кажется инородным, но одновременно выражающим двуприродность бытия: «<...> такое неслиянное соединение есть изображение невидимой стороны видимого, невидимой – в высшем и последнем смысле слова, то есть Божественной энергии, пронизывающей видимое око» [7, с. 130]. Тем самым, присутствие ассиста не столько украшает икону, сколько выявляет ее духовный смысл. И тогда уплощение, которое мы видим в иконах, воспринимается не как бесплотность и аскетизм святых, а как присутствие в бытии инобытия.

Детальная проработка фигур открывает дополнительные смыслы. Так, большое значение имеет положение тела в пространстве с точки зрения ракурсности, статики и динамики. Ракурс касается как всей фигуры, так и непосредственно лика. Бычков В. В. выделяет три варианта ракурсного расположения фигуры и лика в пространстве: фронтальное, трехчетвертное и профильное. В каждом случае речь идет о духовном статусе персонажа. Любое отклонение от фронтальности и статичности следует понимать как нарушение принципа святости, совершенства. Так, наиболее значимые образы – Иисус Христос, Богородица, апостолы, святые – изображаются статично и фронтально. Образы подчиненные, незначительные имеют свободное, как правило, трехчетвертное расположение; тогда как в профиль запечатлеваются отрицательные, реже второстепенные персонажи [2, с. 94–95]. При этом статика выражает «внутреннюю духовную концентрацию, сакральную значимость и возвышенность» [2, с. 94]. Телесная подвижность либо подчеркивает значимость центральных образов, либо выражает внутреннюю нестабильность, эмоциональность персонажей.

Большое значение имеет композиционное решение иконы. Основной схемой в ико-

нописи является равносторонний треугольник, как самая устойчивая фигура. При этом допускается телесная активность в изображении героев, которая гасится инертностью композиции в целом.

Духовная природа святых подчеркивается также бесплотным характером их изображений. Мы не ощущаем их весомости: зрительный акцент смещен на лик благодаря светоносности его решения и нимбической золотой обводке; драпировки решены условно вертикально, но не обладают тяжестью; фигуры не отбрасывают тени, а пространство слабо разработано и лишено привычной перспективы. «Поэтому фигуры в византийских изображениях обычно не стоят на земле, а как бы парят над поземом, что создает иллюзию их нематериальности» [2 с. 98].

Дополнительным средством усиления выразительности образов, акцентуации духовного содержания икон служат нарушение пропорций и разного рода телесные деформации: «<...> удлиненность фигур, широко раскрытые глаза, “перекручивания” человеческих тел на 90 180 градусов» [2 с. 108], разномасштабность фигур в рамках одной композиции. Масштабом, как правило, выделяется значимый святой, духовность которого несоизмеримо выше остальных персонажей. Деформирование (перекручивание) тела усиливает динамичность его восприятия и может осмысливаться как душевное смятение, борьба со страстями, духовное перерождение и даже как греховность. Примером такого рода телесных деформаций может быть икона «Преображение» круга Феофана Грека (1403 год, ГТГ), в которой мы видим развитие этого принципа: от прямостояния Христа, через изображение пророков в поклоне и развороте, к коленопреклонённым и сильно деформированным образам апостолов. Бобров Ю. Г. дает следующий комментарий по поводу характера изображения апостолов: «<...> канон в изображении апостолов, который фиксирует различие душевных состояний: Петр обычно, стоя на коленях, смело смотрит на восставшего Христа, Иоанн – юный и, вероятно,

поэтому более впечатлительный, падает ниц и закрывает лицо руками, в то время как Иаков, стоя на коленях, оборачивается посмотреть на чудо Преображения» [1, с. 86–87]. Тем самым, деформация телесности не только является средством повышения экспрессивности образа, но и выступает символом, обозначающим духовное обретение или, напротив, духовное оскудение.

В смысловом отношении наиболее показательным элементом фигуры выступает жест рук – как некий знак, символ. Византия разработала достаточно большую систему выразительных, смыслодержающих жестов, «которыми заменялись нередко реальные действия персонажей» [2, с. 105]. Таким образом, жест – это знак действия. Как мы говорили ранее, если поза выражает состояние души и духа героя, то жест содержит информацию о движении, действии, событии. Бычков В. В. жесты рассматривает как важнейшие символы, которые трансформируют картину в икону: «Картина, в которой исчезают все изображения случайных движений фигур и членов тела, но остаются лишь значимые символические жесты, сразу приобретает некий вневременной, условно-символический и одновременно – торжественно-иератический характер, превращается в икону или, точнее, в изобразительную основу иконы» [2, с. 105].

Так, в мозаике «Крещение Господне» (XI век, монастырь Осиос Лукас) явление Спасителя в мир обозначено не только изображением собственно крещения в водах Иордана Св. Иоанном Крестителем в присутствии ангелов, но и последовавшими событиями: «<...> и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3: 16–17). Последние обозначены голубем, слетающим на Христа, и дланью Господней в жесте благословения. Именно жест обозначает присутствие и слово Господне, тем самым являясь текстовой информацией в иконе.

Одним из символов телесности в контексте иконы выступает обнажение – полное или частичное раскрытие плоти. Учитывая метафизический смысл иконы, обнажение не может быть трактовано как естественное состояние тела вне одежд. Обнажение обладает своими семантическими смыслами. Флоренский дает следующее пояснение об исключительности обнажения в иконе: «Обнаженная фигура не то, что непристойна или некрасива, а была бы метафизически менее внятной, в ней труднее было бы прозреть суть просветленной человечности. Но, повторяю, это не ввиду соображений порядка морального, бытового или еще какого-нибудь, а по существу художественного дела, т. е. в силу зрительно-художественной символичности иконы» [7, с. 125].

В иконе обнажение встречается крайне редко: в ряде евангельских сюжетов – Богоявление Крещение, Распятие, Христос во гробе, а также при изображении отдельных персонажей – блаженные и юродивые. В сцене крещения обнажение плоти Христа, полное или частичное (воды Иордана, перевязь на чреслах, относящаяся к позднему периоду), может быть интерпретировано как очищение и рождение в духе (суть одного из церковных таинств), а также как символ чистоты, святости (антикизирующая версия) [1, с. 72–76].

Похожее значение наготы мы встречаем в Распятии, где Христос также обнажен (исключение – перевязь на чреслах). Конечно, обнажение объясняется текстом евангелий, где сказано, что перед распятием с Христа были сняты одежды. Однако икона не ограничивается фиксацией деталей текста, но дает его интерпретацию. В данном случае обнажение можно трактовать и как знак невинной жертвы в продолжение слов центуриона, руководившего казнью: «Истинно, Человек Этот был праведник (Лк. 23:47) [1, с. 117–126]. Данное понимание обнажения Христа получает продолжение в следующих сюжетах: Снятие с креста, Оплакивание, Христос во гробе и других вариантах с сохранением символики невинной жертвы [1, с. 126–131].

Нагота при изображении блаженных и юродивых носит строго символический характер. Юродство на Руси – это вид христианского подвижничества, связанный с осознанным отказом от мирских благ, таких как имущество и социальный статус. Юродивые (понятие «блаженные» часто фигурирует как синонимическое, но по смыслу несколько шире) таким образом декларировали личную позицию, противопоставляя себя всему миру, отрекаясь от подчинения этому миру, становясь вне его рамок и условностей. Нагота в этом контексте обозначает отречение. В то же время, нагой значит чистый, безгрешный, святой. И юродивые с блаженными почитались на Руси как святые, божьи люди. Нагота способна выразить еще одну сторону жизни юродивых – ее пограничье, между миром людей и небом Троицы. Это мир избранных людей, победивших не только человеческие предрассудки, но и голос плоти и даже разума.

В ряде случаев нагота юродствующих и блаженствующих заменяется одеждой из верблюжьего волоса (власяница) либо рубищем. Но и в этом случае одежды лишь частично покрывают тело, выражающую идею и аскезы, и победы духа над плотью, и отрицания мира как он есть.

Таким образом, нами рассмотрена телесность как элемент восточнохристианского иконографического канона, раскрыты его основные богословские смыслы. Нами были выделены следующие символы телесности: плоскостность изображения как знак духовности, контраст изображения лица и тела как олицетворение принципа дуалистичности, поза (положение тела в пространстве) как зримое воплощение состояния души, жесты, несущие в себе информацию, дополняющую и раскрывающую смысл иконы, обнажение как знак святости, чистоты и победы духа над плотью. Тем самым мы доказали правомочность считать икону духовным текстом.

Список литературы

1. Бобров Ю. Г. Основы иконографии памятников христианского искусства: учебное пособие. Москва: Издательский дом «Художественная школа», 2010. 260 с.
2. Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. Москва: Искусство, 1977. 199 с.
3. Бычков В. В. Феномен иконы: История. Богословие. Эстетика. Искусство. Москва: Ладомир, 2009. 633 с.
4. Варакина Г. В., Перволочанская С. Н., Азарова В. В., Добровольская В. Е. Иконология и компаративистика: междисциплинарный дискурс // Вестник славянских культур. 2022. № 4 (66). С. 320–332.
5. Кондаков Н. П. Иконография Богоматери [Электронный ресурс]. URL: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=33
6. Трубецкой Е. Н., князь. Умозрение в красках. Этюды по русской иконописи. Москва: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. 152 с.
7. Флоренский П., свящ. Иконостас // Богословские труды. Сборник 9. Москва: Издание Московской патриархии, 1972. С. 80–148.

*

Поступила в редакцию 27.06.2023

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ГЕРМАНСКИХ И КЕЛЬТСКИХ ПЛЕМЕН ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЕВРОПЫ

УДК 001; 008; 177

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-84-89>

С. С. Петрунин

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: underwaterstxne@gmail.com

М. М. Шибеева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: skyday.VM@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается христианизация германских и кельтских племен средневековой Европы и трансформация отдельных элементов их культуры, в частности обряда инициации. При анализе данного обряда древних германцев было обнаружено, что он утратил сакральную функцию, вследствие чего стал неотъемлемой частью жизни средневекового рыцарства, неоднократно критикуемого представителями католической церкви. Сходные процессы десакрализации происходили в песенно-поэтической традиции кельтских бардов с приходом христианства. В средневековой Европе роль певцов-поэтов из религиозной трансформировалась в развлекательную. На основании проведенного анализа трансформаций, произошедших в культуре после прихода христианства, был сделан вывод о том, что христианизация Европы способствовала десакрализации прежде сакральных элементов культуры древних германских и кельтских племен, что и определило своеобразие средневековой культуры.

Ключевые слова: средневековая культура, десакрализация, христианство, средние века, рыцарские турниры, поэзия средних веков, кельты, барды, древнегерманская культура, рыцарство, рыцарский роман.

Для цитирования: Петрунин С. С., Шибеева М. М. Десакрализация культуры древних германских и кельтских племен под воздействием христианизации Европы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 84–89. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-84-89>

ПЕТРУНИН СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, кафедра культурологии, Московский государственный институт культуры

ШИБАЕВА МИХАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, профессор, кафедра культурологии, Московский государственный институт культуры

PETRUNIN SERGEY SERGEEVICH – Undergraduate student at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

SHIBAEVA MIKHALINA MIKHAILOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Петрунин С. С., Шибеева М. М., 2023

DESACRALIZATION OF THE CULTURE OF ANCIENT GERMAN AND CELTIC TRIBES UNDER THE INFLUENCE OF THE CHRISTIANIZATION OF EUROPE

Sergey S. Petrunin

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: underwaterstxne@gmail.com

Michalina M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: skyday.VM@yandex.ru

Abstract: The article examined the Christianization of Germanic and Celtic tribes in medieval Europe and the transformation of individual elements of their culture, in particular the initiation rite. When analyzing this rite of the ancient Germans, it was discovered that it had lost its sacred function, as a result of which it became an integral part of the life of medieval chivalry, repeatedly criticized by representatives of the Catholic Church. Similar processes of desacralization occurred with the song and poetic tradition of the Celtic bards with the advent of Christianity. In medieval Europe, the role of singer-poets was transformed from religious to entertaining. Based on the analysis of cultural transformations that occurred after the advent of Christianity, we concluded that the Christianization of Europe contributed to the transformation of the desacralization of previously sacred elements of the culture of ancient Germanic and Celtic tribes, which determined the originality of Medieval culture.

Keywords: Medieval culture, desacralization, Christianity, the Middle Ages, knightly tournaments, poetry of the Middle Ages, Celts, bards, ancient Germanic culture, chivalry, chivalric romance.

For citation: Petrunin S. S., Shibaeva M. M. Desacralization of the culture of ancient german and celtic tribes under the influence of the christianization of Europe. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 84–89. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-84-89>

Христианство является одной из наиболее влиятельных религий в мировой истории. Его распространение в Европе имело огромное значение для формирования культурной жизни западной цивилизации. Одним из наиболее интересных аспектов процесса христианизации Европы является трансформация культурных практик, связанных с архаическими верованиями германских и кельтских племен.

Для обществ доцивилизационного этапа развития, на котором находились рассматриваемые нами этнокультурные сообщества, сакральное пространство охватывало почти все аспекты человеческой жизни [3]. И более того, политеистические народы не проводили четко-го разграничения между светской и духовной

составляющей социального порядка, как это было зафиксировано в христианском мире [4; 7].

Исследователь секуляризации Харви Кокс отмечал, что возникновение понимания некоторых явлений как феноменов, не связанных с духовно-мистическим началом, обусловлено сущностью Авраамических религий. В своем труде «Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте» ученый проводит отождествление библейских смыслов со снятием сакрального понимания некоторых явлений, свойственного политеистическим народам. Книгу Бытия Кокс связывает с десакрализацией природы, Исход – с десакрализацией власти, а Синайский союз – с возникновением светской системы ценностей [8].

Если с подобной точки зрения взглянуть на распространение христианства на территории Европы, заселенной в период поздней античности германскими и кельтскими племенами, то можно заметить трансформацию духовной культуры, связанной с архаическими верованиями. Это время традиционно рассматривается как период формирования двоеверия [6], однако в обществе происходит и десакрализация некоторых архаичных религиозно-обрядовых практик, что приводит к зарождению особой формы культуры, более не связанной с ритуально-мистической составляющей.

В связи с рассмотрением развития культуры средневековой Европы особый интерес представляет феномен средневекового рыцарства, так как на примере культуры военного сословия можно обнаружить наличие дохристианских религиозных традиций древних германцев [11].

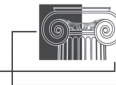
Одной из культурных особенностей рыцарства являлось участие в турнирах. Однако сами по себе турниры, имеющие огромную популярность в христианской Европе, происходили из ритуальной практики древних германцев, связанной с обрядом инициации.

Посвящение в полноправные члены общества в древнегерманской среде включало в себя вручение юноше оружия, после чего молодой человек должен был использовать его в публичном поединке. Военные состязания носили публичный характер, в них могли принимать участие взрослые воины, жрецы и старейшины; проводились «военные игры» также и при погребении вождей [13]. Тем воинам, которым посчастливилось пройти состязание, наносились татуировки.

Как мы можем заметить, военные состязания германцев были напрямую связаны с ритуально-обрядовой составляющей жизни рассматриваемого нами народа. Однако после прихода христианства состязания теряют свой сакральный статус, вследствие чего становятся частью культуры военного сословия средневековой Европы [11].

Появление рыцарских турниров в знакомом нам виде принято связывать с XI веком; в это время они становятся важнейшей частью культурного кода средневекового рыцарства. Однако, с точки зрения духовенства, «военные игры» были недопустимы по причине того, что воины проливали кровь не за идеалы, оставленные Иисусом Христом и отцами церкви, а ради отвлекающих от спасения души развлечений и личного самоутверждения. В качестве примера осуждения рыцарских турниров со стороны духовенства можно привести обращение Жака де Витри к рыцарям. В своем обращении де Витри указывал на то, что участники турниров совершают семь грехов, а именно: им присуща «гордость, порожденная похвалами мужчин и тщеславием; зависть, так как каждый завидует тому, кто признан наиболее доблестным; ненависть и гнев, неразлучные спутники наносимых ударов, которые могут причинить рану и даже смерть» [15]. Также папы Иннокентий III в 1140 и Евгений III в 1313 годах запрещали проведение турниров; участников данных действий даже отлучали от церкви. Однако никакие запреты и критика не могли повлиять на существование данной формы состязаний военной аристократии средневековой Европы по причине того, что турниры имели утилитарное значение: рыцарям во время отсутствия войны было необходимо оттачивать свои навыки, поэтому светская власть всячески способствовала проведению состязаний. Кроме того, древнегерманские ценности и традиции, особые представления о силе, чести, доблести, доминирующие в европейском миропонимании долгое время, не могли уйти из общественного сознания сразу после прихода христианства. Именно поэтому неодобряемые церковью рыцарские турниры пользовались огромной популярностью среди публики всех сословий, развивались на протяжении всей эпохи и закончили свое существование только на закате Средних веков.

Приведенный пример о рыцарских турнирах иллюстрирует собой произведенную в христианском мире трансформацию сакральной, культово-обрядовой практики германцев в но-

вую, лишенную священного статуса, традицию военного сословия.

В качестве наиболее яркого примера трансформации ранее духовной практики в явление, лишенное всяческой связи с культовомистической составляющей, можно отметить поэтическую традицию кельтских народов. Среди кельтов роль певцов-поэтов играли представители духовного сословия – барды. Барды связывали общество с миром мифов и легенд. Поэтические произведения часто исполнялась во время религиозных праздников и церемоний. Это помогало создавать атмосферу поклонения и связи с духовным миром богов; иными словами, кельты верили в сверхъестественные свойства поэзии [9]. Особое почитание поэтического творчества бардов отмечал Лукиан: «Своими славословиями вы [барды] выбираете из погибших на войне доблестные души, чтобы препроводить их в обитель бессмертных» [2].

Итак, как мы можем заметить, поэзия для кельтских народов была сакральным явлением, напрямую связанным с их религиозной жизнью. После прихода христианства в Европу перед служителями нового культа одной из важнейших задач стало уничтожение «языческого», «варварского» наследия [10]. Вследствие чего в христианском мире творчество бардов утратило свой сакральный статус. Некоторые барды приняли монашество, и именно с их помощью удалось сохранить дохристианскую культуру кельтов [14]; некоторые продолжили творчество поэтов-певцов, зарабатывая себе на жизнь при дворах светских властителей. В средневековом Уэльсе бард – это учитель-поэт, имеющий в обществе привилегированное положение, в Ирландии же бардом считался поэт, не имеющий законченного образования [5]. Творчество средневековых поэтов-певцов весьма сильно ограничивалось священнослужителями. Роберт Грейвс в своем труде «Белая богиня» отмечал, что церковь препятствовала уходящему в мифотворчество воображению поэтов, так как считала, что оно является отступлением от истины [5]. Также стоит отметить, что в данную эпоху помимо бардов существовали и другие

певцы-поэты светского мира, например, свободные трубадуры и придворные менестрели. Средневековые менестрели в отличие от бардов занимались не только музыкой и поэзией, но и увеселительными мероприятиями при дворе. Деятельность менестрелей неоднократно критиковалась со стороны духовенства по причине того, что поведение «артистов», как правило, не совпадало с христианскими ценностями. Но это не мешало существованию творчества певцов-поэтов.

Итак, как мы можем заметить, ранее сакральное явление – поэзия бардов – с приходом новой религии десакрализируется.

Если рассматривать поэзию средних веков немного шире, а не останавливаться только на творчестве певцов-поэтов, то стоит отметить, что в данный период существовала духовная литература, суть которой заключалась в приобщении мирян к сакральному миру Библейской истории. Например, до наших дней дошли такие рукописные произведения, как поэма «О житии и чудесах Богоматери», написанная Готье де Куэнси в XIII веке, в которой повествуется о том, как дева Мария помогала сбившимся с пути христианам. В поэме «Зерцало человеческого спасения», написанной анонимным автором, речь шла о жизни и страданиях Иисуса Христа. Данные стихотворные произведения интересны тем, что они были адресованы не только грамотному населению, но и тем людям, которые не умели читать: рукописные книги содержали в себе массу иллюстративных материалов, ознакомившись с которыми любой человек мог укрепиться в христианской вере. Т. е. сама по себе поэзия – в широком ее смысле – в эпоху средних веков все так же могла связывать общество с духовным миром, однако ее сакральная роль довольно-таки сильно снизилась в сравнении с дохристианским представлением. По-видимому, монахи понимали, что они создают не сакральный объект поклонения, а всего-навсего поэтическое произведение, суть которого заключалась в наставлении в христианской вере. К примеру, в монастырях Ирландии создавалось огромное количество

поэтических сочинений, однако сами монахи, не придавая им какого бы то ни было значения, записывали свои мысли в стихотворной форме на незаполненных местах и на полях книг. До наших дней сохранилось множество произведений, повествующих об окружающем мире и разных сторонах человеческой жизни. В качестве примера такого произведения можно привести стихотворение «Монах и его кот», в котором безымянный монах рассказывает о своей «дружбе» с котом, параллельно излагая свои стремления познать божественную истину [9]. Как мы можем заметить, поэзию, порождаемую в монастырях, сложно в полной мере отнести к какой-либо группе – секулярной или духовной. Поэзия порождается в монастырях и создается духовным сословием, однако сами поэтические тексты, даже если и несли в себе что-то религиозное, создавались с сугубо практической целью – для приобщения мирян к христианской религии.

Светская литература берет свое начало с возникновения нового жанра, воспевающего благородные качества военного сословия средневековой Европы – рыцарского романа. В качестве наиболее яркого примера данного жанра интерес вызывает французская песнь-сказка «Окассен и Николетта», написанная в первой половине XIII века. Интересно данное произведение по причине содержащейся в тексте цитаты, которую можно считать наиболее ярким примером трансляции мнения, противоречащего христианскому взгляду на ад и рай: «В рай пойдут лишь те люди, о которых я вам сейчас расскажу. Туда идут престарелые священники, немощные, старые калеки, что по целым дням и ночам толпятся у алтарей и старых

склепов, туда идут те, кто ходит в лохмотьях, поношенных плащах, те, кто бос, наг и оборван, кто умирает от голода, жажды, от холода и нищеты. Все они идут в рай, но мне нечего с ними делать. Мне же хочется отправиться в ад, ибо в ад идут отменные ученые, добрые рыцари, погибшие на турнирах или во время больших войн, туда идут славные воины и свободные люди; с ними мне и хотелось бы пойти. Туда же идут прекрасные благородные дамы, что имеют по два или по три возлюбленных, не считая их мужей; туда идет золото и серебро, дорогие разноцветные меха, туда идут игрецы на арфе, жонглеры и короли нашего мира» [12]. Как мы можем заметить из данной цитаты, главный герой указывает на свое желание попасть в ад, отмечая, что в аду находятся все выдающиеся люди человечества. Такой нетипичный взгляд, отраженный в средневековом произведении, позволяет нам заметить, как светская культура начинает вступать в некоторую конфронтацию с христианским мировоззрением. Интересно также и то, что рыцарские романы, хоть и являлись светскими произведениями, в которых критиковалось церковное благочестие, все же создавались духовным сословием – монахами, что указывает на то, что христианизация, способствующая строительству и духовно-образовательному наполнению монастырей, помимо этого запустила процесс развития светской литературы.

В свете изложенного можно заключить, что распространение христианства в Европе способствовало десакрализации элементов дохристианской культуры германских и кельтских племен, что и повлияло на развитие средневековой культуры.

Список литературы

1. *Августин А.* О граде Божьем. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/
2. *Брюно Ж. Л.* Галлы: монография. Москва: Вече, 2011. 400 с.
3. *Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. Москва: Восточная литература. РАН, 1999. 198 с.
4. Грациан «*Decretum Gratiani*». 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XII/loann_Gratian/text1.phtml?id=9429

5. *Грейвс Р.* Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии. Монография. Москва: Прогресс-Традиция, 1999. 590 с.
6. *Гуревич А.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. Москва: 1990. 396 с.
7. *Де Пеньяфортский Р.* Компиляция декреталий папы Григория IX. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1220-1240/GrigorijIX/dekretalii.phtml?id=9430>
8. *Кокс Х.* Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. Москва: Вост. лит, 1995. 261 с.
9. *Мурадова А.* Кельты: анфас и в профиль. Москва: Ломоносов, 2010.
10. *Назарова Л. А.* История западноевропейской литературы Средних веков: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский университет, 2016. 184 с.
11. *Николаева И. Ю., Карначук Н. В.* История средневековой культуры. Часть II. Культура рыцарской среды: Учебное пособие. Томск: Издательство Томского университета, 2003.
12. *Никулина Е. М.* Окассен и Николетта. 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/WORLD/okassen.txt>
13. *Носов К. С.* Рыцарские турниры. Санкт-Петербург: Полигон, 2004. 234 с.
14. *Смирнова В. А.* История зарубежных литератур. Кельтский эпос. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-zarubezhnyh-literatur-keltskiy-epos/viewer>
15. *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в средние века. [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/flori-zhan/povsednevnyaya-zhiznj-ricarej-v-srednie-veka?ysclid=lh3l1km0m9684387144>

*

Поступила в редакцию 15.06.2023

СОБОР СЯТИТЕЛЯ ПЕТРА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО, И ТРАДИЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО РЕНЕССАНСА В МОСКОВСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ XV–XVI ВВ.

УДК 069.122

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-90-100>

Д. А. Лунгина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: loungina@yandex.ru

Аннотация: Автор статьи делится опытом архитектурной экскурсии с учетом своих практических наработок в области культурной медиации. Наша аудитория – это, как правило, горожане, знакомые с историей архитектуры и градостроительства и желающие понять полюбившиеся постройки в культурно-историческом контексте определенной местности, в данном случае – Москвы. Задача культурной медиации в таком случае – наладить полноценный диалог экскурсантов со зданием именно как с архитектурным объемом в пространственной среде, его создавшей, поскольку эта среда мыслится как естественный медиатор между зданием и горожанами. В нашем случае препятствием стала закрытая, музеефицированная зона, в которой располагается собор митр. Петра, а также – его некоторое стилистическое выпадение из ансамбля Высокопетровского монастыря. В статье обсуждаются меры, предпринятые реставраторами для включения постройки в пространственную и семиотическую ось ансамбля. Ключевой сюжет экскурсии – этапы реставрации 1979–1986 гг. под руководством Б. П. Дедушенко, позволившие вернуть основному объему вид, соответствующий истинному возрасту собора. В ходе экскурсии мы расширяем исторический и культурный контекст здания, показав преемственность архитектурных принципов Итальянского Ренессанса с московским зодчеством начала XVI века.

Ключевые слова: экскурсия в формате медиации, итальянская архитектура XV – нач. XVI вв., Алевиз Фрязин (Алевиз Новый, Алоизио Ламберти да Монтаньяна), архитектурная реставрация, Б. П. Дедушенко.

Для цитирования: Лунгина Д. А. Собор святителя Петра, митрополита Московского, и традиции Итальянского Ренессанса в московском зодчестве XV–XVI вв. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 90–100. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-90-100>

ЛУНГИНА ДАРЬЯ АНДРЕЕВНА – кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории мировой культуры; научный руководитель образовательной программы «Прагматика и менеджмент культуры (Арт-менеджмент)», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
LUNGINA DARIA ANDREEVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of History and Theory of World Culture; Scientific director of the educational program “Pragmatics and cultural management (Art management)”, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

© Лунгина Д. А., 2023

THE CATHEDRAL OF ST. PETER, METROPOLITAN OF MOSCOW, AND THE TRADITIONS OF THE ITALIAN RENAISSANCE IN MOSCOW ARCHITECTURE OF THE XV–XVI CENTURIES

Daria A. Lungina

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: loungina@yandex.ru

Abstract: The author of the article shares his experience of guiding an architectural tour using her practical skills in cultural mediation. Our audience is citizens who are familiar with the history of architecture and urban development, and who want to understand their favorite buildings in the cultural and historical complex of a certain area, in this case, Moscow. The task of cultural mediation in this case is to establish a full dialogue between the sightseers and the building just as architectural volume in the spatial habitat that created it, since this habitat is thought as a natural mediator between the building and the people. In our case, the obstacle was Cathedral's location – restricted museum area. The Cathedral, due to its stylistic features, falls out from the ensemble of the Vysokopetrovsky Monastery. The article discusses how the restorers included the building in the space and semiotic axis of the ensemble. The key story of the excursion is the stages of the restoration of 1979–1986. The main theme of the excursion is the restoration under the direction of Boris Dedushenko which allowed the return of the main volume of the view corresponding to the true age of the Cathedral. During the tour we expand the historical and cultural context of the building, show the continuity of the architectural principles of the Italian Renaissance with Moscow architecture in the late fifteenth–first half of the sixteenth centuries.

Keywords: architectural tour, cultural mediation format, Italian architecture in the late fifteenth–first half of the sixteenth century, Aleviz Fryazin (Aloisio Nuovo, Alevisio Lamberti da Montagnana), architectural restoration, Boris Dedushenko.

For citation: Lungina D. A. The Cathedral of St. Peter, Metropolitan of Moscow, and the traditions of the Italian Renaissance in Moscow architecture of the XV–XVI centuries. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 90–100. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-90-100>

В архитектурной экскурсии по местам, давно знакомым, мы пытаемся понять здания исходя из закономерностей жилой среды, являющейся нашим естественным путеводителем. Мы идем по улице, дома нас, соответственно, *ведут*. Помня, что архитектура, в отличие от произведений изобразительного искусства, определяется материалом и корпус постройки в некотором смысле коррелирует с нашим физическим обликом, мы опираемся на принцип: взаимодействуем со зданием мы также телесно. Это взаимодействие – сущность зодчества и происходит прежде, чем здание начнет строиться. Задача экскурсовода-медиатора – дать слово этому взаимодействию, облекая пространственную среду в нарратив,

который позволил бы ей коммуницировать не объемами, а понятными слушателям средствами. Сообщение архитектуры должно стать для них не «онемелой музыкой», вопреки Гете и Шеллингу, а речью, разборчивой для всех участников коммуникации.

Пространственная среда звучит, когда она акцентирована композиционно. Как музыкальным произведением зовется не то, что записано нотами, а то, что связано началом, кульминацией, финалом, выражено размером, тактом, ритмом и т. п., так и здание мы воспринимаем, всматриваясь в перетекающие друг в друга низ и верх, правую и левую стороны, любуясь равновесием ширины и высоты, соотносясь с масштабом и пропорциями,

улавливая ритм и отмечая нюансы. Отчасти этим ведаёт конструктивно-тектоническая сторона постройки, отчасти – её пространственная композиция. В беседе со специалистами медиатор назвал бы их речевыми актами пространственной среды. В нашей практике мы встречали идеальные случаи взаимодействия здания со средой (как, например, храм Покрова на Нерли, вилла Ротонда близ Виченцы) и переключки между ее элементами (ансамблевые решения Дворцовой площади в Санкт-Петербурге, монастырского комплекса Сантиссима Аннунциата во Флоренции и др.). Оптимальным для культурной медиации случаем является не искусственная или музеефицированная зона, а жилая среда, обжитая поколениями или сохранившая исторический контекст.

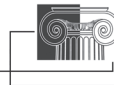
Поскольку наш сегодняшний «рассказчик» не соответствует этим условиям, медиацию предложено вести в другом направлении. Обозначим его чуть позже. Собор митр. Петра, действительно, выпадает из ансамбля Высокопетровского монастыря. Сооруженный между 1512 (Л. А. Беляев отодвинул начало постройки на два года назад от общепринятой даты [1; 2, с. 112]) и 1517 гг., в XVII – первой половине XVIII века, окруженный постройками нарышкинской и позднейших эпох и примерно тогда же несколько раз перестроенный в этой стилистике, собор митр. Петра тем не менее стоит свободно и интересен своей особостью и статью.

Несколько лет назад для включения в историческую перспективу на его фасадах восстановили декор первой трети XVIII века. Росписи вокруг повторно растесанных стен октаконха были сделаны в 1720–30-е годы, вокруг стен восьмерика – в 1736. Диссонанс, внесенный в ренессансный объем «акантовыми вавилонями», обсуждается и сегодня. Ставят вопрос и о том, насколько собор, не связанный с остальными постройками единой визуальной пространственной осью, заново встроился в виртуальную, семиотическую ось монастырского ансамбля. Петр, имя которого носило несколько лиц, ученик Иисуса, став-

ший апостолом, митрополит Киевский, первый церковный иерарх, который с 1325 года имел постоянную резиденцию в Москве. Наконец, Петр – русский царевич, а затем царь и император, чье, можно сказать, второе рождение отмечено еще несколькими храмами поблизости. Это имя создает переключку между всеми участниками ансамбля. Стоящая напротив нашего «рассказчика» церковь, посвященная иконе Толгской Божией Матери (ее празднование отмечается 8 августа по старому стилю), служит напоминанием об августовском дне 1682 г., когда Петр с матерью Натальей Кирилловной укрылись от восставших стрельцов в стенах Троице-Сергиевой Лавры. К югу от нашего «рассказчика» расположилась церковь 1694 года, также построенная в память о прп. Сергии Радонежском. В церкви в честь Боголюбской иконы Божией Матери (1684) к северу от собора митр. Петра упокоились двое дядьев юного царя, убитых стрельцами, – Иван и Афанасий Кирилловичи. Наконец, еще одно звено виртуальной оси, расположенное в южном дворе монастыря, – церковь в честь св. апостолов Петра и Павла.

Возвращение растесанным в XVII–XVIII вв. окнам первоначальной щелевидной формы при реставрации 1970–1980-х гг. и затушевка барочного декора превратили прямой указатель на тезоименитого святого царя в косвенный. Зато однотонная терракотовая окраска сделала прозрачней отсылку к итальянской архитектуре, а подчеркнутый цветом столпообразный объем – не только к его прототипам XV века, но и к нерукотворной вертикали холма Яникул, где, согласно поздней легенде, встретил свою смерть апостол Петр и где в 1502 в г. Браманте возвел Темпьетто (см. ниже).

Сегодня мы уже не воспринимаем окрестности монастыря как естественную для себя обстановку. Хотя еще в 1950-е годы в палатах Кирилла Полуэктовича Нарышкина обитали жильцы коммунальных квартир, где раньше было кладбище – расположился детский сад, а прочие монастырские субструкции, включая плиты со здешнего некрополя,

использовались для нужд городского хозяйства вплоть до 1970-х годов. Этот опыт – в ином случае драматичный и интересный для медиации – оставим на другой раз. Наше ключевое событие сегодня – встреча с Итальянским Ренессансом, состоявшаяся благодаря работе Бориса Прокофьевича Дедушенко и его группы. А точнее – благодаря этапам реставрации 1979–1986 годов, позволившим установить истинный возраст собора и вернуть основному объему первоначальный вид.

Наша медиация, или работа культурно опосредованного зрения, сегодня будет, скорее, ретроспекцией в глубь веков, ведь другого доступа к Возрождению, кроме как через наш зрительский опыт, медиацией, строго говоря, не предусмотрено.

Между Венецией и Бахчисараем.

Алоизио Ламберти да Монтаньяна

Алоизио из Монтаньяны (провинция Падуга, Венето; ум. на Руси не ранее 1531) – резчик, совершенствовавшийся у крупнейшего венецианского архитектора второй половины XV в. Мауро Кодуччи, оставил о себе на родине память лишь как автор скульптурных композиций. Самый полный на сегодняшний день перечень работ Алевиза, включающий надгробия, алтарные и фасадные группы (среди которых отделка декора венецианской Скуолы Гранде ди Сан-Марко; арх. П. Ломбардо, М. Кодуччи, 1488–1495), приводит в своем «Опыте словаря» С. С. Подъяпольский [11, с. 300].

Из нескольких приписываемых ему объектов, по видимости, далеких друг от друга и позволяющих полней оценить его дарование, следующие: мраморный портал Демир-капы (Железной двери) Бахчисарайского дворца хана Менгли-Гирея; фортификационный «Алевизов» ров, известный по реконструкциям и угадываемый лишь косвенно; декоративные элементы фасада Скуолы ди Сан-Марко и, наконец, кремлевский собор Архангела Михаила, сохранившийся в неполном строительном объеме. Два последних известны своей зрелищностью; они инициируют работу культурного зрения, поскольку,

сопоставляя венецианскую и московскую архитектуру той эпохи, зрители самостоятельно смогут зафиксировать новшества в трактовке фасада, привнесенные Ренессансом.

Хотя Архангельский собор принадлежит типу *palazzo in fortezza*, зародившемуся в недрах романики, стена трактуется Алевизом по-новому. Архитектура домонгольского периода (например, Успенский собор во Владимире) учит нас, что фасад четверика в древнерусской архитектуре служит выявлению внутренней тектоники крестово-купольного храма. Нефы проступают наружу в виде прясел, стена выглядит как куртина, то есть как крепостное звено, а ее завершия – закомары естественно продолжают коробовые своды, также вынося их вовне.

У Алевиза по-другому, хотя в плане его постройка – традиционный византийский крестово-купольный храм, какие были популярны в Венеции. Однако экстерьер здания слабо связан с его конструкцией. Собор венчают не закомары, а дугообразные (лучковые) фронтоны, как у Мауро Кодуччи. В тимпаны Алевиз помещает белокаменные рельефные раковины также венецианского происхождения; фасад украшает акротериями (не сохранились). Прясла визуально превращает в филенки, образующие на плоскости фасада профилированный рисунок. И отделяет их друг от друга не лопатками, а ложными колоннами во весь ярус – пилястрами. Складывается впечатление, что и классический ордер, заново открытый Ренессансом, трактуется Алевизом не тектонически, а пластически, поскольку поддерживающие арки пилястры выглядят, будто приставленные к стене. Ведь венецианская архитектура в XV веке вбирала классику на свой манер, трактуя архитектурное наследие как оболочку, которую можно при желании обыграть или при случае совсем отставить. Так – в нашем случае – осталось незамеченным исчезновение целых пристроек к Архангельскому собору – наружных открытых галерей, чьи аркады поддерживали полуколонны тосканского ордера. Эти галереи первоначально примыкали ко всем стенам, кроме

восточной, и были, очевидно, навеяны видом внутренних двориков итальянских палаццо.

Как мы взаимодействуем со зданием?

Собор митр. Петра, возведенный между 1512 и 1517 годами и не имеющий прототипов в московской архитектуре, привлекает внимание тем, что ему оставлено минимальное количество собственно русских черт. В отличие от Архангельского собора этот храм лишен каких-либо признаков адаптации к местным условиям. В соборе митр. Петра развиты идеи, свойственные ренессансной художественной культуре в самом широком смысле – как в географическом охвате от Милана до Тосканы, так и в хронологическом и содержательном, что позволяет трактовать Возрождение как синтез античного язычества и христианства.

Попытаемся прочесть его фасад как открытую книгу, в которую вписаны эти идеи. Как уже было замечено, здание не идет на нас фронтом стены, подобно древнерусским храмам, и не отсылает к традициям романской архитектуры, когда даже церкви имитировали крепость. Несмотря на дифференциацию объемов, его ярусы не противопоставляют себя друг другу, а образуют единство нижнего и верхнего восьмерика. Если бы мы зашли внутрь и подняли голову, то не смогли бы различить барабан и купол, то есть сферу, подчеркнута покрывающую молящихся сверху. Хотя храм снаружи увенчан граненой шлемовидной главой, она не отражает тектонику здания, поскольку его верхний объем на самом деле образован естественным выростанием стен, образующих сомкнутый свод. Не назовем мы, однако, такую композицию и высотной, так как здесь нет преобладания вертикалей над горизонталями и, соответственно, ощущения, что нас поднимает над поверхностью и уносит ввысь, как это делает готический собор.

Такая композиция называется центрической. Здание не имеет главного фасада и располагает к восприятию себя со «всех» сторон. Поэтому, и находясь вблизи, мы ощущаем

себя «повсюду», то есть готовыми заглянуть за видимые части, чтобы увидеть скрытые. Хотя, перемещаясь, мы обнаруживаем, что стены имеют грани, то есть ограниченное количество наружных выступов. Это также не воспринимается как препятствие: собор уже вовлек нас в круговое движение, представив эту локомоцию как само собой разумеющуюся.

Это произошло благодаря конструкции нижнего столпа, состоящей из восьми изогнутых граней в форме дуг, или полуцилиндров. Полукупола, перекрывающие апсиды сверху, как мы помним, называются конхами. Отсюда название постройки – *октаконх*; четыре больших «лепестка» расположены по странам света, четыре диагонально лежащих лепестка – между ними. Снизу дуги объединены цоколем, сверху – антаблементом. Это зрительно собирает здание, тем более что апсиды не слишком сильно вынесены в стороны от восьмерика. Поэтому храм воспринимается как единый объем и, предъявляя нам поставленные Ренессансом задачи, подсказывает не столько зрительные, сколько локомotionные решения.

Выложенная белым искусственным камнем кольцевидная галерея должна была, казалось бы, стоять здесь изначально: центрическая композиция предполагает подиум, очерчивающий циркульное основание здания и приподнимающий его над землей. Однако реставрация привносит сюда обстоятельство, заставляющее нас, зрителей, считаться с тем, что главные пространственные категории (например, устремленность ввысь или приземистость), – всегда эффекты работы культурно нагруженного зрения и потому могут быть отрегулированы.

Высоченный культурный слой, выросший вокруг собора митр. Петра за пятьсот лет, до конца не исследован, поэтому нынешнюю круговую конструкцию правильной считать паллиативом. Неудачей считается и предыдущее решение, принятое еще Б. П. Дедушенко, когда для восстановления исходной высоты собора грунт понизили вокруг более

чем на метр и собор оказался попросту в яме. И чтобы сгладить этот эффект и показать древний цоколь, раскрытый при реставрации, было решено строить галерею, берущую собор в кольцо, на расстоянии от стен. По признанию Л. А. Беляева: «Вот эта модель, которую придумал Борис Прокофьевич в 80-е <...> – все-таки не совсем удачная инвенция. Перед нами что-то такое несуразное, чего никогда, конечно, не было. Таким образом собор в своей нижней части никогда не выглядел» [12].

Нынешний белокаменный подиум скрывает следы старых ступеней, ведущих к собору и сделанных в виде рундуков. Их пристроили в 1624 году в том числе из старых камней и могильных плит (их упорядочением с 2000-х годов занимается Леонид Беляев). Там же можно обнаружить и следы первоначальной галереи, она появилась, как считал Б. П. Дедушенко, не ранее середины XVII века, а скорее всего – на рубеже XVII–XVIII веков. Из-за того, что земля вокруг храма по-прежнему таит в себе старинные захоронения, в ближайшее время не будет восстановлено и самое первое планировочное решение – самого Алевиза. Это были низкие открытые крыльца-площадки, располагавшиеся с трех сторон; их-то и заменили сводчатой галереей-папертью в ходе ремонта 1690-х годов и тогда же растесали узкие окна.

Как бы то ни было, сегодня взгляд издали выделяет три объема: нижний («до колен»), средний («до пояса») и верхний. Если принять во внимание замысел Дедушенко о восстановлении высокого подиума (опираясь на обмеры Ивана Мичурина, сделанные в середине XVIII века, он доказывал, что высота галереи, построенной в 1690-х, была 1 м, что суммарно с метровым парапетом должно было визуально поднять нижний объем более, чем на 2 м [6, с. 167; 10]). Очевидно, что его реставрация стремилась уподобить пропорции храма пропорциям человеческого тела. Взгляд с галереи, то есть с близкого расстояния несколько меняет эти пропорции: конхи среднего объема превращаются в расправленные плечи, а верхний восьмерик, увенчанный граненым

шлемовидным покрытием, становится гордо поднятой головой на длинной шее.

Центрическая композиция сообщает, что мы имеем дело с единым объемом, восприятие которого не должно разрушать его цельности. Напротив, она приглашает смотрящего подыграть ей со всех сторон. Поскольку, как мы заметили, у храма нет главного фасада и взаимодействуем мы не лицом к лицу, коммуницируем мы также преимущественно телесно. Приглашая соотнобразовываться с ней в движении, постройка задает нам совместную систему координат и встраивает в общий лад более высокого уровня.

Нечто подобное делает колонна и впоследствии круглая скульптура – ведущий в Античности вид пространственных искусств, который был – в логике Ренессанса – восстановлен в эпоху кватроченто. Отныне в сооружениях античная телесность сплавляется с христианской умозрительностью, книжными представлениями о мироздании. Этим синтезом открывается еще несколько каналов медиации.

Первый – повторно отсылает к античному мимесису (подражанию природе), когда человеческое тело бралось за точку отсчета для произведений искусства. Нас захватывает не только сбалансированность нашего локутора, но и его подчеркнутая «распрямленность». Мы разделяем нашу природу – прямохождение, прямую осанку, служащую формой нашего тела – с телами, которые стремятся преодолеть свою неполноту, оформившись в скульптурный и архитектурный объем. Все, с чем мы контактируем, будь то природная вещь или искусственная, как-то оформлено; быть зримым (*видным*) значит демонстрировать волю к показательности. Ведь как человеку соприродно расти, вставать на ноги и распрямлять спину, так и для дерева (считали греческие мыслители) естественно слагаться в постройку, а для мрамора – в изваяния. И хотя материалу самому по себе это не подвластно и, чтобы растесаться до нужной формы, ему вначале требуется содействие «первоздчного» (*arkhi-tekton*), тот может поделиться со стро-

ением лишь тем, что и так ежеминутно совершает в состоянии бодрствования, – сопротивлением силе тяжести. Ведь осанка – будем помнить – создана не материалом, а подъемом, усилием духа и воли, которое заставляет его держаться прямо.

Стройность собора – композиционный эффект, созданный и тектоникой, и дистанцией, нашим взглядом со стороны. Эту зрительную и, как оказалось, беспрецедентную активность пробудили в человеке иконный и вслед за ним картинный образ. Архитектурно-пространственная среда, начиная с эпохи Ренессанса, – это отныне и зрительная среда, подчиняющаяся законам перспективных построений и прирастающая ракурсами, которые можно создать лишь мысленно и лишь отстраненным наблюдением. Даже педантично следуя заданным природой законам физического пространства, мы имеем возможность коммуницировать со зданием по, так сказать, второму каналу медиации – посредством зрения, привносящего смыслы и образы, которые не воспринимаются глазами непосредственно.

Поэтому к аспектам, которые мы уже подметили, – прежде всего, приглашающая к беседе статуарная человекосоразмерность здания, – прибавляются новые. Собор митр. Петра, прежде всего, легок. Конечно, в нем есть отсылка к античным прототипам – как, например, утопленному в землю греческому толосу – гробнице или святилищу, огороженному стенами, или не имеющему наоса моноптеру или римской ротонде: чередование жизни и смерти, которое они олицетворяют, как бы против воли вовлекает нас в круговое движение природы. Этой плоскости противостоит активная устремленность постройки вдоль вертикальной оси, открывающая эсхатологическое измерение мироздания. Архитекторы называют такую композицию центрально-купольной, поскольку христианский храм (выросший, в том числе, и из ротондальных мартириев и баптистериев), симметричен не относительно точки, как многоугольник или круг, а относительно вертикальной оси,

проходящей через вершину перекрытия. Наше взаимодействие задается и осью, чьим продолжением является небо, в которое, как на конечную цель, указывает наша голова, и дугообразностью объемов собора. Вертикаль придает ему легковесность, а шлемовидная глава на высокой шее сообщает некоторую эллипсоидность. И – в пределе – напоминает о самоподвижности, присущей шару.

Пространство, созданное шаром, воплощает абсолютную законченность. Поскольку, как мы знаем, «любое дополнение, привнесенное в сферу извне, привело бы к принципиальному изменению его структуры, лишило “чистоты” и цельности, отождествляемых с гармонией. Именно благодаря подобным качествам центрально-купольная композиция приобрела роль своеобразного символа эпохи Возрождения» [8, с. 39]. Соотносясь главами с собором, мы вспоминаем и о своем совершенстве. Что путь к совершенству пролегает через зрение, не устает напоминать Леонардо да Винчи: «Здание обязательно требует возможности обзора со всех сторон, дабы продемонстрировать свою истинную форму» (цит. по: [4, с. 18]).

Другой Рим

Борис Прокофьевич Дедушенко занимался раскопками Высокопетровского монастыря практически всю жизнь, с 1950-х годов. Что мысленно увидел он перед собой в конце 1970-х годов, после чего принял радикальное решение – «удревнить» храм почти на два века? Мечтал ли побороть устойчивое среди историков мнение, что данные летописей, называющих создателем собора Алевиза Нового, ошибочны? Или хотел избавить музейное общество от впечатления, которое было навязано последующими воспроизведениями октаконха в архитектуре голицынского барокко (типа храма Знамения в Дубровицах или Знамения в Перове), что собор Петра старше их ненамного? И решился восстановить ренессансную столпообразность храма, вернуть растесанные окна к первоначальному узкому виду – причем так, чтобы получившиеся «бой-

ницы» подчеркивали не столько древность источника, сколько прямизну его осанки.

Среди возможных прототипов собора, наиболее близких по планировочным решениям, называют приписываемую Браманте (более достоверно – Антонио да Сангалло, одному из первых архитекторов собора св. Петра в Риме) церковь Санта-Мария делла Консоляционе в Тоди, Умбрия. Вспоминают и про ее возможный прообраз на рисунке Леонардо да Винчи, изображающем церковь с четырьмя экседрами, и церковь Санта-Мария presso Сан-Сатиро (Милан), в работе над которой принимал участие Браманте. Из более далеких – обсуждают собор ап. Петра в Чериньоле (Апулия) с удлиненным нефом.

Отсылку к апостолу Петру Б. П. Дедушенко обязан был обозначить в любом случае. Москва должна была стать Третьим Римом как местом их зримо-пластической встречи. Ведь средневековая ментальность позволяла прославить апостола где угодно. Если язычники верили, что мировое древо, с которого вопит Дий (славянский Зевс), растет в соседней деревне, то почему, скажем, нельзя возвести Иерусалим недалеко от Москвы на Истре? Риму и вовсе подобало быть недалеко от Кремля, ведь после падения Второго Рима потомство Ивана III стало наследниками Палеологов, и пока строился Архангельский собор, Иван именовался кесарем и новым царем Константином. А Василия III, заказчика собора митр. Петра, папа Лев X Медичи призывал «за свою отчину Константинопольскую стоять» и выступить «для общего христианского добра против христианского врага турка, кой держит наследие царя всея Руси» (цит. по: [7, с. 262–63]).

Воссоздать преемственность с римскими холмами Борису Прокофьевичу помогало изучение источников, относящихся к истории обители. Ему было известно, что своим местом постройки собор был обязан самой высокой точке северного двора и сам монастырь именовался Высокопетровским, так как возводился на высоком берегу Неглинки. У Алевиза здание выглядело намного выше и стройнее, чем в дошедшем до нас

виде, поэтому Дедушенко добивался, чтобы грунт у южной стены был понижен почти на два метра. Из отчета: «Собор Петра митрополита поставлен так, что обозревается только с близких расстояний. Первоначально, при более низкой поверхности земли, он был еще выше и воспринимался в выразительных, острых перспективных ракурсах. Вместе с присущей зданию собора величавой мощью это должно было придавать ему особую эмоциональность» [6, с. 168–169].

Как вспоминает Л. А. Беляев, в команде был каменщик, обративший внимание, что размеры кирпича и перевязка кирпичной кладки сильно отличаются от того, как выложены другие храмы монастырского комплекса. Археологические обследования подтвердили, что перед реставраторами единое архитектурное тело и оно, кроме растески окон, никогда не перестраивалось, но только дополнялось в несколько этапов на протяжении XVII–XVIII вв. Был в команде и специалист, исследовавший химический состав краски, которой был окрашен кирпич. Он также подтвердил гипотезу, что собор относится к началу XVI века. Восстановленный Дедушенко терракотовый (а не коралловый, как после последней реставрации) цвет типичен для старых итальянских зданий. Нашлись в Италии и ближайшие подобию гранёного шлемовидного купола Петровского собора и в архитектуре Тосканы (например, купол собора Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции, хотя тот и значительно больше по размеру), и в Апулии (вышеупомянутый собор ап. Петра в Чериньоле).

Нам кажется, что отсылка Дедушенко к апостолу Петру требует включить в наш ряд и сооружения «классического» стиля [5, с. 201] – те, что были задуманы или реализованы мастерами Высокого Возрождения в Первом Риме и предвосхитили так называемый римский классицизм и его зрелищно-пластические открытия. В этом ряду особняком стоят опыты с центрическими и центрально-купольными постройками, среди которых выделяется не реализованный

Брамантов план главного сооружения Ватикана – собора св. Петра.

Среди подготовительных этапов развития архитектуры Высокого Возрождения назовем уже упомянутую миланскую церковь Санта-Мария presso Сан-Сатино (перестройка 1472–1482). Ее неудачное расположение подтолкнуло Браманте обыграть изъяны конструкции с помощью зрительных и композиционных уловок. Из-за того, что затесненность места не позволяла завершить неф апсидой соответствующих размеров, апсиду все равно смоделировали, однако не реально, а иллюзорно, в интерьере. С помощью рельефа и живописи Браманте воспроизвел на стене нефа коробовый свод, повторяющий те, что перекрывали остальные нефы церкви. Чтобы завершить конструкцию, он внес соответствующие стилистические изменения и в северный неф: часовня церкви получила оформление в виде ложных колонн и нишевых дуг и превратилась из крестообразной пристройки в круглую.

Однако в контексте сегодняшней встречи для нас по-прежнему важнее обращать внимание на то, как работает физическое, а не иллюзорное пространство. Ведь архитектура – искусство, обусловленное материалом, и трактует человеческую телесность как часть, подчиненную целому, а не стоящую над ним. Поэтому более показательнее для нас не столько то совершенство, которого достигла живописная композиция, скажем, у Рафаэля, вписывающего фигуры в идеальную сферу («Обручение Марии», 1504, Брера, Милан; «Афинская школа», 1510–1511, Апостольский дворец, Ватикан), сколько приемы, как у его предшественника и учителя Перуджино, у которого архитектура пока остается нарисованными постройками, а не частью среды, не элементом зрелищности. Трехмерные объемы, перенесенные на плоскость, несут у Перуджино прямую символическую нагрузку (ср. арка как средство glorification Христа в «Пьете», 1495, Уффици, Флоренция) и придают ясность и стройность мирозданию, каким его видит художник («Обручение Марии», ок. 1503, Му-

зей изобр. искусств, Кан; фреска Сикстинской капеллы «Вручение ключей апостолу Петру», ок. 1482). Кроме финальной фазы трансформации живописи-моделирования в живопись-умозрение и, как итог, зримо достигнутому свидетельству о причастности людей космической гармонии (у Рафаэля в «Афинской школе» она передана посредством перспективы, сформированной уменьшающимися дугами; по убеждению Вазари, автором этой находки и архитектурного фона всей фрески был не Рафаэль, а Браманте), нужно помнить, прежде всего, о начальной фазе трансформации архитектурного начала в живописное. Это происходит в середине – второй половине XV века.

К ней относятся градостроительные фантазии на тему человеческих обществ, частично реализованные в Ломбардии и в Урбино. Постройки идеального в плане города Сфорцинды, который должен был возводиться под началом миланского герцога Франческо Сфорца, замыслились Филарете «по подобию человеческому». Напротив, картина «Идеальный город» (окончательно не атрибутированная, но одно время приписываемая Пьеро делла Франческа и, вероятно, выполненная по заказу урбинского герцога Федерико Монтефельтро) как будто не пытается соизмеряться с человеком. Из подобных изображений вырос специфический жанр перспективной живописи Ренессанса – ведута. Этот город упорядочен по законам небесной гармонии, его ландшафт абстрактен, а сам он изображается так, будто существует вне времени и вне политики. Иначе говоря – как вездесущий. В отличие от многофигурной «Афинской школы», полной людей, ранние ведуты настолько идеальны, что, кажется, эмпирическому человеку нет места в системе строгой архитектоники ренессансного мира. А идеальный человек, видимо, еще не родился.

В мире Пьеро делла Франческа этот человек существует, но его бытие оправдано лишь в той мере, в какой оно подчиняется не умозрительно, а архитектурно смоделированному мирозданию. Именно за счет его неподвижно-

сти, решенной у Пьеро как величественность и монументальность героев его фресок, и происходит высвобождение той колоссальной зрительной активности смотрящего, которая делает возможным переход визуальности Ренессанса от моделирования к созерцанию.

«Ты – Петр»

Человекоцентричность, гуманистическая направленность собора митр. Петра очевидна. Его прямая осанка – свидетельство ренессансной антропологии, выраженной Джованни Пико делла Мирандолой в «Речи о достоинстве человека» устами Творца: «Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозреть все, что есть в мире» [9, с. 249]. Его объем дает представление о принципах всего мироздания в той мере, в какой макрокосм зримо повторяется в микрокосме и в какой законы физики, оптики, перспективы, как верят архитекторы, исходят от самого Бога. Даже материальное измерение архитектуры Ренессанс наделяет божественным достоинством, потому что если бы Бог не принял на себя бремя материи, Он бы не вочеловечился и не воскрес в теле. Это позволяет нам наделить собор чертами личности, самостоянья. Заметить, во всяком случае, что встречное послание нам явно отправляет существо, чье главное достоинство – стоять прямо – получено не от природы, а идет как бы от себя.

Напрашивается сравнение с Темпьетто Браманте: втиснутый во двор монастыря Сан-Пьетро ин Монторио, он так же не рассчитан на толпу, а обращен к отдельному человеку. Но это и заставляет выделить различия между ними. Ступенчатое основание Темпьетто вместе с купольным завершением цилиндрической целлы как бы вписывает постройку в воображаемый конус. «От основания к вершине купола масса постройки плавно убывает от максимума до нуля, что выражает древнюю, как сама архитектура, “эстетику тяжести”, в наиболее чистом виде воплощенную в форме египетской пирамиды. Этой художественной концепции вполне отвечает

колоннада утяжеленных пропорций, формулирующая своим ордерным языком представление о монументальности, но в то же время сообщающая сооружению “человеческий масштаб”» [8, с. 364]. О Темпьетто хочется сказать, что он «крепко встал на землю, цепко соединился с ней». Основное же движение нашего локутора – распрямление; за счет башнеобразности и обширной пространственной среды он выглядит менее устойчивым и если и не грозит упасть, подобно столбу, то лишь за счет пропорционального сложения и сбалансированности.

Распрямившийся, он зримо противостоит силам, грозящим его столкнуть. Таков был и его «крестник» император Петр – человек ростом с башню, торопливый и норовистый и, как чудом спасшийся от смерти и этим преследуемый, нервно неуравновешенный. Есть в соборе отсылка и к тезоименитому святому царя – митрополиту Петру, который, как гласит легенда, рывком избавился в отрочестве от косноязычия (заикания?) и воспринял духовно. И к их общему небесному покровителю – человеку вспыльчивому и строптивому, временами отважному, временами малодушному, чье несовершенство придавало ему смелости продолжать свое дело. Дело его было заповедано Создателем: «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16, 18; ‘Петрос’ по-греч. ‘камень’).

Чтобы убедиться, что именно личное начало, пронизывающее Новый Завет, служило Ренессансу источником обновления человека, достаточно перечитать трактат Петрарки «Против всякой фортуны»: там тоже прославляется человеческое достоинство. Его адресат – не римское *лицо*, т. е. гражданин – зримый носитель свободной воли, а современник. Достоинство, по Петрарке, дается человеку не от природы, т. е. благодаря принадлежности знатному роду или общему делу, республике. И не как подарок судьбы, например, по милости случайно свалившегося богатства. Оно приобретает тем, что Петрарка ставит выше природы, – личным

усилием, благородством ума и стойкостью характера. «Всем движет воля, не жесткая, без отчаяния и фанатизма, но абсолютно непреклонная. Полагаясь на разум, предвидение

и расчет, она ставит себе предельно высокую, но реально достижимую цель и наперекор Фортуне приходит к ней во что бы то ни стало» [3, с. 288].

Список литературы

1. *Беляев Л. А.* Из новейших открытий археологов ИА РАН // Институт археологии РАН. Новости. Публикации. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/n345>
2. *Беляев Л. А.* Собор и кладбище. Высоко-Петровский монастырь (Москва): находки, утраты, методические ошибки 2010-х годов. Часть вторая // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2021. № 2. С. 101–115.
3. *Бибихин В. В.* Новый Ренессанс: монография. Москва: МАИК «Наука», Прогресс-Традиция, 1998. 493 с.
4. *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения: монография. Москва: Прогресс, 1986. 392с.
5. *Гращенков В. Н.* О принципах и системе периодизации искусства Возрождения // Типология и периодизация культуры Возрождения. Москва: Наука, 1978. С. 201–247.
6. *Дедушенко Б. П.* Собор митрополита Петра Высокопетровского монастыря в Москве // Труды НИИ Культуры (Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры). Т. 35. Москва: НИИК, 1976. С. 158–173.
7. История дипломатии. В 5-ти томах Под ред. Зорина В. А., Семенова В. С. и др. 2-е изд. Москва: Госполитиздат, 1959. Т. 1. С. 262–263.
8. *Лисовский В. Г.* Архитектура эпохи Возрождения: монография. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. 613 с.
9. *Пико делла Мирандола Джованни.* Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. Т. 1. Москва: Искусство, 1981. С. 242–265.
10. *Плуцер-Сарно А. Ю.* История Высоко-Петровского монастыря. Собор Петра Митрополита. Из семейного архива // Живой журнал. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://plucer.livejournal.com/9435.html>
11. *Подъяпольский С. С.* Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы: сборник статей. Москва: Индрик, 2006. 319 с.
12. Хранители памяти. Высоко-Петровский монастырь. Часть 1. Беседа с Леонидом Беляевым // ТВ. Союз. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://tv-soyuz.ru/peredachi/hraniteli-pamyati-13-09-2016>

*

Поступила в редакцию 08.07.2023

СЕМИОТИКА БОЛИ В БАЛЕТНОМ ИСКУССТВЕ

УДК 7.06, 7.08

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-101-109>

А. В. Трунцова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: truntsova_a@mail.ru

Л. Н. Воеводина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: lvoevodina5@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается семиотизация боли в балетном искусстве. Отмечается, что боль выступает не просто как означивание культурным кодом состояния человека, но она затрагивает сущность бытия. Следствие знака боли в примитивных семиотиках – ограничение своего телесного «Я», сужение круга движений. Однако знак боли в искусстве, прежде всего в балете, имеет позитивный смысл, способствует решению художественной задачи – созданию образа. Существует целый спектр отношений к боли – как к «испытанию», «наказанию», «открытию». Выбор личного отношения к боли у исполнителя, балетмейстера зависит от культурных традиций. Система воспитания в балете предполагает не столько нечувствительность к боли, сколько развитие способностей к её преодолению. Телесное ощущение боли в балете выходит за границы своего содержания, приобретает значение в пластической выразительности исполнителя. В сложных семиотиках физиологизм боли не имеет особого значения. Состояние исполнителя, включая «муки творчества», переживание неудачи носит семиотический характер и требует осмысления. Анализ семиотики боли в балете позволяет переориентировать художественное творчество с «объекта» на «личность». Эмоциональное отношение к боли в балете предшествует её осмыслению, изображению. В статье утверждается, что надличностный опыт жизни приобретает в балете осмысленное значение. Высокохудожественное произведение балетного искусства способно вбирать боль и освобождать от боли.

Ключевые слова: семиотика, боль, балет, смысл, знак, символ, культура.

Для цитирования: Трунцова А. В., Воеводина Л. Н. Семиотика боли в балетном искусстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 101–109. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-101-109>

ТРУНЦОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА – магистрант кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

ВОЕВОДИНА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

TRUNTSOVA ANASTASIA VLADIMIROVNA – undergraduate student of the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

VOEVODINA LARISA NIKOLAEVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Трунцова А. В., Воеводина Л. Н., 2023

THE SEMIOTICS OF PAIN IN BALLET ART

Anastasia V. Truntsova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: truntsova_a@mail.ru

Larisa N. Voevodina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: lvoevodina5@mail.ru

Abstract: The article discusses the semiotization of pain in ballet art. It is noted that pain acts not only as a signification of the cultural code of the human condition, but it affects the essence of being. The consequence of the sign of pain in primitive semiotics is the restriction of one's bodily self, the narrowing of the circle of movements. However, the sign of pain in art, especially in ballet, has a positive meaning, contributes to solving the artistic task of creating an image. There is a whole spectrum of attitudes to pain as a "test", "punishment", "discovery". The choice of a personal attitude to pain in a performer, a choreographer depends on cultural traditions. The system of education in the hospital assumes not so much insensitivity to pain as the development of abilities to overcome it. The bodily sensation of pain in ballet goes beyond the boundaries of its content, acquires significance in the plastic expressiveness of the performer. In complex semiotics, the physiology of pain does not matter much. The state of the performer, I include the "torments of creativity", the experience of failure is semiotic in nature and requires reflection. Analysis of the semiotics of pain in ballet makes it possible to reorient artistic creativity from an "object" to a "personality". The emotional attitude to pain in ballet precedes its comprehension, image. The article argues that the transpersonal experience of living with pain acquires a meaningful meaning in ballet. A highly artistic work of ballet art is able to absorb pain and release from pain.

Keywords: semiotics, pain, ballet, meaning, sign, symbol, culture.

For citation: Trunova A. V., Voevodina L. N. Semiotics of pain in ballet art. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 101–109. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-101-109>

По мере расширения сферы культурологии как современной научной дисциплины в нее органично включаются исследования чувственного, телесного опыта человека, сложных и зачастую плохо поддающихся вербализации переживаний и ощущений, в частности, связанных с таким феноменом, как переживание боли.

Боль как объект изучения рассматривалась в экзистенциализме и феноменологии, к ней проявляла живой интерес постмодернистская философия, болевой опыт как естественная физиологическая реакция тела на раздражитель или симптом заболеваний исследовался в рамках медицинской науки. Как правило, боль связывается с тяжелыми

человеческими страданиями, которые воспринимаются индивидом в рамках имеющегося культурного и социального опыта.

Семиотическая методология исследования боли позволяет вывести ее из культурно-бессознательного в сферу культурного сознания и самосознания современного человека. Душевная и телесная боль непосредственно или опосредовано изображается в произведениях художественной литературы и различных видах искусства, в том числе и балете.

В культуре исторически формируется концептосфера, в состав которой входит и концепт «боль» вместе «... с понятиями «болеть», «болезнь», «больной», «больница» и других дериватов, с одной стороны, воссоз-

дает в обыденном сознании носителей языка ассоциативную связь с языческими компонентами о боли как о привнесённом в организм зле. С другой стороны, ощущение боли, будучи патологическим, отражает ненормативную сторону бытия, а, следовательно, и требует необычного понимания. В русской наивной картине мира концепт «боль» в силу особенностей культуры приобретает знаковую именно за счёт понимания физической и душевной боли как взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодополняющих феноменов» [8, с. 266].

Существует целый спектр отношений к боли – как к «испытанию», «наказанию», «открытию». Выбор личностного отношения к боли у исполнителя, балетмейстера зависит от культурных традиций. Вспомним, что в архаических культурах существовал обряд инициации, представлявший своего рода телесное и духовное испытание юношества. Он был связан с увечьями, побоями, обрезанием, моральным унижением, доведением неофита до состояния временной потери памяти и рассудка в результате переживания невыносимой физической и психической боли. В архаическом коллективе считалось, что обряд посвящения в давние времена был введен самим первопродком племени или культурным героем. Для посвящаемых инициация означала временную смерть и последующее воскресение к новой взрослой жизни [4].

Семиотика балета сохранила генетические функциональные связи с древними сакральными семиотиками, в архаических культурах практиковались ритуальные танцы и магическое снятие боли под воздействием силы внушения, которая шла от жреца, шамана и т. п. В ритуальных похоронных танцах недостаточность психологической боли компенсировалась изображением переживаний преувеличенной физической боли. Участники рвали на себе волосы, царапали тело и т. п. В античности также боль героя в искусстве изображалась с помощью изменения его осанки и позы [1, с. 160].

Следствие знака боли в примитивных семиотиках – это ограничение телесного «Я», сужение круга движений. Однако знак боли в искусстве, прежде всего в балете, имеет позитивный смысл, способствует решению художественной задачи – созданию образа. Использование семиотического аппарата позволяет по-новому взглянуть на проблему знаков боли в хореографическом искусстве. Семиотика боли в балете носит многоуровневый характер. Нулевой знак – отсутствие боли. Знак первого уровня – фиксация (с разными оттенками) собственной боли балерины. Знак второго уровня – изображение боли, испытываемой персонажами. Знак третьего уровня – перекодированные знаки боли из других текстов, литературных, музыкальных и др. Знак четвертого уровня – мифологические знаки боли, принятые в культуре. Следует отметить, что на снятие и ослабление боли влияет переживание прекрасного. Особую роль играет освещение, цвет декораций и костюмов исполнителей, музыкальное сопровождение [3], [11]. А. Ш. Тхостов предлагает включить в семиотическую схему тела код тела – чувственную ткань и телесный конструкт – и миф о боли, содержащий представление о боли в определённой культуре [15, с. 105].

Выбор личностного отношения к боли у исполнителя, балетмейстера зависит от культурных традиций. Система воспитания в балете предполагает не столько нечувствительность к боли, сколько развитие способностей к её преодолению. Телесное ощущение боли в балете выходит за границы своего содержания, приобретает значение в пластической выразительности исполнителя. В сложных семиотиках физиологизм боли не имеет особого значения.

Семиотический модус боли в балете заключается в страдании, основой которого является переживание физической (телесной) и психологической (душевной) боли, вызванной самыми разными причинами. Душевная боль, переживаемая балериной, есть неудовлетворённость какой-либо значимой потребностью, подчиняющей себе на время всю её активность. Данному состоянию сопутствуют

негативные реакции, имеющие знаковый характер: разочарование, уныние, печаль, сожаление. Душевная боль танцовщицы может быть вызвана двумя основными причинами: недостаточностью совершенства исполнения роли или утратой достигнутого мастерства. Стремление к совершенствованию исполнительского мастерства способствует достижению профессиональной зрелости. Даже если балерина не сразу достигает его, все же есть шанс максимального приближения к нему при кропотливой работе над ролью. И в этот момент подключается семиотическая проекция в виде знака надежды.

В примитивных семиотиках боль – сигнал опасности. Телесная боль балерины возникает постфактум. Душевную боль танцовщица способна испытывать заранее. Она усиливается знаками-эмоциями: тревогой, опасением, волнением. Главная семиотическая характеристика боли – её непреложность. На неё невозможно не обратить внимания, внутренне отделиться от неё. В ходе эволюции физическая боль возникла раньше, а душевная боль является её модифицированным знаком [2, с. 142]. Тоска для балерины есть душевная боль в самом непосредственном виде. Она представляет собой погружение в переживание боли при отсутствии мысли о возможных переменах.

Разнообразие видов телесной боли отражает многообразие ситуаций в мире танца. Общая семиотическая модальность боли – неприятность, непереносимость. Частая семиотическая модальность боли: колющая, режущая, тянущая, рвущая, пульсирующая, приступообразная [2, с. 145].

Телесную боль в балете условно можно классифицировать таким образом:

1. Боль, испытываемая от разработки подвижности суставов, растяжки мышц и связок. Этот вид боли часто становится приятным. Этот процесс связан с тем, что каждодневное усовершенствование своих профессиональных данных наилучшим образом демонстрирует самому себе, что ты идёшь в правильном направлении.

2. Боль, связанная с укреплением, «закачкой» мышц. В отдельных случаях такая боль может быть психосоматична и объясняться психологическим перенапряжением или душевной болью.
3. Боль, переживаемая в результате травм. Такая боль не всегда терпима и сопровождается психологической болью, связанной с вынужденным замедлением темпа работы.

Выдающиеся деятели балетного искусства освещали тему переживания боли в балетном искусстве. В частности, М. М. Плисецкая в автобиографическом тексте посвятила ей целую главу [10, с. 129]. М. Э. Липа также отмечал необходимость для танцора работы над ролью, которая связана с физическими перегрузками и ежедневными усилиями: «Почти 35 лет, около 25000 часов экзерсиса, почти столько же часов привычной боли, без этого не мыслима наша профессия» [6, с. 6–7].

Зачастую танцовщик со временем до такой степени привыкает к боли, что она становится для него нулевым знаком; нередко это приводит к трагедиям. Например, танцовщик Большого театра В. А. Рябцев в 1945 году умер на сцене вследствие сердечного приступа во время исполнения мазурки из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». Платья танцовщиц Э. Ливри и М. К. Андерсон загорелись во время спектакля. Балерины некоторое время продолжали исполнять свою партию, прежде чем обнаружили себя горящими. Такое принятие собственной боли как нулевого знака и обострённое переживание душевной боли героя зачастую приводило к физическим и психическим заболеваниям артистов балета. Можно вспомнить жизненный путь таких артистов балета, как О. А. Спесивцева, В. Ф. Нижинский, В. И. Стуколкин.

Очевидно, что телесная боль балерины непосредственна, а душевная – опосредована. В гуманитарных науках продолжается спор по поводу того, является ли боль ощущением или эмоцией. По нашему мнению, боль для балерины это и ощущение, и переживаемая

эмоция. В профессии балерины все виды боли как знаки присутствуют постоянно, поэтому пониженная чувствительность к телесной боли является признаком профессионализма. Сложность и яркость переживания телесной боли – это еще один признак профессионализма балерины. Изображение на сцене боли для нее эстетически осмысленно. В каждом акте боли у балерины есть два модуля: отношение к самой по себе боли и отношение к причине боли. По сложившейся традиции многие известные педагоги-хореографы пишут о нагрузках, но не упоминают слово «боль» [11, с. 20]. Характерный пример тому воспоминания С. С. Холфиной, она присутствовала на выпускном экзамене по классическому танцу, который сдавала Н. И. Бессмертнова. Забыв о боли, она крутила 48 фуэте в быстром темпе, не сходя с места. Такое до неё могла сделать лишь Е. В. Гельцер [16, с. 231].

Необходимо учитывать гендерное различие переживания и выражение боли в искусстве балета. Балет, начиная с XV до конца XVIII века, был преимущественно мужским занятием. С XIX века балет считается женским занятием. Выражение эмоций – это преимущественно женский знак. У мальчиков, мужчин, занимающихся балетом, есть скрытое ощущение психологической боли, которая сильнее мышечной боли от физических нагрузок. При этом им необходимо постоянно доказывать свою маскулинную сущность [9, с. 138].

Ожидание боли от работы на пуантах – распространённое явление среди будущих и действующих балерин. При этом боль считается терпимой, поскольку семантически связана с красотой и грацией [9, с. 144]. Мозоли и воспалённые пальцы ног балерины являются нулевым знаком для большинства публики. Сравнение количества травм для балерин становится своего рода ритуальным поведением. В литературе по гендерной культуре утверждается, что женщины легче переносят боль, чем мужчины. С другой стороны, женская боль часто считается преувеличенной и не всегда воспринимается серьёзно. Ба-

лерины всё время работает на грани болевого порога, пытаясь воплотить идеалы красоты. Благодаря боли она достигает профессиональной формы. Как справедливо утверждает А. Пикард, ноги обычно не выворачиваются наружу, шея не удлиняется от природы, не всякое тело – стройное. Всё это достигается в балете через боль [9, с. 149].

Для балерины боль приобретает дополнительный семиотический модуль: это знак того, что в танце всё сделано правильно. Пикард выводит формулу: боль и страдания – артистическое чувство тела – героический статус. Два тела балерины, реальное и воображаемое, постоянно взаимодействуют. Пикард вводит понятия «хорошая» и «плохая» боль. Балерина может испытывать удовольствие от боли, которое не имеет ничего общего с мазохизмом. Боль и удовольствие – два противоположных знака, воплощающие отношение исполнителей и культурные формы балета.

Состояние исполнителя, включая «муки творчества», переживание неудачи имеет семиотическое оформление. Анализ семиотики боли в балете позволяет переориентировать художественное творчество с «объекта» на «личность». Невыносимость боли может приводить к уходу балерины из профессии. Глубокое переживание чужой боли способно свести балерину с ума (О. А. Спесивцева). Интерес представляют различные трактовки образа Жизели с позиции передачи психологической боли. Д. А. Черкасский отмечает, что Жизель в исполнении И. А. Колпаковой простодушна. Её мир не рухнет, доставляя тем самым «нестерпимую боль» [17, с. 177]. Жизель Т. П. Карсавиной переживает не одну какую-то боль, а разные оттенки боли. Г. С. Уланова в партии Жизели указывает на причину боли – столкновение с жестоким миром.

Учитывая, что не существует систематизации балетных спектаклей по принципу изображения боли героя, можно предложить следующую классификацию:

1. Балеты, посвящённые правителям («Иван Грозный», «Спартак»). В них

правитель выступает источником коллективной боли. Главные партии отданы мужчинам. Балеринам отводится роль персонажей, передающих психологическую боль.

2. Балеты, посвящённые войне («Война и мир», «Воинственный танец»). Мужчины исполняют героические партии. По сюжету они часто испытывают физическую боль. Балеринам достаются партии невест, жён, сестёр, матерей, ожидающих своих близких.
3. Балеты, в которых по сюжету изображается акт глубочайшей утраты («Ромео и Джульетта», «Баядерка»). Балеринам предоставляются главные партии, связанные с передачей психологической боли.
4. Балеты, где представлена тема жертвенной боли («Жанна д'Арк»).
5. Балеты, представляющие психологическую боль отверженного одинокого человека («Идиот»).
6. Балетные номера, воплощающие народную боль и демонстрирующие нечеловеческую жестокость («Колокола Хатыни»).
7. Балеты, посвящённые страданию влюблённых («Лебединое озеро», «Жизель»).

Знаки боли, представленные в балетных партиях, многообразны. К ним относятся, например:

- боль обманутых надежд («Дама с собачкой», «Сильфида», «Эсмеральда»);
- боль-тоска по Родине («Кавказский пленник»);
- боль, смешанная с раскаянием (миниатюра «Кающаяся Магдалина», «Зимняя сказка»);
- боль от расставания («Орфей и Эвридика»).

В семиотике балета прослеживается взаимосвязь между знаком любви и знаком боли. Романтическую любовь на расстоянии передаёт О. А. Калмыкова в партии фон Мекк («Чайковский», постановка Б. Я. Эфман). Лю-

бовь к Мастеру, перемешанную с горечью бытия, удачно демонстрирует И. В. Зырянова. Ассоль любит предназначенного ей юношу, переживая боль от насмешек окружающих.

Чувства, переживание душевной боли героинь выражается у балерины в особых культурных формах: позах, жестах, линиях, характере движений, их окрашенности. Как правило, душевное страдание передаётся через сброшенные кисти рук, «оплывшую», несколько отклонившуюся от канона позу, сжатие тела внутрь, что условно напоминает позу зародыша в утробе матери. Эти позы имеют двойственный семиотический статус, являясь частью переживания, и в качестве отчуждённой его части, становятся составляющей содержания балетного искусства. При этом балерина способна сопоставить значимость боли со значимостью ситуации. Принять боль помогают волевые качества и опережающее отображение ситуации на сцене. Балерина оказывается не столько погруженной в боль, сколько в определённом плане становится «выше» боли. Рассуждения о боли в балете по-своему банальны. Эта боль несравнима с другими видами боли, которые случаются во время катастроф. Но именно такая боль формирует балетное тело. В основе подготовки балерины лежит состояние «исчезающего» тела. Исполнительница бессознательно повторяет движения. Состояние «отсутствующего» тела невозможно, когда появляется физическая боль [9, с. 113].

Балет – это культурная активность, которую продвигают вперёд влиятельные социальные группы. Боль для них не имеет большого значения. Исполнители, балерины – это молодые люди, принадлежащие, чаще всего, к среднему классу. Они принимают боль как часть жестокого мира. Для балерин профессия становится способом вхождения в мужской мир.

Направленность сознания исполнителя и зрителя может проявляться в несовпадении смыслов и значений боли. Зритель может смотреть изображение боли на балетной сцене и утверждать: «Не верю!». При этом знак боли

превращается в нулевой знак, а процесс коммуникации останавливается. Неспособность исполнителя выразить чужую боль как свою собственную порождает ещё более сильное противоречие: «Я не верю себе».

Эстетическим смыслом боли может быть наделено действие балетного исполнителя, но не только оно. Этот смысл имеет мотивы, обстоятельства действия, его цели. Значение боли включается в систему мотивации исполнителя, а затем зрителей, поэтому наполняется различными смыслами. До возникновения балета, в других видах искусства, известно моление о боли как об искуплении греха и средстве достижения вечного блаженства. Исполнители, занятые в спектакле на ветхозаветную тему, должны учитывать, что для библейского мышления, всё тело есть боль. Она воспринимается как бы изнутри.

В массовой культуре в условиях новой религиозности боль даёт возможность избежать нежелательной деятельности. Человек, испытывающий боль, рассчитывает на сочувствие и на продолжение, развитие коммуникативных связей. Сведения о боли становятся публичными. И. М. Лиёпа полагает, что современный человек чувствует свою беспомощность и зависимость от боли [5, с. 33].

В современном балете, отображающем жизнь человека в начале XXI века, идёт интуитивный поиск выражения нового отношения к боли. В балетном репертуаре на выбор изображения боли всё большее влияние оказывает эстетический критерий. Отбираются сюжеты, где боль окружается драматическим или романтическим ореолом, и почти никогда – неэстетические виды боли, нарушающие коммуникативные связи и эмпатию к страдающему лицу. Поскольку боль изображается эстетически, то конкретные признаки не подтверждают её. Смертельно раненый герой не сразу умирает на сцене, что противоречит реальности. М. М. Михайлов справедливо подчёркивает, что в балете «Красный мак» главная героиня принимает выстрел, предназначенный капитану; от нестерпимой боли, можно потерять сознание, но тут в банкетный

зал врываются китайские партизаны, окружают умирающую Тао Хоа; как символ борьбы она передаёт им цветок красного мака. Такой финал спектакля кажется надуманным [7, с. 79].

В театрально-танцевальных постановках средневековых мистерий боль демонизировалась. В балетах XIX века боль романтизировалась, изображалась в виде обмороков и нервических приступов. В современных балетах отдаётся предпочтение сердечной боли, «до разрыва аорты». Позитивный смысл приобретает боль при ранении, так как при этом она героизирует персонажа. Преодоление боли, её изображение в балете ставит экзистенциальный вопрос: «Для чего?». Вопрос кратковременности и бессмысленности жизни в этой ситуации снимается средствами пластической выразительности.

Свобода выражения боли в европейской культуре связана с её эстетической формой. Боль активно демонстрируется. В восточной культуре внешнее проявление боли неприемлемо. Итальянские и французские исполнители в силу своего культурного кода аффективно переживают даже небольшие болевые ощущения. Немецкие исполнители, воспитанные в протестантской традиции, сосредоточены на осмыслении последствий изображения боли. Исполнители, исповедующие классический католицизм, например, польского или испанского происхождения, сосредоточены на переживании боли как таковой. Их персонажи на балетной сцене ведут себя аналогичным образом. Воспитанные в культуре стоицизма, английские и ирландские исполнители признают боль, когда она становится непереносимой. В русской культурной традиции с её фатализмом переживание боли носит сходный характер. Русский фатализм исключает случайность знака боли. Тоска – как черта национального менталитета – предвещает переживание боли. Небытие воспринимается в качестве освобождения от боли. Выдающиеся мыслители до и после Ф. М. Достоевского признавали, что русский мир переполнен болью.

Современный балет испытывает влияние постмодернистской чувствительности. А. А. Арто провозгласил «театр жестокости». Драматический путь Арто был связан с постоянной болью и роковым одиночеством. Жестокость и её проекция *боль* должны были, по мнению Арто, изменить исходную точку художественного творчества. В аналитическом театре такое невозможно. Сам Арто испытал влияние примитивной семиотики, увлекался магическими танцами друидов, жил среди индейцев Мексики. Прямо о балете Арто не писал, но его идеи концептуальны для балета модерна и постмодерна. Ж. Деррида в статье «Театр жестокости и завершение представления» поддержал Арто [12, с. 821].

Боль – это не просто означивание культурным кодом состояния человека, она затрагивает сущность его бытия. Суммируя,

можно утверждать, что боль, присущая балетному телу, социально и культурно обусловлена. Знаки-эмоции, сопровождающие боль, являются частью семиотической системы. Знаки-эмоции исполнителей и персонажей, взаимодействуя, образуют разные семиотические системы. Формирование балетного тела начинается с преодоления физической боли, а завершается овладением психологической болью. Анализ семиотики боли в балете позволяет переориентировать художественное творчество с «объекта» на «личность». Эмоциональное отношение к боли в балете предшествует её осмыслению и изображению. Можно утверждать, что надличностный опыт жизни приобретает в балете осмысленное значение. Высокохудожественное произведение балетного искусства способно вбирать боль и освобождать человека от нее.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. На перекрёстке литературных традиций // Вопросы литературы. 1973. № 2. С. 160–162.
2. Бондарева С. К., Колесов Д. В. Переживание (психология, социология, семантика). Москва: МПСИ, Воронеж: МОДЭК, 2007. 160 с.
3. Браэм Г. Психология цвета / пер. с нем. Москва: АСТ, Астрель, 2011. 158 с.
4. Воеводина Л. Н. Мифология и культура: учебное пособие. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 384 с.
5. Лиена И. М. Метод Лиена: Философия тела. Москва: Альпина нон-фикшн, 2013. 171 с.
6. Лиена М. Э. Вчера и сегодня балета. Москва: Молодая гвардия, 1986. 190 с.
7. Михайлов М. М. Молодые годы ленинградского балета. Ленинград: Искусство. 1978. 151с.
8. Песоцкая И. В. Концептосфера слова «боль» в русском языке // Материалы XI Конгресса международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 2007. Т. 4. С. 265–269.
9. Пикард А. Балет. Нарративы балетного тела. Боль, удовольствие, совершенство и воплощение идеала / пер. с англ. А. А. Галкин / Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 212 с.
10. Плисецкая М. М. Я, Майя Плисецкая. Москва: Новости, 1994. 496 с
11. Плисецкий А. М. Уроки классического танца. Москва: Искусство, 1967. 552 с.
12. Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и отв. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко / Минск: Интерпрессервис; Кн. Дом, 2001. 1040 с.
13. Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культура, физиология. Санкт-Петербург: Речь, 2004. 672 с.
14. Тищенко П. Д. Психика и соматические процессы. Москва: Общественные науки и здравоохранение, 1987. С. 184–194.
15. Тхостов А. Ш. Психология телесности. Москва: Смысл, 2002. 287 с.
16. Холфина С. С. Вспоминая мастеров московского балета... Москва: Искусство, 1990. 377 с.

17. *Черкасский Д. А.* Записки балетомана. 60 лет в партере Кировского театра. Москва: Арт, 1994. 254 с.
18. *Шibaева М. М.* Человек культуры как ценностно-смысловая и творческая явление имени // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 30–38.

*

Поступила в редакцию 22.08.2023

«ДУХ МЕСТА» СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

УДК 141.32

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-110-120>

Л. М. Гаврилина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: gavrilina_larisa@mail.ru

Аннотация: Проблема сохранения уникальности пространства современных городов как места обитания человека рассматривается через приобретший новую актуальность в литературе по урбанистике концепт «Духа Места» (Genius loci). Автор опирается на принятую в 2008 году Квебекскую «Декларацию о принципах и рекомендациях по сохранению Духа Места путем охраны материального и нематериального наследия». Основные тенденции развития городского архитектурного пространства в условиях глобализации способствовали нивелировке культурной отличительности и утрате Духа Места многими современными городами. Актуализация интереса к локальному, местному, традиционному в 70-е годы XX века стимулировала развития контекстуализма в архитектурном творчестве. Стремление сделать город неповторимым и узнаваемым подталкивало либо обращение к историческому наследию, либо к созданию неких уникальных объектов, могущих стать брендом города. На этом пути опасность представляют две крайности: 1) последовательный курс на сохранение прошлого может превратить город в музейную витрину с охраняемыми экспонатами; 2) курс на создание узнаваемости города, туристическую привлекательность посредством сооружения неких брендовых объектов (эффект Бильбао) зачастую приводит к созданию подобия тематического парка или аттракциона. И то и другое губительно для города и его Духа Места. Выход видится в соединении усилий городских властей, архитекторов-проектировщиков и исследователей-гуманитариев (культурологов, антропологов, историков, искусствоведов), которые могли бы выстроить систему ценностно-смысловых культурных доминант, способных подчеркнуть региональные особенности, чтобы сохранить у горожан ощущение принадлежности и связи с Местом обитания и его Духом. Антропологический поворот в архитектуре и возросшее внимание к городской среде, феноменологии и эстетике пространства в социально-гуманитарном знании демонстрируют наметившееся движение к такого рода взаимодействию.

Ключевые слова: город, городская среда, Дух Места, аутентичность городского пространства, архитектура, архитектурный ландшафт, феноменология пространства, антропологический поворот в архитектуре, символическая экономика.

Для цитирования: Гаврилина Л. М. «Дух Места» современного города как экзистенциальная потребность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 110–120. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-110-120>

ГАВРИЛИНА ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

GAVRILINA LARISA MIKHAILOVNA – CSc in History, Associate Professor, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Гаврилина Л. М., 2023

“GENIUS LOCI” OF A MODERN CITY AS AN EXISTENTIAL NEED

Larisa M. Gavrilina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: gavrilina_larisa@mail.ru

Abstract: The problem of preserving the uniqueness of the space of modern cities as a human habitat is considered through the concept of “Spirit of Place” (Genius loci), which has acquired new relevance in the literature on urbanism. The author relies on the Quebec Declaration of Principles and Guidelines for the Preservation of the Spirit of Place through the Protection of Tangible and Intangible Heritage, adopted in 2008. The main trends in the development of urban architectural space in the context of globalization have contributed to the leveling of cultural distinctiveness and the loss of the Spirit of Place in many modern cities. The actualization of interest in the local, traditional in the 70s of the twentieth century stimulated the development of contextualism in architectural creativity; the desire to make the city unique and recognizable pushed either an appeal to the historical heritage or to the creation of some unique objects that could become a brand of the city. On this path, two extremes pose danger. A consistent course towards preserving the past can turn the city into a museum showcase with protected exhibits. The course towards creating city recognition and tourist attractiveness through the construction of certain branded objects (the Bilbao effect) often leads to the creation of something like a theme park or attraction. Both are destructive for the city and its Spirit of Place. The way out is seen in combining the efforts of city authorities, architects-designers and humanities researchers (culturologists, anthropologists, historians, art critics), who could build a system of value-semantic cultural dominants that can emphasize regional characteristics in order to preserve the feeling of belonging and connection with the Habitat and its Spirit. The anthropological turn in architecture and the increased attention to the urban environment, phenomenology and aesthetics of space in social and humanitarian knowledge demonstrate an emerging movement towards this kind of interaction.

Keywords: city, urban environment, Spirit of Place, authenticity of urban space, architecture, architectural landscape, phenomenology of space, anthropological turn in architecture, symbolic economy.

For citation: Gavrilina L. M. «Genius loci» of a modern city as an existential need. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 110–120. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-110-120>

Город во все времена представлял собой наиболее структурированный элемент культурного пространства, в котором отражалась его индивидуальность, воплощался «Дух Места» (Genius loci), утверждалась его идентичность (Place identity). Феномен города складывается как некая целостность, включающая природно-ландшафтные особенности места, архитектурно-пространственные решения, культурно-историческую событийную оболочку, местную мифологию, запечатленную в знаковой форме. Известный норвежский архитектор, историк и теоретик архитектуры К. Норберг-Шульц, представлявший ее феноменологическое направление, использовал понятие «экзистенциального пространства»,

для существования в котором, по его мнению, «каждое человеческое существо должно обладать схемой ориентации, так же как идентификации. Идентификация и ориентация – это исходные аспекты человеческого бытия в мире.<...> В то время как идентификация является основой чувства принадлежности человека, ориентация – это функция, которая позволяет ему быть тем homo viator¹, что является частью его природы» [Цит. по: 8, с. 101].

Любое обитаемое пространство, являясь частью ойкумены, приобретает свою особенность, репрезентируя специфику места,

¹ Homo Viator – термин французского философа Габриэля Марсея (лат. «человек-путник», «человек путешествующий»)

образа жизни населяющих его людей, их хозяйственного уклада, представлений о мире, Боге, прошлом и будущем и т. д. Обживая, осваивая место, человек запечатлевает и проявляет себя в пространственно-планировочных решениях, в архитектурном облике зданий, памятниках, названиях. Если с климатическими условиями приходится просто смириться, приспособиться к ним, поскольку повлиять на них человечеству пока не под силу, то с ландшафтом уже можно работать, так или иначе используя его, обустривая и преобразуя. Важнейшим элементом создания неповторимой индивидуальности города, безусловно, является архитектура во всем многообразии ее форм.

Архитектура, по известной формуле Витрувия, представляет собой неразрывное единство пользы, прочности и красоты. Специфической особенностью архитектуры как искусства является ее тесная связь с утилитарной составляющей бытия. Можно сказать, что две из трех ее опор базируются на практическом утилитарном фундаменте (функциональность, технологии, политические, коммерческие интересы и факторы), а одна обращена к социокультурным, ценностно-смысловым элементам бытия. Архитектуру часто сравнивают с застывшей музыкой, имея в виду ее образный строй, структуру, пропорции, ритм и т. д. Однако не менее правомерно и ее определение как «каменной летописи»: архитектура полно и точно отражает структуру социума, его хозяйственный уклад, финансово-экономический уровень, политическую организацию, религиозные идеи и т. д.

Архитектурно-пространственная среда любого обитаемого локуса представляет собой сложную коммуникативную систему, которая транслирует значимые смыслы обществу, мощно воздействует на массовое сознание. Действенность данной функции архитектуры трудно переоценить. От того, в какой среде мы существуем, зависит не только наш бытовой комфорт, но эмоциональное состояние, переживание прошлого, настоящего и будущего – в целом наша картина мира.

На ранних ступенях человеческой истории, когда народы жили достаточно изолированно друг от друга и гораздо более зависели от влияния окружающей среды – климата, ландшафта, местных материалов, – каждый город представлял собой уникальное образование, создавал свой единственный неповторимый текст. Текст менялся со временем, дополнялся, обретал новую лексику, однако продолжал отличаться «лица необщим выраженьем», был узнаваем и «своими», и «чужими». Позже, по мере увеличения численности и плотности населения, а также интенсификации межкультурных контактов, застройка становилась более плотной, формировались значительные архитектурные стили, распространение которых на обширной территории обеспечивало сходство архитектурно-пространственной среды (готический или романский стили в Европе и т. д.).

XX век существенно изменил ситуацию. Индустриализация, массовизация, урбанизация уже в XIX веке вызвали тектонические сдвиги в облике городов, а в XX архитектурная идеология и практика модернизма стимулировали тенденцию к унификации и обезличиванию целых городов или отдельных районов города. Под влиянием идеологии функционализма и интернационального стиля, одержавшего победу почти на полстолетия, города становились все более похожими друг на друга. Вдруг воплотилась мечта: быть везде, как дома. В каком бы городе ни оказался человек, – по крайней мере, в его новых районах, – он попадал в хорошо знакомую среду. Название «Черемушки» стало именем нарицательным: так именовали новые районы типовой застройки в разных городах Советского союза. На этом основан сюжет знакового российского фильма Э. Рязанова «Ирония судьбы или с легким паром».

Желание вернуть разнообразие, узнаваемость места в последние десятилетия XX века вылилось в другую крайность, ставшую, как ни странно, новой формой обезличивания. Постмодернистская практика привела к появлению в архитектурно-пространственной

Рис. 1. Национальная художественная галерея. Йошкар-Ола, 2007.

Рис. 2. Благовещенская башня. Йошкар-Ола, 2007 г.

среде многочисленных цитирований, заимствований из разных исторических эпох и культур, в результате чего города иногда стали напоминать тематические парки. Игра с историческим наследием, пестрый ассоциативный ряд, показательный умозрительный символизм становятся отличительными особенностями городского пространства. Иногда выбор «тем» и комбинация элементов могли оказаться самым неожиданным. Нам пришлось об этом писать, обращаясь к мировому опыту [3], но есть подобные примеры и в российской глубинке.

Ярким образцом ситуации такого рода может быть современная застройка центра Йошкар-Олы, отсылающая к ренессансным городам Европы. Национальная художественная галерея построена в виде венецианского палаццо, напоминающего Дворец Дожей с часовой башней (Рис. 1.); недалеко стоит копия Спасской башни Московского Кремля (Рис. 2); наряду с памятниками Алексею II и Петру и Февронье появились памятники Рембрандту, правителю Флоренции Лоренцо

Великолепному (Рис. 3), Грейс Келли и принцу Монако Ренье III. Бывший губернатор области Л. Маркелов, по инициативе которого был возведен этот тематический парк, руководствовался вроде бы благой идеей: «Марийский край преобразить в цветущий сад» [11, с. 130.], он мечтал создать в Марий Эл нечто похожее на эпоху Возрождения, чтобы там, по его словам, «происходило свое возрождение искусств, традиций меценатства», но нужно признать, что способ достижения цели вызывает большие сомнения. По воле губернатора в городе выросла архитектурная застройка, абсолютно инородная, которая не только радикально контрастирует со старой жилой застройкой советского времени (это, возможно, и неплохо!), но она не имеет ни малейшего отношения к месту, времени, культуре и истории народа, проживающего там. Ситуация с застройкой Йошкар-Олы – при всей ее кажущейся эксклюзивности – не является уникальной, напротив, она отражает определенные тенденции в мировой практике. Коммерческие интересы, погоня

Рис. 3. Памятник Лоренцо Медичи Великолепному, правителю Флоренции. Йошкар-Ола. А. Ковальчук. 2012 г.

за узнаваемостью, туристической привлекательностью места (иногда – любой ценой) уничтожают «Дух Места», делавший локус неповторимым и единственным. Странное дело: две совершенно разнонаправленные тенденции – модернизм с его умозрительной функциональностью, однообразием и серьезностью и постмодернизм с его иронической игрой и бесконечной пестротой – привели к одному результату: уничтожили Дух места, проявившийся в возможно неброской, неприметной, но уникальной и неповторимой архитектурно-пространственной городской среде. В случае с Йошкар-Олой, правда, часто утверждают, что сохранять было нечего и, напротив, она стала неповторимой и единственной в результате этих преобразований. Однако – в каком виде, и какой ценой? Ниже мы вернемся к обсуждению этой ситуации.

С 70-х годов XX века на фоне победного шествия глобализации проявились тенденции «глокализации», в архитектуре стали проявляться тенденции стилевого «контекстуализма», в основе которого развивались идеи визуального соотнесения проектируемого здания с окружающей застройкой, включения его в контекст городского культурного ландшафта. Специалисты по теории и истории архитектуры трактуют контекстуализм предельно широко, как стремление к гармоничному соотнесению со средой как таковой. Изначально – приспособление к природной среде, позже – к исторически сложившемуся архитектурно-пространственному окружению [4]. Однако в 70-е годы XX века для актуализации данного направления появились и новые вызовы. Контекстуализм конца XX века с его желанием сосредоточиться на локальном, местном, укорененном в истории, стал одним из вариантов реакции на обезличенность и абстрактную универсальность архитектуры модернизма, что было присуще архитектуре постмодернизма, набравшей силы в то время. Поэтому специалисты рассматривают контекстуализм как одно из стилистических течений постмодернизма [4]. Представляется, однако, что специфической

практики контекстуализма, отличающей ее от постмодернистской, является отсутствие ярко выраженного игрового начала и иронии.

В рамках контекстуализма как архитектурной практики обычно выделяют три направления: архитектурный *вернакуляр*, *регионализм* и *критический регионализм*. *Вернакулярная архитектура* (от английского vernacular – местный, народный, разговорный) – это непрофессиональная стихийная «народная» застройка, так называемая «архитектура без архитектора». *Регионализм* – результат профессиональной работы архитекторов, которые пытаются комбинировать местные традиции, строительные приемы и материалы с современными. *Критический регионализм* демонстрирует большую открытость современным технологиям в попытках совместить с ними некоторые региональные подходы и элементы. Контекстуализм понимается специалистами очень широко, поскольку встраиваться в среду; приобщаться к традиции можно многими способами: через соответствующие планировочные решения, композицию сооружений, орнамент и декорацию, образно-символические приемы, местные материалы [4, с. 12].

Идеи контекстуализма хорошо вписались в общую тенденцию антиглобализма, регионализма, экологизма, тяготеющих к локальному, к усилению внимания к сохранению культурного наследия и культурной идентичности. Это заметно на разных уровнях. Так, в 2008 году в Канадском городе Квебеке была принята так называемая Квебекская «Декларация о принципах и рекомендациях по сохранению Духа Места путем охраны материального и нематериального наследия» [7]. В Декларации было уточнено само понятие Духа Места, признан его процессуальный и вариативный характер. Обоснована его укорененность как в материальных элементах, таких как «достопримечательные места, здания, ландшафты, маршруты, объекты», так и в нематериальных, к которым относятся «воспоминания, рассказы, письменные документы, фестивали, торжественные мероприятия, обряды, тради-

ционные знания, ценности, текстуры, цвета, запахи и т. д.» [7]. Названы и угрозы существованию Духа Места, среди которых изменения климата, массовый туризм, вооруженные конфликты, городское развитие. Таким образом, трудноуловимый, не поддающийся строгим определениям феномен Духа Места начинает обретать некие внешние очертания не только у исследователей и поэтов, но и в некоторых документах международных организаций. В России 2022 год, как известно, был объявлен годом культурного наследия народов России, в рамках которого проводилось огромное множество самых разных мероприятий, в том числе научных форумов, в рамках которых обсуждались проблемы культурного наследия, механизмы культурной памяти в материальном и нематериальном наследии.

Значимость сохранения атмосферы места посредством сохранения уникальной знаковой архитектурно-пространственной среды признается всеми, необходимо выработать путь к решению этой задачи. Устойчивое развитие региона не сводится к чисто экономическим показателям, оно обеспечивается, в том числе, эмоциональной и эстетической привязанностью жителей к месту их обитания, что возможно лишь при учете традиций, историко-культурных особенностей региона. В целом в социально-гуманитарных исследованиях наблюдается тенденция к пониманию более значимой роли и возможностей воздействия культуры на политику и экономику. Внимание к феномену города и к концепту «Духа Места» мы видим у специалистов разных сфер социально-гуманитарного знания – у культурологов, историков, антропологов, социологов, архитекторов, реставраторов, наконец, политиков [2; 13].

В данном контексте заслуживают внимания исследования американского социолога Ш. Зукин, которая давно и успешно занимается изучением города. В ряде своих книг она убедительно показала, что культура представляет собой мощное средство управления городами, она активно развивает символическую экономику как индустрию,

производящую символы и формирующую соответствующие пространства. С 70-х годов XX века масштабы символической экономики существенно возросли, она стала катализатором изменений городского пространства и инфраструктуры города. «Способность культуры создавать образ города, влиять на его восприятие сделалась особенно важной с тех пор, как население стало более мобильным и разнородным, а традиционные институции – и социальные классы, и политические партии – менее значимыми для выражения идентичности. Кто создает образы, тот и формирует коллективную идентичность. Будь то медиакорпорации типа компании «Дисней», художественные музеи или политики – все они создают новые пространства для общественных культур» [5, с. 11].

В книге «Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств» [6] Ш. Зукин обращается к проблеме аутентичности городского пространства, исследуя ситуацию в разных районах Нью-Йорка на фоне процессов джентрификации и редевелопмента. Она обращает внимание на возросший интерес к подлинности, локальности у образованных горожан и соответственно возрастающую стоимость таких пространств.

В обсуждении проблемы аутентичности городского пространства мешает методологическая неопределенность, связанная с конкуренцией объективистского и конструктивистского подходов, так же, впрочем, как и в случае с рассмотрением идентичности. Должна ли идти речь об «имеющейся» аутентичности, которую нужно «обнаруживать» и сохранять, или это «желаемая» аутентичность, которую можно конструировать? В первом случае – это работа для исследователя, во втором – это выбор власти (политической, религиозной, экономической, финансовой и т. д.). И в том, и в другом таятся свои угрозы: в первом случае город может превратиться в музей, непригодный для жизни, во втором – в нечто весьма далекое от личной реальности, в подобие аттракциона, в котором тоже жить неудобно.

Здесь снова уместно обратиться к феномену Йошкар-Олы. Проведенные социологические исследования, анализ которых представлен в публикации А. Лобановой с примечательным заголовком: «"Да, не в тему, но красиво же, красиво!": восприятие городского пространства жителями Йошкар-Олы» [11], показал, насколько не совпадает властный дискурс с суждениями граждан. Есть мнения, категорически негативные, но есть и позитивные². Автор констатирует, что «жители зачастую воспринимают пространство нового города как сказочное, шуточное или нереальное. Символический центр города, который должен воплощать силу и мощь города, превращается в парк развлечений в натуральную величину. Подобное восприятие пространства порождает затруднения в использовании места в другом контексте. Объекты, расположенные в данном месте, подпадают под общую сказочную атмосферу, превращаясь в часть аттракциона» [11, с. 131]. Но при этом автор отмечает, что многим жителям нравится эта нереальная «сказочность», и к тому же «образ города стал ликвидным товаром: возросла стоимость недвижимости в центре города, появились новые торговые площадки, даже новые формы публичных пространств... Символический центр города стал более безопасным и благоустроенным» [11, с. 133]. Логика символической экономики вполне работает и в российской провинции! Марийская Венеция стала привлекать туристов, многие из которых, вероятно, чувствуют себя, как будто они побывали где-то за границей³. Возникает некоторая параллель с возросшим в последние годы туристическим потоком в Калининградскую область. Многие

² К сожалению, анализируя суждения и оценки, автор не приводит цифр.

³ Из рекламы местного турагентства: «Неповторимая Йошкар-Ола: обзорная экскурсия по городу»: «Пройдетесь по культовым местам города: от памятника Йошкиному Коту до элементов Баварского средневекового замка Нойшванштайн, увидите, как в Йошкар-Оле Спасская башня мирно соседствует с динамическими часами, и это только начало!» <http://travel-ola.ru/#!/tproduct/619429917-1689773087685>

туристы делятся впечатлениями: «Как будто за границей побывал!».

Таким же «магнитом» для туристов должен стать и самый большой в России мультимедийный фонтан в старинном дагестанском городе Дербенте, который был открыт в июне 2022 года. В многочисленных туристических проспектах он получил название «жемчужины Дербента», сравнивается со знаменитым светомузыкальным фонтаном в Дубае. Светомузыкальное шоу уже стало центром притяжения для туристов, безоговорочной городской доминантой, отгеснив древние постройки.

Применительно к городам с историей проблема сохранения Духа Места стоит особенно остро. В нашем понимании Дух Места – некая невербализуемая характеристика места, его внешних параметров и внутренних ценностно-смысловых доминант. Эта реальность скорее ощущаемая и переживаемая, но не поддающаяся строгому словесному определению. Как отмечено в Квебекской декларации, это процессуальный и вариативный феномен, он, вероятно, может трансформироваться во времени, сохраняя аутентичность своей сердцевины. Город не может жить и развиваться, не меняясь при этом, его нельзя превратить в музей, сделав его экспонатом. Дух Места не может быть обращен только в прошлое, он должен взаимодействовать с Его Величеством Духом Времени (если есть таковой!), однако какие-то базовые, узнаваемые, значимые элементы и принципы должны сохраняться. Так в Москве «прижились» сталинские высотки, вызвавшие сначала большую критику за их гигантоманию, несоразмерность остальной застройке города. Однако со временем они стали восприниматься как важные вертикальные доминанты стремительно разраставшегося мегаполиса, их пирамидально-заостренные силуэты напоминали вертикальные силуэты башен и колоколен в средневековой Москве. В XVI веке сходным образом выглядел в панораме Москвы Собор Василия Блаженно-

го, который был в то время самой высокой постройкой города. Наличие вертикальных доминант пирамидально-заостренного силуэта – важный градостроительный прием в сложной и хаотичной застройке старой Москвы, своего рода ее культурный код. Высотки вписались в контекст, потому что соответствовали культурному коду. А вот башни Нового Арбата (бывший Калининский проспект) так и не прижились, оставшись «вставной челюстью матушки Москвы». Народная молва приписывает это хлесткое название писателю Юрию Нагибину.

Специалисты разных областей социальных и гуманитарных наук озабочены поисками решений, которые бы позволили развивать город, поддерживая присущее ему своеобразие и сохраняя Дух Места. Архитекторы разрабатывают приемы проектирования, которые бы позволили выстроить некоторый алгоритм формообразования для соотношения новых объектов с окружающей застройкой. В частности, обращает на себя внимание «импловивная методика» проектирования, разработанная московскими и уфимскими архитекторами, в рамках которой формируются модели работы с городским пространством, направленные на активацию культурно-исторического потенциала городской среды [9, с. 16–19]. Методология, по мнению ее создателей, «расширяет возможности контекстуального проектирования за счет внедрения оригинальных импловивных техник, которые разработаны проф. кафедры «Архитектура» УГНТУ Ю. В. Расулевой и базируются на методе композиционного анализа В. И. Локтева – основателя межкафедральной лаборатории композиционных проблем МАРХИ и автора теории полифонизма в архитектуре» [9, с. 10].

Об актуальности для современных архитекторов данной проблематики свидетельствует и прошедший в Казани в декабре 2023 года Международный архитектурно-строительный форум «Казаныш» со знакомым названием «Отражение идентичности»⁴. Целью форума объявлено привлечение вни-

мания к роли архитектора в формировании облика города, сохранения его идентичности при создании современных функциональных пространства для жизни и работы горожан.

Формируются новые подходы к рассмотрению самой архитектурной теории. Видный российский искусствовед и теоретик архитектуры А. Г. Раппапорт неоднократно писал о необходимости новой теории архитектуры, которая должна активно взаимодействовать с культурологическими и антропологическими дисциплинами, обеспечить связь теории архитектуры не только с наукой и техникой, но и с философией, искусством и культурными сферами [12].

Важно отметить встречное движение, развивающееся в социально-гуманитарном знании. Понимание того, что городское пространство – как коммуникативная среда – формируется не только «сверху», путём целенаправленного планирования, но и «снизу», в ходе повседневных практик, в процессе спонтанного производства городских локусов, подводит к осознанию необходимости использования всего разнообразия подходов к изучению города – антропологического, феноменологического, культурологического, семиотического. Необходимо также вовлечение в процесс самих горожан, чьим потребностям и интересам должна соответствовать городская среда.

Российский философ С. Аванесов, опираясь на визуально-семиотический подход к исследованию коммуникативных аспектов функционирования города как сверхсложной системы и рассматривая его при этом «как антропологический («человекомерный») феномен», предложил проект комплексной программы анализа городского пространства для обеспечения его гармоничного развития [1]. Целью, по мнению исследователя, должен стать «человеческий город», над созданием которого будет работать «антропологически ориентированная урбанонология» [1, с. 16]. Повышение интереса к этой исследовательской парадигме позволяет специалистам говорить об «антропологическом повороте» в совре-

⁴ См.: <https://forum-kazanysn.ru/>

менной урбанистике [2; 13]. С этим поворотом хорошо коррелируют активизировавшиеся в гуманитаристике феноменологические исследования городского пространства как места обитания людей [10; 15]. «Обитание» предполагает восприятие, переживание, прямое чувственное – мультисенсорное – соприкосновение с окружающей реальностью.

Объединенные усилия специалистов разных областей – архитекторов-практиков, культурологов, историков, социологов, антропологов, психологов и т. д. – может способствовать превращению Духа Места из объекта литературного творчества, разнообразных поэтических интерпретаций в предмет научного и философского анализа. Более строгая и последовательная концептуализация этого неуловимого феномена позволит использовать его в качестве ориентира в архитектурном проектировании, коррелировать с ним развитие городов.

Представляется, что к разработке архитектурно-планировочных решений городских общественных пространств или ревелопмента отдельных территорий наряду

с архитекторами и инженерами необходимо привлекать специалистов-гуманитариев: этнографы, культурологи, антропологи, искусствоведы могли бы выстроить систему ценностно-смысловых культурных доминант, способных подчеркнуть региональные особенности и сохранить возможность жителям почувствовать принадлежность к Месту обитания и связь с его Духом.

Завершим словами Кристиана Норберг-Шульца: «Для современного человека характерно, что долгое время <...> он хотел быть «свободным» и завоёвывать мир. Сегодня мы начинаем понимать, что истинная свобода предполагает принадлежность, что «обитание» означает принадлежность конкретному месту. <...> Человек есть интегральная часть среды, и если он забудет об этом, то придёт к отчуждению людей и разрушению среды» [Цит. по: 8, с. 101]. Для того чтобы этого не произошло, современному человеку и месту его обитания – современному городу – нужен *Genius loci*, Дух Места. Это вписывается в горизонт экзистенциальных потребностей человека [16].

Список литературы

1. Аванесов С. С. Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики: научное периодическое издание. (ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics). 2016. Вып. 4 (10). С. 9–22. [Электронный ресурс] URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2016&issue=4&article_id=6207
2. Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность: сборник научных трудов / Под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.
3. Гаврилина Л. М. Городские тексты в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2023, № 3. С. 59–69.
4. Зайцев А. А. Контекстуализм как стилистическое течение в архитектуре конца XX– начала XXI вв. Автореф. дисс... канд. наук по специальности 05.23.20: Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. Нижний Новгород, 2013. 23 с.
5. Зукин Ш. Культуры городов: Монография / Пер. с англ. Д. Симановского. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.
6. Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств: Монография / Пер. с англ. А. Лазарева, Н. Эдельмана; под науч. ред В. Данилова. Москва: Институт Гайдара, 2019. 360 с.
7. Квебекская декларация по сохранению духа места // Международные акты ИКОМОС (Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест). [Электронный ресурс]. URL:

<https://icomos-spb.ru/component/content/article/15-mezhdunarodnye-akty/ikomos/43-mezhdunarodnye-akty>

8. *Кияненко К.* О феномене, структуре и духе места у К. Норберг-Шульца // *Архитектурный вестник: Научный и информационно-аналитический журнал.* 2008. № 3. С. 98–101.
9. *Кудашева Д. Р.* Формирование архитектурного замысла в контекстуальном проектировании (на основе методологии "Уфимская имплозия"). Автореф. дисс... канд. наук по специальности 05.23.20: Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. Нижний Новгород, 2019. 27 с.
10. *Лишаев С. А.* К пространственной эстетике Санкт-Петербурга (метафизика простора и порядка) // *Вестник Самарской гуманитарной академии: Научный журнал,* 2008, № 2(4). С. 33–44.
11. *Лобанова А. С.* «Да, не в тему, но красиво же, красиво!»: восприятие городского пространства жителями Йошкар-Олы // *Журнал социологии и социальной антропологии (ЖССА): российский академический журнал.* 2014. Т. 17. № 4 (45). С. 124–135. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/da-ne-v-temu-no-krasivo-zhe-krasivo-voispriyatie-gorodskogo-prostranstva-zhitelyami-yoshkar-oly>
12. *Раппапорт А. Г.* К пониманию архитектурной формы: автореферат дис. ... доктора искусствоведения: 18.00.01 / Рос. акад. архитектуры и строит. наук. Москва, 2002. 38 с.
13. *Смирнов С. А.* Антропология города // *Человек.ru.: Научный журнал ИФИП СО РАН.* 2012. № 8. С. 136–151.
14. *Степанов А. В.* Феноменология архитектуры Петербурга: Монография. Санкт-Петербург: Арка, 2016. 396 с.
15. *Палласмаа Ю.* Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия: Монография. Москва: Классика XXI, 2013. 176 с.
16. *Чеснов Я. В.* Экзистенции: город // *Философия и культура: Сетевое издание полного открытого доступа.* 2009, № 3. С. 71–81. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/page30529878.htm>

*

Поступила в редакцию 21.08.2023

СЮЖЕТНО-СТИЛЕВОЕ И СМЫСЛОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМЫ А. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

УДК 81'367

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-121-130>

Н. И. Неженец

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: nicknezhenets@yandex.ru

Аннотация: Автор статьи исходит из того, что поэзия Твардовского – уникальное свидетельство советской эпохи. Отмечается, что стиль поэмы «Василий Теркин» близок к фольклорному. Для поэмы характерна форма эпического сказа, в нем монологическое повествование включает характерные особенности разговорно-бытового письма. Слово в поэме «Василий Теркин» одновременно иронично и гуманно, в нем выражается суть народной души, мудрое осознание этой душой основ сущего. На примере поэмы «Василий Теркин» автор показывает связь русской песни с психологическими чертами поэтических героев Твардовского. Он обращает внимание на мотив спора жизни и смерти, традиционный для русской поэзии, связанной с военной тематикой. В поэме «Василий Теркин» герой побеждает смерть благодаря боевому товариществу. Этико-смысловые особенности поэмы напрямую соотносены с принципами народной жизни в советском обществе.

Ключевые слова: Александр Твардовский, поэма «Василий Теркин», эпический сказ, народная война, народная душа, спор жизни и смерти.

Для цитирования: Неженец Н. И. Сюжетно-стилевое и смысловое своеобразие поэмы А. Твардовского «Василий Теркин» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 121–130. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-121-130>

PLOT-STYLE AND SEMINICAL ORIGINALITY OF A. TVARDOVSKY'S POEM "VASILY TERKIN"

Nikolay I. Nezhenets

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: nicknezhenets@yandex.ru

Abstract: The author of the article proceeds from the fact that Tvardovsky's poetry is a unique evidence of the Soviet era. It is noted that the style of the poem "Vasily Terkin" is close to folklore. The poem is characterized by the form of an epic tale, in which the monologue narration includes the characteristic features of colloquial and everyday writing. The word in the poem "Vasily Terkin" is both ironic and humane; it ex-

НЕЖЕНЕЦ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры литературы и лингвистики, Московский государственный институт культуры

NEZHENETS NIKOLAI IVANOVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Literature and Linguistics, Moscow State Institute of Culture

© Неженец Н. И., 2023

presses the essence of the people's soul, this soul's wise awareness of the foundations of existence. Using the example of the poem "Vasily Terkin", the author shows the connection between Russian song and the psychological traits of Tvardovsky's poetic heroes. He draws attention to the motif of the dispute between life and death, traditional for Russian poetry associated with military themes. In the poem "Vasily Terkin" the hero defeats death thanks to military camaraderie. The ethical and semantic features of the poem are directly correlated with the principles of folk life in Soviet society.

Keywords: Alexander Tvardovsky, the poem "Vasily Terkin", epic tale, people's war, people's soul, the dispute of life and death.

For citation: Nezhenets N.I. Plot-Style and Seminal Originality of A. Tvardovsky's Poem "Vasily Terkin". *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 121–130. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-121-130>

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) под воздействием Льва Толстого (а Толстой эстетико-этически вышел из эпоса Гомера), сосредоточился на теме войны. Поэзия в его главной «книге про бойца» заключается в самобытно-образной неожиданности слова, вобравшего в себя философию бытия, его историю и судьбу. Певец изобразил жизнь военную, батально-бытовую; а это состояние ее, как и обыденное, буднично-мирское, держится на мудром осознании сущего. Слово в поэме насквозь иронично и гуманно, так что усмешка бодрит и врачует, предписывая человеку жить там, где много смерти. Оно направлено против мысли об апокалипсисе, извечно бытовавшей в мире. Тут оно – вопреки всему – не совмещается даже с евангелистом Иоанном, утверждавшим, что придет время, когда все будет другое: и небо, и люди, и воды земные. Твардовскому хочется оставить все в нетронутым и непогрешимым виде – и землю, и небо, и жизнь мирскую, в которой если бы и случались войны людские, то они непременно тут же и заканчивались бы мирным исходом в бане, причем на поверженной стороне. А это возможно, если сохранится мир, а в мире – Россия, Россия православная и народная. За Россию и за народ сражается боец поэта в трагическом XX веке.

Поэмы Твардовского («Страна Муравия», «Дом у дороги», «Василий Теркин», «За далью – даль», «Теркин на том свете») явились свидетельством истории, эпохи, в которой поэт жил и творил и которой служил правед-

ным словом вещего пиита. Его произведения несли в себе «правду сущую» о России народной и ее грандиозных свершениях в подвижничестве столетия.

Поэма «Василий Теркин» (1945) запечатлела русский подвиг во Второй мировой войне. Советский солдат (а в то время он был таковым) предстал в ней легендарным творцом истории, спасителем своей земли, а также избавителем Европы и всего мира от чумы западного фашизма. Теркин Твардовского тогда был олицетворением большой народной России, которая называлась Советским Союзом и которая утверждала собою на планете явление неслыханное и долгожданное, будто судьбоносно воссозданное по воле Высшего Духа.

Он, русский солдат Василий Теркин, родившийся и выросший на крестьянской Смоленской стороне, будто и был сотворен там для войны и для выполнения всеобъемлющей спасительной миссии, исстари и навечно предписанной ему отеческой землею, родным народом быть воином-бойцом и, будучи воином-солдатом, сражаться и побеждать. Поэма и начинается естественно и просто, без заведомо принужденного намеренья, с авторского желания сразу заговорить о существе войны:

*На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,*

*Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, –
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б – вода.*

Поэма написана в стилевом ключе, очень близком к фольклорному. В ней ни одной главы и ни одного стиха, который бы не был выстроен на теплой и дружеской солдатской шутке, на веселой анекдотической истории, на остром и предельно точном бытовом словце. Письмо свободно исполнено обыденными воинскими рассуждениями о том о сем, из чего обыкновенно складывается на войне каждодневное говорение, столь необходимое во фронтовом обиходе. Забавное поучение, свободно перемешанное с затейливой выдумкой, характерно дорисовывает духовно-нравственное бытование боевого солдата.

Твардовский нередко прибегает в своем сказывании к потешной, исконно народной по духу, воинской сценке. Именно она образно оживляет в главе «Переправа» внутреннее состояние бойца, крепко продрогшего в ледяной воде, но с успехом добравшегося до речного берега с донесением. В основу изложения здесь положено распространенное во фронтовой среде просторечно-усмешливое выражение, близкое по складу к анекдотическому:

*Растирали, растирали...
Вдруг он молвит как во сне:
– Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?*

К краткому изустному рассказу с остроумной концовкой очень близок также вызов «Тулы» по телефону в разгар боя, с должной долей забавной иронии переданный в главе «Теркин ранен». В ней, как и в предыдущей главе, в поведении и бойца, и его командира через внешний жест и мимику с безошибочной точностью вырисовываются скрытые внутри психологические тонкости душевного состояния героев:

*Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не поидет, –
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.
Командиру все в привычку, –
Голос в горсточку, как спичку,
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
– Тула, Тула,
Помогите огоньком...*

В главе «Бой в болоте» Теркин с таким же неизбывным умением иронического говорения передразнивает усмешливое желание немцев запеть на русском языке. В первые недели войны им, как известно, несканно везло; они довольно успешно продвигались по советской земле, намереваясь стремительно-быстро добраться до русской столицы. Тогда непрошенные гости, полагаясь на слабость противной стороны и высокомерно питая нескрываемую веру в скорую победу, даже тешили себя пением известных советских песен, издевательски перестраивая на свой лад их интонационно-ритмический строй. Но прошли месяцы, и состояние чужеземцев на войне незадачливо изменилось, так что теперь пришла очередь «певца» Теркина. Привычно подбадривая в бою своих товарищей, он, со скрытой в себе склонностью к актерскому представлению, усмешливо окарикатуривает былые «напевы» варваров-пришельцев, попавших в крайне трудное и плачевное положение:

*Тут состроил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец сам запел.
До того тянул он криво,
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно, – печенки вон!*

Песня имела на войне особенную популярность. Русские пели ее на привале

и в окопе; она неусыпно сопровождала солдата в его нелегких сраженьях, крепила в нем мирские надежды и веру в победу, неуклонно поддерживала боевой дух в бою. Теркин сзымальства чувствовал в себе неодолимую любовь к песне; она была его верной спутницей в солдатском быту, служила ему источником радости и вдохновенья; с нею соединялись на войне все его заботы и думы. Песня будила в бойце ненависть к врагу, вдохновляла его на ратный подвиг, неусыпно связывала мысли с родимым домом и с теми, кого воин оставил в нем переживать и тревожиться за его и свою жизнь.

И поэт, неотступно следуя за собственным героем, отдавал должное и песне, и тому, какое чувство вызывала она в нем. Песня в стихе Твардовского, уподобляясь человеку, перенимает его свойства, становится эмоционально-персонифицированным, одушевленным существом, выполнявшим очень важные и полезно-необходимые функции в солдатской среде. Поэт, подменяя явление отвлеченное конкретно-бытовым и явленным, создает в главе «Гармонь» ее портретно-олицетворенную зарисовку:

*А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.
Хоть бы что ребятам этим,
С места – в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что – гудит гармонь.
Выговаривает чисто,
До души доносит звук.*

В таком письме музыка, воспроизведенная гармонистом, превращается в его монолог:

*Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу.
И давайте я на шутку
Это все переведу.*

Русский извечно и бережно несет в себе песню. Родственно-близкая простому мирскому говорению, но еще более прекрасная и выразительная, глубокая, гибкая и послушная, песня способна передавать и мысли его, и тончайшие оттенки душевных движений. В главе «О герое» Теркину в самом явлении песни видится характерная особенность его родной, смоленской стороны, где даже дед, в бороде «лихой и сивой», извлекал из обыкновенного рожка такие эстетически содержательные мелодии, что жителя края стали полшутливо именовать не иначе, как «рожком». Песня явственно выражает создавшего ее человека; она, по сути, его образ, правдивый и в точности верный. Так уж повелось, что русский всегда чувствует себя во власти музыки; он невольно живет ее жизнью.

*Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожок тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.
Заведет, задует сивая,
Лихая борода.
Ты куда, моя красивая,
Куда ведешь, куда...
И ведет, поет, заяривает —
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.*

Твардовский, раскрывая властную силу музыки и песни, соотносит ее с психологическими чертами своих героев, столь глубокими и яркими, что они и в самом деле обогащают и возвышают русскую натуру, делают ее образ по-житейски обаятельным, естественно-чарующим. Он, русский, от природы и в природе талантлив; в его способности достойно и полно выражать себя в искусстве напевного слова и, органично соединяясь с ним в миру, выходить на поле брани духовно-несокрушимой мощью.

Песню невозможно оторвать от родной земли, увести от реальной жизни, тем бо-

лее обратить ее против бытования в исконно привычной среде. Рожденная жизнью, она неуклонно тяготеет к почве, на которой возникла, и неизменно возвращается к бытию человека, в устах которого зазвучала впервые.

Оттого-то именно жизнь кондовая, коленная есть и всегда была истинным смыслом песни, неиссякаемым источником ее фронтового существования. Поэт, порою переносясь в своем воображении на несколько десятилетий вперед и там, листая героические страницы былых сражений, пытается во всем существе оценить происшедшее, которое кажется легендой.

*И солдат мой поседельй,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой...
И с печалью горделивой
Он начнет в кругу девчат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят.*

Заметьте, как сражались бойцы, о том не говорится, но упоминается о битве у ворот Москвы. И образного умолчания оказывается в поэтическом стихе достаточно, поскольку само по себе событие представляется воистину невероятным: дойти-добраться с боями до столицы противника – и бесславно отступить, покатиться назад, чтобы затем, уже в своей столице, позорно сдать.

Однако в другой главе, 17-й, «Бой в болоте», тема русской, народной по сути, героики раскрыта во всей своей колоритной и явственной детализации:

*И противник по болотам,
По траншеям торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним...
Перемокая пехота
В полный смак клянет болото,
Но мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.*

Русский с нескрываемой усмешливой иронией, простодушно и честно судит и свою работу в бою:

*ЗаклЮчить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?
Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил.*

Русский, по Твардовскому, – богатырь и как будто не богатырь, а, впрочем, если и смахивает на богатыря, то разве что тем, что не уступает ему ни в силе, ни в духе своем. Так что он, выходит, даже способен и сравниться с ним, и если это так, тогда то, что есть в русском, быть может, даже больше и сильнее, чем в богатыре из сказки. В главе «От автора» поэт пишет:

*Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян...
То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.*

Обычно поэт придерживается четырехстрочной строфы, но, если надо что-либо выделить в мысли, он дополняет ее пятым стихом; а вот тут, в приведенной выше портретно-психологической характеристике русского солдата, строфа разрастается на целых шесть стихов с тремя идущими одна за другою созвучными женскими рифмами: запояске, «закваски», «опаски». И ни в одном слове, ни на йоту не допущено ничего ненужного и лишнего; все по смыслу истинно, все подобрано до крайности точно и к месту – даже в бытовом неологизме «запояске».

У сказочного героя Теркин взял многое: его могучий физический облик, добродушно-веселое расположение к себе и к другому, удалое молодечество в бою. Однако это лишь своеобразная канва, по которой певец искусно и реалистически одухотворенно вышивает оригинальные узоры своего образного письма, сохраняя традиционнo-изустную традицию.

В той же 24-й главе («От автора») поэт корректирует сказочного героя штрихами, сугубо реалистически подобранными им для сопоставления с собственным героем. В физическом облике Теркина отсутствует всякая необычность, которая присуща фольклорному персонажу; герой Твардовского, в отличие от него, вынослив и бесстрашен, но вместе с тем и острожно расчетлив в боевых схватках.

*Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски...
В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, черт.*

На сказочно-песенной основе построена глава «Смерть и воин». Мотив спора жизни и смерти, собственно, не нов в искусстве слова. В схожем плане его вкрапчивали еще в древности сказители бытовых поучительных притч («Солдат и смерть», «Аника-воин»). Этот же мотив был положен также в основание лубка XVIII века, где, скажем, бравый молодец Аника храбро и дерзко схватился с явлением смерти, представшей перед ним в виде скелета с острой косою, однако при первом взмахе «косы» кичливый воин валится с коня и падает замертво на землю. На другой лубочной картинке изображен некий Иона, не устоявший перед соблазном присвоить деньги своего умершего товарища, которые тот просил отдать в церковь на помин души; но скупец не увидел, как смерть неожиданно и с косою наведальась в его богатый дом во время пира. Уже на исходе XIX века на мотиве столкновения бытия и небытия была написана А. М. Горьким известная сказка-новелла «Девушка и смерть».

Аналогичная сказочная ситуация перешла в песенную культуру. В частности, в 1831 году унтер-офицер Невского пехотного полка Н. Ф. Веревкин ввел ее в свое стихотворение «Под ракитою зеленой». Тогда же оно было опубликовано в газете «Русский инвалид» и вскоре в переработанном виде проникло в народный обиход. В казачьем мире текст песни стал прообразом «жестокого» романса под названием «Черный ворон», который бытует и по сей день. В нем повествуется о погибающем казаке, который просит ворона сообщить родным о его смерти.

*Что ты вьешься, черный ворон,
Над моею головой?..
Ты добычи не дождешься,
Я солдат еще живой.*

Твардовский, перерабатывая романсный текст, существенно снизил образ смерти, сделал его более реальным и живым. Певец заменил вещего романтического ворона явлением «косой старухи» в седых космах; она и склоняется над раненым Теркиным, собираясь забрать его в свои тенета.

Однако солдат не сдаётся, отказывается следовать за худым и безобразным существом. Так в поэтическом строе главы «Смерть и воин» сошлись в «смертельной» схватке две изначальные силы, едва ли не с момента творения противоборствующие в людском миру.

Глава 21-я стала смысловым стержневым центром поэмы «про бойца». Здесь в условной «беседе» одной и другой стороны раскрылась мысль-идея существования войны, ее исконных земных граней. Старуха-смерть безжизненно воздействует на раненого своим леденящим дыханием и мертвым словом:

*– Ну, солдат, пойдем со мной.
Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.*

Солдат отвечает ей обыденно и просто: лежать на снегу ему, конечно, и холодно, и неудобно; тем не менее, он вовсе не хочет расставаться со своим дыханием, что теплится и связывает его с жизнью: «Я не звал тебя, Косая, // Я солдат еще живой». Косая, с присущей ей ролью заведомой хозяйки, отнюдь не собирается отступать; она продолжает омертвело настаивать на своем, придирчиво и властно указывая солдату на верный признак безнадежно исходящего из него духа: на щеках – снежок, «сухой снежок», уже не тает. Выходит, он, солдат, «живой, да не жилец». Она даже готова приободрить противника, открывая ему завесу собственной юдоли: «Моего не бойся мрака. Ночь, поверь, не хуже дня». Вот тут и прошелестели слова, сразу введшие ее в некое замешательство:

*А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?*

Костлявая вся напряглась, снисходительно хрустнула в жидких костях своих новым резонансом: нужен-де лишь «знак согласия, что устал беречь ты жизнь, что о мертвом молишь часе». И тут же до худого уха ее донеслось в ответ прежнее, но еще более естественное и решительное:

*– Не хочу.
Мне пожить как раз охота,
Я и не жил-то еще.*

Косая, поскольку она Косая, выпутывается, однако, из зашедшего в тупик поединка, прибегая к последним своим черным доводам: холод люто сгущается, и в поле «завелась поземка», так что, если смерти на время даже и отойти, отодвинуться от раненого, никто из живых к нему не придет, его вряд ли отыщут в снежной завирухе.

Философия русского бытия, неиссякаемого приятия ее всеми солдатами российской стороны закрепляется идеей всемирского

единения в последней сцене поединка. В ней сказало все существо всечеловеческой общности, что в недавнем прошлом называлась коллективностью, а теперь именуется всеобщей бескорыстной и дружеской спаянностью в русском мире. Поэт образно раскрыл здесь неиссякаемые родники воинского товарищества на войне, и главное – всеобщее, всесолдатское приятие духа его на уровне сердца и мысли.

Теркин победил вследствие своей неразрывной спайки с солдатским сотовариществом: его, умирающего на снегу, подобрали друзья-товарищи по оружию. Костлявая с позором отступила, скорбно заметив, сколь велика и неистребима в духе русского воля к жизни даже, казалось бы, в истекающие минуты его бытия. Тут в каждом вздохе солдата ощущаются неуступчивые связи с жизнью, столь победно необходимые в боях и сражениях за родную землю. Не случайно глава названа не «Теркин и смерть», а более обобщенно – «Смерть и воин», что более глубоко и точно указывает на этико-смысловые особенности ее содержания, прямо соотносимые с жизненными принципами в советском народном обществе.

И подумала Смерть впервые, глядя со стороны: «До чего они, живые, меж собой свои – дружны, нехотя даешь отсрочку. Потому и с одиночкой сладить надобно суметь». И, вздохнув, отстала смерть.

Человек готовился к доброй жизни и подвигу в боях за нее. В этом и состоит идея бессмертного подвига в XX веке бытия земного.

В поэме Твардовского хореический строй стиха и интимные чувства героя введены в план общественно-бытовых переживаний. Это сообщает ему особую тональность эпического лиризма, что нередко сближается с образно-психологическими напевами песенного жанра. Таково интонационно-ритмическое описание душевной тоски героя по своей деревенской стороне, по оставшейся в одиночестве родной матери в главе 15-й, «Генерал».

*У речушки – неглубокий
Родниковый ручеек
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.
И курлычет с тихой ласкою,
Моет камушки на дне,
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.
Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою родимую,
Может, где-нибудь свернешь.
Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкою, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.
Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.*

Теркин в этой главе награждается боевым орденом и недельным отпуском на родину; только побывка его откладывается до конца будущего наступления Красной армии.

Внешнее, событийное совмещается в эпическом стихе поэта с внутренне-психологическим. В этом образном сплетении, воссоздающем очертания прифронтовой действительности, многогранно выписана структура повествования в виде монолога, реплики, шутильной обмолвки, диалога, мысли вслух, лирического отступления автора. Сам по себе стих Твардовского очень близок к просторечно-бытовому говорению с привычной народной склонностью к мудро-обыденному осмыслению сущего, выражаемого в округлой, афористической точности слова.

Избранные аспекты содержания служат средством изображения военной реальности изнутри, через внутренний мир героя. В поэтической новелле 11-й, «Поединок», по отрывочным репликам Теркина, по его монологу, обращенному к фашисту, можно проследить весь ход не только жестокой схватки с немцем, но и душевного состояния в ней нашего героя:

*Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю – зверь, и враг – врагу.
.....
Ты не знал мою натуру,
А натура – первый сорт.
В клочья шкуру – Теркин чуру
Не попросит. Вот где черт!
.....
Злость и боль, забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца – с левой – шмяк!
Немец охнул и обмяк.
Теркин – ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжело —
Поработал человек...*

Заслуги генерала в 15-й главе переданы как бы в задушевной беседе с солдатским товариществом:

*Ты, обжегшись кашей, плакал,
Ты под стол ходил пешком.
Он тогда уж был воякой...*

В главе «О любви» Твардовский, раздумчиво меняя «собеседника», обращается с темой главного чувства на войне к солдатам, злым женам, к незамужним девушкам, к танкистам, артиллеристам и еще раз к девушкам. Форма диалога использована в главах «Наступление» и «Смерть и воин». В последней новелле Теркин прибегает к форме невинного вопроса, что позволяет ему держать свою противницу на приличном расстоянии от себя: «А чего тебе, однако, нужно лично от меня?» Тут даже ощущения замерзающего солдата передаются тихими репликами, исходящими от «лютого мороза»; сама форма поэтической реплики создает иллюзию собеседования:

*Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня.*

В структуру поэмы прочно входила форма сказа... Жутко простодушен русский, жутковато доверчивый и бесхитростный; жутко наивный, нехитрый, невинный, простосердечный...

Поэма написана в форме авторского монолога, структурно разбавленного штрихами реплики, шутливой обмолвки, диалога, мысли вслух, лирического отступления. В основании ее положен жанровый принцип стилизации рассказчика, представляющего свою социально-общественную, то бишь, народную, среду. Его поэтическое говорение выдает в нем певца-сказителя, стремящегося создать своей речью впечатление непосредственного рассказ-импровизации, в которой поэт совпадает и не совпадает с рассказчиком, но на себя переносит его мироощущение. Поэма принимает очертания сказа. Такое повествование помогает автору создать иллюзию самостоятельности героя-рассказчика.

Форма эпического сказа, построенная в основном как монологическое повествование, включает характерные особенности разговорно-бытового письма. В реалистическом сказе Твардовского воссоздаются – через стиль изложения – типические черты социально-бытовой, историко-национальной и индивидуальной характеристики героя и всей обывденной фронтовой среды, к которой он существом своим принадлежит.

Поэма Твардовского исполнена историко-легендарным содержанием. В ней, при всем ее былевом очертании, ведется «сказывание» о текущем времени, о том, что происходит в данный момент на войне. Поэт писал свои новеллы с натуры, по следам идущего боя, битвы, сражения. Оттого эпос, рожденный в его стихе, предельно сблизился с реальностью, с духом и бытом солдат, какой развертывался в окопе, блиндаже, ровике, на широком поле.

Певец все видел, все слышал; ему в качестве военного корреспондента приходилось нередко подолгу жить на передовых позициях, стрелять из автомата и тут же записывать в блокноте вдохновенным сотворенные стихи. И теперь в науке о Твардовском ходит история, как его однажды чуть не убило случайно залетевшей миной. Это было летом 42-го, в разгар битвы за Харьков.

Поэт с очередным заданием летописца прилетел в белгородские места, посидел в окопе, походил по ровику, а затем его внезапно осенило, и он спешно оставил беседу с солдатами и расположился неподалеку на пригорке, поросшем мятликом и овсяницей. Твардовский записывал новеллу «Перед боем». Так он просидел на холмике около часа, пока стихи в нем не иссякли. Тогда поэт поднялся, расправил плечи и неторопливо пошел назад, к окопам, и когда он удалился от пригорка на шестьдесят-семьдесят метров, туда упала невесть откуда залетевшая мина. Задержись поэт еще на минутку-другую там, где он только что строчил карандашом, и никакого «Теркина» в русской литературе не было бы... Впереди была долгая война и столь же трудная и долгая работа над эпической поэмой о главном русском подвиге в XX веке.

Поэма составила из тридцати относительно самостоятельных новелл в стихах, объединенных общей мыслью-идеей об истинной сущности войны на земле и о существе в ней русского, бравшего прежде и взявшего на себя теперь все ее боли и все тяготы, взявшего и вынесшего их на своих плечах с упорством и верой в победу. Произведение завершается мирской сценой «В бане». Оно и естественно: после тяжелого труда, какую является грязная от крови и пота война, надлежит по-русски помыться в бане... Процедура эта осуществляется русским солдатом на чужой земле, в чужой, поверженной им столице, чтобы возвратиться на родину чистым душою и телом.

Новеллы, составившие содержание поэмы, написаны в соответствии с нормами классической традиции, о чем писал в свое время Пушкин при чтении драмы Кальдерона «Жизнь есть сон». Строение пьесы отметилось гармоническим равновесием всех ее частей: завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой. Нечто подобное сложилось и в своде новелл, из которых выросла структура сюжета поэмы о Теркине у Твардовского.

Поэма исторически достоверна в самой основе. Твардовский воспроизвел реальность и в образе главного героя, и в содержании темы войны. Русский солдат в ней проделал долгий и тяжкий путь борьбы, пройдя «от западной гра-

ницы до своей родной столицы, от своей родной столицы вплоть до западной границы и от западной границы плоть до вражеской столицы».

Поэт-сказитель, следуя народнопоэтической традиции, сохраняет в своем письме типовую форму сказа, но разве что в интонации, заставляя себя говорить обобщенно и осмысленно лишь в этой, ритмической части, тогда как в другой, сугубо событийной, он сыплет мелочно, всеми подробностями и штрихами, какие только свойственны изображаемому явлению. Совмещение интонационно-сказываемого и детально-событийного в едином потоке авторского говорения и создавало специфику твардовского письма. То, о чем рассказывается, выходит зримо и явственно, но все это представляется со свободной долей тонально-былевой импровизации; словом, певец, повествуя достоверно о реально-бытовом, что есть в действительности, прикидывается сказителем и как сказитель сказывает, а не описывает по-художнически.

Манера поэта сказывать о трагико-драматических явлениях войны, скрепляя сказание с существом русского солдата, у которого, кстати, есть конкретное имя и типовая фамилия, располагает к чему-то точному при обрисовке и самого действия, и психологического портрета героя. Однако все это у него образно обобщено, знаково-символически предложено читателю, свободно допускает в повествование компоненты авторской импровизации.

Поэма выражает мировоззрение народа в эпоху военного лихолетья, его отношение к действительности, его борьбу за независимость, его мечты о будущем. Содержание глав

меняется, как меняется порождающая ее действительность. Произведение имеет ярко выраженный национальный характер.

Исключительно велика его художественная значимость. Его национальная специфика сказывается в языке, в бытовых подробностях, в характере пейзажа, в том, что в ней рисуется уклад русской жизни, преимущественно крестьянской. Идейная направленность поэмы, подлинный гуманизм ее содержания соотносятся с секретом ее жизнеспособности.

До сих пор не прослежено движение мысли-идеи от главы к главе. В поэме предстала вся война, обрушивавшаяся на русскую землю. «Как от западной границы...». Однако характерные извивы этого движения можно выделить. В начальной главе «От автора» поэт говорит о важности на войне воды, правды... Поэт высмеивает варварские пороки пришельцев, рисует духовное превосходство русского над своим противником. В русском живет неистребимая вера в конечную победу над врагом; в нем совместились все чаяния, все ожидания и надежды простых людей России.

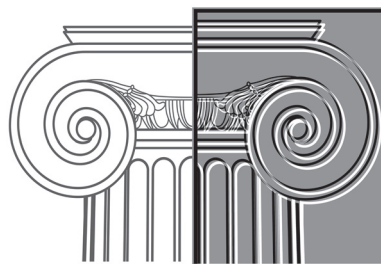
Поэт представляет душу народа; а мирская душа тем объемнее и шире, чем размашистее пространство, на котором она возросла. Русскому суждено было вобрать в себя всю ширь, всю необъятность холмов и далей, где он – по воле земли и неба – расселился. Собственно, он потому и расселился так размашисто и раздольно, что был от природы наделен необъятностью и ширью в своей душе. Оттого-то ему одному, и никому другому, удалось пройти-прошагать по трем континентам и мирно, соборно закрепиться на них.

Список литературы

1. *Неженец Н. И.* «Ржаные апостолы» русской поэзии двадцатого века. Москва: Квадрига. 2020. 360 с.
2. *Твардовский А. Т.* Василий Теркин. Книга про бойца. Академия наук СССР. Литературные памятники. Москва: Наука. 1976. 531 с.
3. *Твардовский А. Т., Гейфтер Ю. М.* XX век. Голограммы поэта и историка. Москва: Новый хронограф. 2005. 496 с.

*

Поступила в редакцию 23.05.2023

ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
(педагогические науки)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ К. Д. УШИНСКОГО
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 37.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-132-143>

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: yaroch1@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрено научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского в контексте российской культуры, продуцирующей уникальную систему воспитания. Для понимания встроенности идей К. Д. Ушинского в социокультурный контекст его эпохи автор обращается к анализу антиномий культуры, которые определяют национальные идеалы воспитания. Научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского рассмотрено как новый для его времени культурный феномен, выросший на стыке традиций русской национальной школы и идей западноевропейского просвещения. Этот феномен соответствует идеологии русского европеизма, сочетающего универсализм и национальную специфику во всем многообразии бета-паттернальных конфигураций (К. М. Кантор) российской культуры. Сделан вывод о методологической продуктивности концепции К. Д. Ушинского, основанной на выражении антиномичных социокультурных контекстов его эпохи. Среди таких контекстов автором статьи для определения педагогического идеала выделена наиболее значимая базовая культурная оппозиция «исконное – заимствованное», детализированная в культурных оппозициях «социоцентризм – антропоцентризм», «натуроцентризм – теоцентризм» и др., каждую из которых можно представить как двусоставное социокультурное единство (бета-паттерн). Взятые вместе данные оппозиции формируют устойчивую бета-паттермальную конфигурацию российской культуры и её воспроизводства в системе воспитания, которая в снятом виде представлена в наследии К. Д. Ушинского, и которая сегодня создает основу для определения национальной специфики российского образования.

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики, Московский государственный институт культуры; Московский государственный лингвистический университет, Институт гуманитарных и прикладных наук

YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Scientific and Innovation Activities, Head of the Department of Social and Cultural Activity, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture; Moscow State Linguistic University, Institute of Humanities and Applied Sciences

© Ярошенко Н. Н., 2023

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, история педагогики и образования, философия образования, историко-педагогический процесс, педагогическая антропология, социокультурный подход, антиномии в культуре России, русский европеизм, социоцентризм, антропоцентризм, натуроцентризм, теоцентризм.

Для цитирования: Ярошенко Н. Н. Педагогическое наследие К. Д. Ушинского в контексте российской культуры: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 132–143. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-132-143>

THE PEDAGOGICAL LEGACY OF K.D. USHINSKY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE: THE EXPERIENCE OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Nikolay N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: yaroch1@yandex.ru

Abstract: The article examines the scientific and pedagogical heritage of K. D. Ushinsky in the context of Russian culture, which produces a unique system of education. To understand the embeddedness of K. D. Ushinsky's ideas in the socio-cultural context of his era, the author turns to the analysis of cultural antinomies that define national ideals of education. The scientific and pedagogical heritage of K. D. Ushinsky is considered as a cultural phenomenon new to his time, which grew up at the junction of the traditions of the Russian national school and the ideas of the Western European Enlightenment. This phenomenon corresponds to the ideology of Russian Europeanism, combining universalism and national specificity in all the variety of beta-pattern configurations (К. М. Кантор) of Russian culture. The conclusion is made about the methodological productivity of K. D. Ushinsky's concept, based on the expression of antinomic socio-cultural contexts of his era. Among such contexts, the author identifies the basic cultural opposition "native – borrowed", detailed in the cultural oppositions "sociocentrism – anthropocentrism", "nатуроцентризм – теоцентризм", etc., the most significant for determining the pedagogical ideal, each of which can be represented as a two-part socio-cultural unity (beta pattern). Taken together, these oppositions form a stable beta-pattern configuration of Russian culture and its reproduction in the education system, which is presented in a filmed form in the legacy of K. D. Ushinsky, and which today creates the basis for determining the national specifics of Russian education.

Keywords: K. D. Ushinsky, history of pedagogy and education, philosophy of education, historical and pedagogical process, pedagogical anthropology, socio-cultural approach, antinomies in Russian culture, Russian Europeanism, sociocentrism, anthropocentrism, natural centrism, theocentrism.

For citation: Yaroshenko N.N. The pedagogical legacy of K.D. Ushinsky in the context of Russian culture: the experience of interdisciplinary research. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 132–143. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-132-143>

В год празднования двухсотлетия со дня рождения выдающегося русского ученого, основателя русской научной педагогики, Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870), обращение к его научному наследию имеет не только юбилейный характер, но и большую актуальность в контексте изменений современных наук об образовании. Сегодня отечественная педагогика оказалась на этапе переоценки методологических ориентиров, и важнейшие её проявления – обновление российского образования и педагогической науки на национально-патриотической основе, критическое переосмысление зарубежных (прежде всего, западноевропейских) образовательных моделей. Этот методологический поворот получил логическое оформление на уровне государственных решений о выходе из Болонского процесса и начале формирования национальных подходов к развитию образования, в том числе отечественной системы уровней высшего образования [20].

Именно поэтому сегодня столь значимым для российских педагогов становится подход К. Д. Ушинского, сумевшего выявить национальную сущность педагогики в контексте глубокого переосмысления идей философской антропологии, теории воспитания и практик зарубежной школы.

Основные идеи К. Д. Ушинского, как отмечал видный русский педагог П. Ф. Каптерев, «это настоящие живительные начала русского просвещения и русской педагогической науки. Если народное образование когда-либо будет делом действительно близким и дорогим русскому народу, то это случится лишь под условием превращения его в семейное дело каждого и общественное всех» [11, с. 51]. Сегодня российское образование вновь нуждается не только в существенном пересмотре методологических оснований, но и в формировании его идеалов, всецело поддерживаемых на уровне государства и общества.

Именно поэтому масштаб идей К. Д. Ушинского и их влияние на процессы научно-педагогического поиска особенно ясно видятся сегодня, по прошествии двух

столетий, отмеченных яркими страницами в развитии отечественной педагогической науки, устремленной к целостному и всеобъемлющему пониманию закономерностей развития, обучения и воспитания личности, во всем многообразии социокультурных связей и отношений [25].

Полагаем, что особенно актуален вопрос о том, какова социокультурная и методологическая основа педагогических идей К. Д. Ушинского и насколько социокультурная методология педагогики, намеченная великим русским педагогом, соответствует строю современной российской культуры.

Источником для ответа на поставленные вопросы в первую очередь являются труды К. Д. Ушинского, его фундаментальный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», опубликованный в двух томах, и материалы к третьему тому [22; 23; 24], а также – статьи по вопросам народной педагогики.

Наследие К. Д. Ушинского всесторонне рассмотрено в фундаментальных работах, посвященных его научно-педагогическому творчеству (Е. М. Медынский, Л. Н. Модзалевский, П. Ф. Каптерев, В. И. Чернышёв, В. Я. Струминский, Э. Д. Днепров и др.). При этом подчёркивается необходимость актуального прочтения трудов К. Д. Ушинского как источника формирования суверенной и самобытной российской педагогики (Е. Н. Астафьева, М. В. Богуславский, З. И. Васильева, Н. К. Гончаров, Д. А. Донцов, С. В. Иванова, С. Г. Новиков и др.) [1; 3; 4; 5; 7; 8; 15; 16; 17].

Отметим, что в год двухсотлетия К. Д. Ушинского к его наследию очень активно стали обращаться современные исследователи. При этом в ряду многочисленных публикаций появляются отдельные работы, по-новому актуализирующие исследование социокультурного контекста научного наследия великого русского педагога и напрямую обращающиеся к социокультурным корням педагогических взглядов К. Д. Ушинского. Например, в работе профессора С. Г. Новикова (Волгоград), посвященной ретроспекции на-

следея К. Д. Ушинского сквозь призму трансдисциплинарной методологии, в качестве маркеров социокультурной проблематизации используются такие категории, как «разлом образовательного пространства», «социокультурный раскол» [17, с. 4]. Это представляется достаточно неожиданным в контексте анализа процессов в педагогике образования XIX века в России, и, безусловно, вызывает потребность в обсуждении.

В указанной статье С. Г. Новикова [17] речь идет о синтезе культурно-исторического и социокультурного подходов, дополненных концепциями социальной модернизации, совокупность которых позволила дать обоснование следующего тезиса: «В творчестве К. Д. Ушинского обнаруживается разлом отечественного образовательного пространства на (суб)пространства, воспроизводившие полярные мировидения: социоцентристское и антропоцентристское» [17, с. 4]. Необходимо подчеркнуть, что данный вывод был сделан С. Г. Новиковым в ходе ретроспективного анализа, затрагивающего сердцевину философских дискуссий XIX века о судьбах России на перекрестке культур Запада и Востока. Эта дискуссия «не могла миновать становящуюся отечественную педагогическую науку, не отразиться на позиции К. Д. Ушинского. В его взглядах без труда обнаруживается воздействие и славянофильства, и западничества» [17, с. 6]. И далее: «Западники и славянофилы разошлись не в оценке достижений Запада (оппоненты признавали успехи его науки и образования), – констатирует С. Г. Новиков. – Они по-разному определяли характер того идеала, на основе которого следует осуществлять воспитание россиян. Западники <...> ратовали за антропоцентризм. Славянофилы – за социоцентризм в его соборной версии» [17, с. 6].

Полагаем, что процитированное обобщение – это, скорее, красивая гипотеза, чем доказанный вывод. Однако этот свежий, оригинальный ракурс позволяет рассмотреть педагогическое наследие К. Д. Ушинского в социокультурном контексте его эпохи, от-

меченной жаркими философскими спорами западников и славянофилов о русской идее, особом пути России и о судьбах идеалов народности, служения Отчизне.

Споры западников и славянофилов, конечно же, очерчивают горизонт противостояния ценностей Запада и Востока и их проекцию на все сферы общественной жизни России. Причем – не только в ретроспективном и актуальном контекстах, но и в проекции на будущее. Именно поиск пути в будущее задавал социокультурный контекст эпохи, которая фактически открыла демократически ориентированному российскому обществу пространство народного образования.

Отметим, что дискуссия западников и славянофилов велась в контексте, явно превосходящем горизонт национального образования, однако именно народное образование в 60–70-е годы XIX века воспринималось и западниками, и славянофилами как единственно верный путь социокультурной модернизации. Различалось при этом видение идеалов образования, важнейшим из которых стал принцип народности.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что «в отличие от одностороннего понимания народности славянофилами, Ушинский, не отвергая полезности критического использования педагогического опыта других народов, указал границы этого использования» [21, с. 9].

Казалось бы, приводя многочисленные примеры из опыта зарубежной педагогики – американской, германской, французской и др. – К. Д. Ушинский должен был бы предстать перед нами как яркий представитель западничества. Однако этого не происходит. Точно также, читая его рассуждения о народности, народном характере воспитания, мы не видим перед собой славянофила, предельно сконцентрированного на идеале соборности в народном образовании. И здесь уместно согласиться с мнением современного теоретика культуры, профессора Е. В. Мареевой, которая справедливо отмечает, что во взаимоотношениях западников и славянофи-

лов проявило себя новое состояние культуры – «русский европеизм». «Особенный смысл идеи “русского европеизма” – в осознании и осмыслении сложного отношения русского человека к европейской культуре и западной цивилизации, – пишет Е. В. Мареева. – И это отношение не сводимо ни к тождеству, ни к противостоянию, а рождает чреватый противоречием новый культурный феномен» [12, с. 19]. Е. В. Мареева констатирует, что в историко-культурном процессе в России осуществилась трансформация европеизма как типа личности и формы самосознания. На пересечении европейской и российской культуры сложился особый культурный тип, в котором всеобщее содержание и идеалы культурного бытия обрели особую, уникальную форму «русского европеизма».

Признание педагогики частью российской культуры, отражающей её общие черты и специфику, открывает возможность рассмотреть научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского как один из ярких примеров нового для России XIX века культурного феномена, обладающего чертами универсализма, интегративности и – одновременно – выражением национальной специфики. Поэтому, полностью разделяя саму возможность социокультурного анализа в истории педагогики, что прекрасно подтверждают работы Н. Г. Новикова [17 и др.], нельзя согласиться с некоторыми его выводами. И прежде всего, полагаем, что не в полной мере правомерен тезис Н. Г. Новикова о том, что историко-педагогический контекст, в котором формировалась педагогическая концепция К. Д. Ушинского, необходимо рассматривать как социокультурный «раскол» дуальных оппозиций российской культуры. Эта позиция, на наш взгляд, несколько упрощает не только представление о русской культуре с её серьезными достижениями, но и понятие о научно-педагогическом наследии великого русского педагога. Полагаем, что К. Д. Ушинскому не требовалось преодолевать противоречие дуальных оппозиций или становиться выразителем крайних точек зрения – противоре-

чивость оппозиций в отечественной культуре и в отечественной педагогике раскрывается по-разному.

Российский историк педагогики, профессор М. В. Богуславский неоднократно приводил примеры того, как принцип дуальных (бинарных) оппозиций может быть применен в педагогике. В том числе, он выделял такие бинарные оппозиции: «от трактовки всей познавательной деятельности как творческой (свободное воспитание) до прочного и адекватного усвоения учениками конкретных разработок, методик, памяток и схем (технократическое); от подчеркивания главной направленности деятельности школы на общее образование как самоценности (социально-рационалистическое и антрополого-гуманистическое направления) к акцентированию важности специальной подготовки для определенной деятельности (социально-реформаторское); от выдвижения в качестве высшей ценности духовно-нравственного содержания образования, формирования соответствующего эмоционального отношения к знаниям (христианско-антропологическое направление) к подчеркиванию сугубо прагматической ценности конкретных знаний, умений и навыков без их нравственной оценки (технократическое); от доминирования фактора свободы как главного условия развития личности (свободное воспитание) к достаточно осторожному отношению к такой свободе, таящей возможность отхода от господствующей идеологии в сторону «педагогического анархизма» (социально-рационалистическое)» [4, с. 74]. В педагогике бинарность определяет как целеполагание образования, так и его технологию.

Несколько иное понимание принципа бинарности, отличающееся от педагогического (историко-педагогического), сложилось на уровне философско-культурологического осмысления русской культуры. Здесь дуальность оппозиций, бинарность служат структурным объяснением самого строя культуры, который детализируется во всех её частных проявлениях.

Культура России, продуцирующая уникальную систему воспитания, являет собой средоточие многочисленных антиномий, которые действительно сильны по отношению к национальным идеалам воспитания.

Действительно, дуальность российской культуры – это хорошо известный сюжет отечественной культурологии. Например, отечественный философ К. М. Кантор для описания социокультурной специфики России и её места в мировой социокультурной системе создал собственную, достаточно сложную, концепцию антиномий русской культуры.

К. М. Кантор в книге «Двойная спираль истории» [9] и в отдельно опубликованных фрагментах незавершенного второго тома этого труда [10] изложил позицию, согласно которой «Россия принадлежит бета-паттернальному ансамблю мировой социокультурной системы, то есть в ней доминирует колеблющийся, “пульсирующий” паттерн-хамелеон. В нем соприсутствуют альфа-паттерн (“Восток”) и гамма-паттерн (“Запад”), или, иными словами, коллективизм и индивидуализм (“мы” и “не мы”, “я” и “не я”), безостановочно взаимопревращаясь. Эти взаимопревращения то усиливают, то подавляют дополнительный альфа-паттерн и рецессивный гамма-паттерн. Бета-паттерн определяет быструю смену состояний, чувств, поступков, покоя и движения, долготерпения и нетерпеливого порыва, расчётливости и безрассудства, гордости и пресмыкательства, милосердия и жестокости, поклонения и проклятия, расправы и покаяния по отношению к одним и тем же лицам, идеям, порядкам» [10, с. 75].

Следовательно, принадлежность России к «бета-паттернальному ансамблю мировой социокультурной системы» [10, с. 75] определяется сложным сочетанием паттернов. Именно в их причудливом *соотношении*, в котором не установлено доминирование одного из них, проявляется сущностное свойство российской культуры.

Социокультурный анализ педагогических явлений должен, на наш взгляд, также учи-

тывать эту *фундаментальную особенность российской культуры в сложном сочетании различающихся паттернов*. Этот подход может быть применен и к *актуальным явлениям и процессам* в отечественном образовании, и к *ретроспективно* изучаемым педагогическим явлениям.

Анализируя социокультурную концепцию Н. А. Бердяева [2], К. М. Кантор перечислил целый набор антиномий российской культуры, в их числе – «недостаточное развитие личного начала и общинно-государственный коллективизм», «всечеловечность, всемирная отзывчивость и деревенский кругозор и равнодушие к миру», «безличностный коллективизм и безколлективность личности» [10, с. 75]. И этот перечень оппозиций явно шире, чем дуальная оппозиция «антропоцентризм – социоцентризм», предложенная профессором С. Г. Новиковым в качестве объяснительной основы специфики педагогических идей К. Д. Ушинского.

Поэтому нам представляется необходимым выделить некоторые, наиболее методологически значимые, дуальные оппозиции, которые раскрывают сущность педагогической концепции К. Д. Ушинского не только в контексте его исторической эпохи, но и в общем строе российской культуры.

В качестве базовой и методологически значимой мы полагаем возможным установить культурную оппозицию «исконное – заимствованное», которая может быть детализирована в культурных оппозициях «социоцентризм – антропоцентризм», «натуроцентризм – теоцентризм» и др.

Каждую из этих культурных оппозиций можно представить как двусоставное социокультурное единство (бета-паттерн). Взятые вместе, они формируют устойчивую бета-паттермальную конфигурацию российской культуры и её воспроизводства в системе воспитания, представленную в снятом виде в наследии К. Д. Ушинского, которая сегодня создает основу для определения национальной специфики российского образования.

Исконное – заимствованное

Культурная оппозиция «исконное – заимствованное» задаёт методологический уровень для социокультурного осмысления наследия К. Д. Ушинского, в котором интегрирован опыт отечественной и зарубежной педагогики.

Видный историк педагогики Е. Н. Медынский подчеркивал, что К. Д. Ушинский «является основоположником русской педагогической науки», но «это положение отнюдь не следует понимать в том смысле, что до Ушинского в русской педагогике не было ничего оригинального. Наоборот, и в практике, и в теории воспитания русский народ дал много ценного в XVII, XVIII и первой половине XIX в. (братские школы, педагогические идеи Бецкого, Радищева, Новикова, Ломоносова, Сковороды, Герцена, Белинского) [13, с. 11]. То есть научно-педагогическая ветвь, открытая К. Д. Ушинским, выросла на почве национальной педагогической практики, и именно поэтому новаторские идеи оказались близки и понятны русскому учительству, не были отторгнуты и с восторгом восприняты обществом.

К центральной идее своей педагогической системы – идее народности воспитания – К. Д. Ушинский пришел в ходе подготовки к публикации обзоров зарубежных систем образования для «Современника» и «Библиотеки чтения». Именно в сравнительном педагогическом исследовании открылись закономерные связи культуры и подходов к организации образования в различных странах.

Наиболее полно эти закономерности представлены в одной из самых важных статей К. Д. Ушинского «О народности в общественном воспитании», впервые опубликованной в «Журнале для воспитания» за 1857 год (№ 7, 8). Один из выводов статьи: «У каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому заимствование одним народом у другого является невозможным» [21, с. 165]. И затем в первом томе своего главного труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», развивает эту мысль, подчер-

кивая угрозы слепого и необдуманного переноса инокультурных моделей образования: «Можем ли мы ручаться, что та же английская школа, только переведенная на русский язык и перенесенная к нам, не даст худших результатов, чем те, которые даются нашими традиционными школами?» [22, с. 50].

Е. Н. Медынский отмечал, что наряду с «прогрессивными сторонами идеи народности, в понимании ее Ушинским, в ней имеются, однако, и консервативные черты: Ушинский считал характерной, якобы присущей русскому народу чертой патриархально-религиозную нравственность» [16, с. 29].

В редакционном предисловии ко второму тому, в котором собраны статьи К. Д. Ушинского, в извинительном тоне отмечается, что на трактовках народности «сильно сказался либерализм Ушинского, он внес и консервативные черты: признание, что русскому народу будто бы присущи «задушевные принципы патриархального быта» и религиозность» [23, с. 7].

Русский педагог Лев Николаевич Модзалевский, размышляя о народности в воспитании по К. Д. Ушинскому, о потребности иметь национальную школу, отвечающую народным нуждам, удовлетворяющую наклонности и дарованиям именно русского юношества, ярко показал неприятие идеи народности в учительской среде: «У нас "народную" школу называют только "мужицкая" школа, которую можно было бы гораздо точнее назвать "начальной" – по примеру французской *Ecole primaire*; у нас нет "народных" учителей, кроме деревенских бедняков-тружеников, и самое название "народный" унижено до того, что иной учитель гимназии обидится, если это название применят к нему или к его школе. Нам, или многим из нас, хочется быть только европейцами, и по языку, и по нравам и обычаям, и по взглядам и понятиям, и по облику, и по устройству общественного и семейного воспитания, отчасти французского, отчасти немецкого, отчасти английского и меньше всего – русского. Народность для многих из нас не нужна и даже противна: мы представляем её "мужикам и бабам"». [14, с. 155].

В этом высказывании подчеркнуты крайне западнические ориентиры русского педагогического сообщества, которым противостояли славянофильские идеи народности и соборности. И рассуждение об оппозиции «исконное – заимствованное» составляло сущность спора славянофилов и западников о судьбах народного образования.

Оценка зарубежного опыта для К. Д. Ушинского не сводилась только к описанию увиденного им самим за границей; на основе критического обобщения он указывал на возможность применения в России лучших идей и практических методов. Согласимся здесь с мнением Е. Н. Медынского, отметившего, что «при разработке педагогической теории Ушинский считает необходимым критически использовать всё ценное, что было высказано главнейшими представителями педагогической мысли всех стран» [13, с. 12]. Таким образом, универсалистские взгляды К. Д. Ушинского преодолевали крайности на уровне антиномии «исконное – заимствованное», что создавало предпосылки для уникального способа сочетания отечественных педагогических традиций и передового зарубежного педагогического опыта. В истории русской социальной мысли этот феномен обозначен как «русский европеизм».

Таким образом, оппозиция «исконное – заимствованное», отражающая проблему разграничения отечественного педагогического опыта и опыта зарубежной педагогики, является наиболее общей методологической репрезентацией оппозиций культур Востока и Запада. Полагаем, что и обращение К. Д. Ушинского к антропологическим идеям – это проявление его стремления соблюсти некий баланс между европейским идеалом просвещенного человека и его русской конкретизацией.

Социоцентризм – антропоцентризм

Всё научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского объединяется вокруг теоретического основания, названного им педагогической антропологией и в середине

века XIX предвосхитившего западноевропейскую педагогическую антропологию начала XX века.

При этом идеи К. Д. Ушинского хорошо раскрываются относительно культурной оппозиции «социоцентристское и антропоцентристское» (в этом мы полностью согласны с Н. Г. Новиковым). Это один из корней российского императива воспитания, обозначенный культурологами как антитеза «коллективно-совместной» и «изолированно-индивидуальной» направленности [9, с. 82] русской культуры. Здесь ярко представлен не только паттерн Запада и паттерн Востока, но и паттерн России, которая личное начало Запада адаптирует к Востоку, а коллективное начало Востока – к Западу.

Действительно, дуальная оппозиция индивидуального и общинного идеалов воспитания очень важна в контексте анализа социокультурных истоков концепции народного образования К. Д. Ушинского.

Однако, полагаем, данная оппозиция «социоцентризм и антропоцентризм» – это не два разнополюсных социокультурных пространства, разнесенных далеко друг от друга, а двусоставное социокультурное единство (бета-паттерн). И поиск идеала российской педагогики, который лежит в основе становления отечественной педагогической науки, не исчерпывается только единственной парой «социоцентристское и антропоцентристское».

Социокультурная методология, дополненная историко-генетическим методом, дает возможность обнаружить в воспитательном императиве, сложившемся в России, доминанты и других методологически значимых дуальных оппозиций, в своем пределе достигающих антиномичности, т. е. обладающих качествами принципиальной неразрешимости (по И. Канту).

При обращении к педагогическому наследию К. Д. Ушинского и тому социокультурному контексту, в котором оно сформировалось, выделение в целях анализа только одной линии дуальных оппозиций «социоцентристское и антропоцентристское» (даже в случае

дополнения ее синтетичным бета-паттерном), на наш взгляд, является не полным и явно недостаточным. Это лишь одна линия формирования идеала воспитания в России, который действительно вырабатывался не только в русле поиска границ «социального» и «индивидуального» развития. В дополнение к антиномии «социоцентристское и антропоцентристское» мы можем выделить, как минимум, еще оппозицию «*натуроцентризм – теоцентризм*», которая раскрывает задачу выбора идеала воспитания сообразно природе ребенка или в уподоблении её образу Создателя.

Теоцентризм и натуроцентризм

Дуальная оппозиция «*теоцентризм и натуроцентризм*» во многом определяла характер воспитания в России в XIX – начале XX веках.

Наследие К. Д. Ушинского в свете анализа этой дуальной оппозиции очень показательно: *основная идея его антропологии, по сути, натуросообразна*. Из природы ребенка, его физического статуса, Ушинский выводит идеал восхождения духовной самоорганизации личности; этому, собственно говоря, посвящен весь первый том его главного труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Антропологический метод им выстраивается как единство физиологической и психологической линий развития растущего организма. Ушинского при жизни упрекали в недостаточной религиозности его воспитательной концепции, а советские ученые, наоборот, в извинительном тоне говорили о религиозности ученого, который все-таки был на подступах к «материалистической философии» (Е. Н. Медынский). При этом К. Д. Ушинский, по воспоминаниям современников, был «искренне преданный правительству человек, глубоко религиозный и честнейший гражданин» [18, с. 103].

Идеи педагогической антропологии К. Д. Ушинского формируют мощный бета-паттерн с идеями христианской педагогики

(«современная педагогика выросла на христианской почве и дня нас нехристианская педагогика вещь немислимая» [19, с. 132]). Действительно, гений Ушинского максимально проявился в его антропологическом мировидении, он «целостно рассматривает человека со стороны педагогики, показывает, как формировать человека, учитывая идеи гуманистической педагогики России, Европы, собственный опыт» [8, с. 56].

Таким образом, в контексте исследования наследия К. Д. Ушинского важно отметить глубокую связь идеалов русского европеизма с идеалами европейского просвещения. «Русский европеизм первой половины XIX века иногда именуют "просвещенческим европеизмом" из-за растущего увлечения идеей европейской просвещенности, – отмечает профессор Е. В. Мареева, – но ее воплощением уже считают не французское Просвещение, а немецкий идеализм, представленный учениями Шеллинга и Гегеля» [12, с. 20]. И далее, рассуждая о сущности русского европеизма, Е. В. Мареева обращается к мнению русского философа Г. П. Федотова, который в «Письмах о русской культуре» выделял два отношения русского общества к Европе: с одной стороны – склонность подражать Европе, а с другой – желание развивать «культурную идею Европы» на русской почве. Первое, по его мнению, породило наших «западников», а второе – «русских европейцев» [Цит. по: 12, с. 20]. К. Д. Ушинского, без сомнения, можно отнести к типу «русских европейцев», что многое объясняет в его педагогической концепции, органично сочетающей идеи традиционного народного воспитания и идеи западноевропейского просвещения.

Оценивая наследие К. Д. Ушинского с позиции соответствия сложному строю российской культуры, необходимо еще раз подчеркнуть, что великому русскому педагогу, стоящему у истоков российской педагогической науки, удалось отразить сущность

и специфику отечественного образования как явления национальной культуры. Однако при анализе социокультурных контекстов, определивших строй педагогического мировидения К. Д. Ушинского, нужно учитывать разницу контекстов «истории педагогических идей» и «истории культуры» (об этом неоднократно писали отечественные историки, культурологи, философы). Соотнесение этих контекстов дает возможность обнаружить соответствие научно-педагогических идей К. Д. Ушинского российскому культурному типу.

Его главный труд «Педагогическая антропология. Человек как предмет воспитания», на наш взгляд, стал попыткой практического воплощения идеи «русского европеизма», призывающего идти не по пути переноса на русскую почву европейских ценностей и идей, а по пути самоопределения русской культуры и цивилизации относительно них.

Этот подход великого русского педагога обеспечил формирование российской педагогической науки, а также дал импульс к обновлению национальной системы образования в России XIX века. Признание педагогики частью российской культуры, отражающей её общие черты и специфику, открывает возможность рассмотреть научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского как новый для его времени «культурный феномен», выросший на стыке традиций русской национальной школы и идей западноевропейского просвещения. При этом речь идет именно о принципиально новом феномене, который в большей мере соответствует идеологии русского европеизма, сочетающего универсализм и национальную специфику во всем многообразии бета-паттернальных конфигураций российской культуры.

Представленный нами вывод об социокультурном универсализме концепции К. Д. Ушинского основывается на обнаружении в историко-культурном контексте его эпохи антиномичных социокультурных кон-

текстов, сильно влияющих на формирование идеала воспитания. Среди таких контекстов наиболее значимыми для определения педагогического идеала мы выделяем культурную оппозицию методологического уровня «исконное – заимствованное» и детализирующие её оппозиции «социоцентризм и антропоцентризм» (введено Н. Г. Новиковым), а также «натуроцентризм – теоцентризм». И этот список оппозиций, на наш взгляд, может быть продуктивно продолжен.

Взятые вместе, эти и, возможно, другие оппозиции формируют устойчивую, трудно изменяемую бета-паттернальную конфигурацию российской культуры и её воспроизводства в системе воспитания, представленную в снятом виде в наследии К. Д. Ушинского. И сегодня эта бета-паттернальная конфигурация создает основу для определения национальной специфики современного российского образования. Именно поэтому междисциплинарный подход, представленный в данной статье, можно признать открывающим новое направление в исследованиях истории и методологии отечественной педагогики. При этом социокультурный анализ педагогических явлений должен основываться на разрешении фундаментальных философских вопросов о том, как антиномии российской культуры соотносятся, противостоят или переходят друг в друга, формируя собственное качество русского европеизма.

С. И. Гессен провидчески отмечал, что «...самые отвлеченные философские вопросы имеют практическое жизненное значение, что пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы» [6, с. 20]. В этом высказывании мы видим призыв к детальному и всестороннему осмыслению наследия великого русского педагога К. Д. Ушинского и выявлению философско-культурологического ядра его научно-педагогической концепции, созвучного запросам нынешнего этапа ценностно-смыслового обновления отечественного образования.

Список литературы

1. Астафьева Е. Н. Современные пособия по истории педагогики // Историко-педагогический журнал. 2014. № 1. С. 206–214.
2. Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. Репринт, воспроизведение изд. 1918 г. Москва: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
3. Богуславский М. В. Создатель русской национальной педагогики К. Д. Ушинский (к 200-летию со дня рождения) // Вестник образования России. 2023. № 2. С. 72–80.
4. Богуславский М. В. Ценностные ориентации российского образования в первой трети XX в. // Педагогика. 1996. № 3. С. 72–75.
5. Гончаров Н. К. Педагогическая система К. Д. Ушинского. Москва: Педагогика, 2019. 272 с.
6. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Москва: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
7. Донцов Д. А. Методология К. Д. Ушинского как основа отечественной педагогики и педагогической психологии. Педагогика. 2017. № 8. С. 34–42.
8. Иванова С. В., Елкина И. М. Антропология vs педагогическая антропология Ушинского // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 2, № 2 (92). С. 51–58.
9. Кантор К. М. Двойная спираль истории: Историсофия проектизма. Т. 1. Общие проблемы. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 904 с.
10. Кантор К. М. Россия – бета-паттернальный ансамбль // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 73–85.
11. Кантрев П. Ф. Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. Сборник статей. Санкт-Петербург, 1896. С. 41–56.
12. Мареева Е. В. «Русский европеизм» и его исторические типы в свете диалектики особенного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 17–32.
13. Медынский Е. Н. Великий русский педагог К. Д. Ушинский // Памяти К. Д. Ушинского / Под ред. Е. И. Медынского / Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. Ученые записки. Том XXXIII. Москва, 1946. С. 5–28. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/pamyati-ushinskogo_uchenye-zapiski-mgpi_33_1946/go;0;fs,1/
14. Модзалевский Л. Н. О народности в воспитании по Ушинскому // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. Сборник статей. Санкт-Петербург, 1896. С. 151–164.
15. Новиков С. Г. Идеалы воспитания в России на изломе XIX–XX вв.: социокультурный контекст интеллектуальных поисков // Проблемы современного образования. 2023. № 3. С. 105–114.
16. Новиков С. Г. Культурно-генетические основы воспитания в России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 10 (173). С. 4–11.
17. Новиков С. Г. Наследие К. Д. Ушинского: ретроспективный взгляд сквозь призму трансдисциплинарной методологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 4 (177). С. 4–8.
18. Семенов Д. Д. Деятельность К. Д. Ушинского в Смольном институте. (По личным воспоминаниям автора) // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. Сборник статей. Санкт-Петербург, 1896. С. 67–104.
19. Семенов Д. Д. Педагогические идеи К. Д. Ушинского // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. Сборник статей. Санкт-Петербург, 1896. С. 105–134.
20. Указ Президента РФ от 12.05.2023 N 343 (ред. от 26.06.2023) "О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования". [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446951/

21. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 2: Педагогические статьи, 1857–1861 гг. 1948. 655 с. [Электронный ресурс] URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t2_1948/
22. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 8: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии, т. 1. Москва-Ленинград, 1950. 776 с. [Электронный ресурс] URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t8_1950/fs,1/
23. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 9: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии, т. 2. Москва-Ленинград, 1950. 628 с. [Электронный ресурс] URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t9_1950/fs,1/
24. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 10: Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». Москва-Ленинград, 1950. 668 с. [Электронный ресурс] URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t10_1950/fs,1/
25. Ярошенко Н. Н. Основные этапы историко-педагогических исследований социально-культурной деятельности в России конца XIX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2(88). С. 114–127.

*

Поступила в редакцию 29.08.2023

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ IP-КУЛЬТУРЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ

УДК 374 : 004.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-144-152>

Н. В. Лопатина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: dreitser@yandex.ru

О. П. Неретин

Федеральный институт промышленной собственности,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: neretin@rupto.ru

Аннотация: Статья посвящена теоретической разработке задач цифровой педагогики в проекции научно-технического просвещения. Исследование нацелено на создание педагогического инструментария, отвечающего реалиям современной цифровой среды и новой философии устройства социально-гуманитарной сферы. Разработка осуществлена на примере концептуального проектирования цифровых решений просветительских проектов национального уровня в области интеллектуальной собственности. Конкретизированы параметры теоретического обеспечения концептуальными и процедурными моделями, наборами данных, формирующих «образовательный контент», типовыми моделями их структурирования как основы для обучения нейросетей логике содержания обучения в ходе педагогического проектирования. Раскрыты возможности привлечения технологий искусственного интеллекта для рационального использования кадрового потенциала в рамках создания и адаптации контента, для поддержания заданного уровня образовательной среды в условиях ретрансляции просветительского контента. Представлены конкретные разработки системы IP-просвещения как объекта цифрового педагогического проектирования: базовая модель формирования IP-культуры, включающая модельную программу; конструктор просветительских программ в сфере интеллектуальной собственности, в том числе, методы настройки базовой модели в соответствии с дифференциацией целевой аудитории. Представленные концептуальные разработки рекомендуются в качестве универсального теоретического инструмента дизайна информационного пространства научно-популярных знаний.

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры

НЕРЕТИН ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности

LOPATINA NATALYA VIKTOROVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture

NERETIN OLEG PETROVICH – DSc in Economic Sciences, Director of the Federal Institute of Industrial Property

© Лопатина Н. В., Неретин О. П., 2023

Ключевые слова: педагогическое проектирование, цифровая педагогика, интеллектуальная собственность, IP-культура, IP-просвещение, образование в сфере интеллектуальной собственности, искусственный интеллект.

Для цитирования: Лопатина Н.В., Неретин О.П. Педагогическое проектирование IP-культуры: концептуальная основа для цифровых решений // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 144–152. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-144-152>

PEDAGOGICAL DESIGN OF IP CULTURE: CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR DIGITAL SOLUTIONS

Natalia V. Lopatina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: dreitser@yandex.ru

Oleg P. Neretin

Federal Institute of Industrial Property,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: neretin@rupto.ru

Abstract: The article is devoted to the digital pedagogy's theoretical development in the projection of the scientific and technical education. The research is aimed at creating pedagogical tools that meet the modern digital environment and the new socio-humanitarian sphere's philosophy. The research was carried out on the example of the digital solutions' conceptual design for educational projects at the national level in the field of intellectual property. The parameters of theoretical provision with conceptual and procedural models; sets of data forming "educational content"; standard models of their structuring as a basis for teaching neural networks the logic of the content of learning in the course of pedagogical design are specified. The possibilities of using artificial intelligence technologies for the rational use of human resources in the creation and adaptation of content; to maintain a given level of the educational environment in the conditions of retransmission of educational content are revealed. Specific developments of the IP-education system as an object of digital pedagogical design are presented: a basic model of IP-culture formation, including a model program; a designer of educational programs in the field of intellectual property, including methods for configuring the basic model in accordance with the differentiation of the target audience. The presented conceptual developments are recommended as a universal theoretical tool for the design of the information space of popular science knowledge.

Keywords: pedagogical design, digital pedagogy, intellectual property, IP culture, IP education, education in the field of intellectual property, artificial intelligence.

For citation: Lopatina N. V., Neretin O. P. Pedagogical Design of IP Culture: Conceptual Framework for Digital Solutions. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 144–152. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-144-152>

Актуальные геополитические вызовы выводят на повестку дня современной науки создание педагогического инструментария, отвечающего реалиям современной цифровой среды и позволяющего реализовывать идею интеллектуального суверенитета [5]

как философии современного устройства социально-гуманитарной сферы.

Праформы и этапы зарождения цифровой педагогики в истории наук об образовании и истории образовательных практик рассмотрены в исследованиях Дж. Стоммела

[11], А. А. Скулкина [6] и других. Теоретико-педагогические и философские основания цифровой педагогики определены Д. Левиным и Д. Ланди [12], а также – рядом других авторов, разрабатывавших это проблемное поле на начальных этапах становления и утверждения. Между тем нельзя считать методологический срез полностью освоенным в силу континуума социально-информационных трансформаций и появления педагогической феноменологии нового качества. Подвижность и метафоричность понятийного аппарата, установок методологического поиска обозначена либо прослеживается в работах Е. Ю. Илалтиновой, Т. К. Беляевой, И. В. Лебедевой [2], А. В. Браникова [1], В. И. Токтаровой, Д. А. Семеновой, А. Е. Шпак [8], других авторов, что позволяет говорить о формировании многовекторного исследовательского поля.

Несмотря на новизну цифровой педагогики как композитного научно-практического направления, уже устоялось её рассмотрение в проекции автоматизированных технологий и электронных информационных сред преподавания и обучения. Вместе с тем, разработка цифровой педагогики в дискурсах цифровой гуманитаристики показывает несколько иной *modus procedendi*. Это расширяет её предмет процессами педагогического моделирования и проектирования как основы для непосредственного функционирования педагогических систем в гибридных информационных средах. Однако, как показывают критические обзоры современного массива научных публикаций по данной проблеме (например, в [3]), интерес большей части исследователей концентрируется непосредственно на применении технологических разработок в процессах преподавания курсов.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в педагогическом проектировании не только формирует исследовательский профиль в зоне междисциплинарной коммуникации педагогических, информационных и когнитивных наук, но и выступает критерием идентификации проактивности образования

как социального института, его способности к воспроизводству на новом витке развития информационных технологий в русле критического и амбивалентного взгляда на цифровую педагогику. Разработка вопросов педагогического проектирования в поле цифровой педагогики целесообразна в нескольких ракурсах. Первым из них, безусловно, выступают дидактика и архитектурика образовательного пространства на микроуровне [9], вторым – содержание обучения в логико-смысловом и информационно-ресурсном аспектах, третьим – учебная аналитика.

Принципиальное значение имеют и задачи масштабирования образовательных программ, педагогических систем в отличающихся условиях и ситуациях. Например, в рамках дифференцированного подхода – распространение педагогической системы на новые целевые аудитории как процесс, требующий настройки содержания, методики, организационно-педагогических условий в соответствии с целевой направленностью и спецификой обучающихся. Решение этих задач является условием реализации на микроуровне (уровне отдельных организаций) идей единого образовательного пространства, в том числе, для разработки типовых решений для образовательных платформ.

Таким образом, практическая ориентация современных разработок в области автоматизированных образовательных информационных систем определяет целесообразность привлечения технологий искусственного интеллекта для рационального использования кадрового потенциала педагогического проектирования в рамках задач создания контента, адекватного особенностям целевой аудитории, для поддержания качества образовательного процесса и первоначально заданного уровня образовательной среды в условиях ретрансляции педагогического процесса. Вместе с тем поставленный круг задач определяет необходимость теоретического обеспечения их решений (а) концептуальными и процедурными моделями; (б) наборами данных, формирующих «образовательный контент»;

(в) типовыми моделями их структурирования как основы для обучения нейросетей логике содержания дисциплины в ходе педагогического проектирования.

Предлагаем в этой работе рассмотреть пример создания концептуальной основы для цифровых решений задач педагогического проектирования просветительских проектов национального уровня в области интеллектуальной собственности.

Система IP-просвещения как объект педагогического проектирования. Специфика решения поставленной задачи определяется, как минимум, тремя ключевыми моментами:

1) *особенностями объектно-предметного комплекса педагогического процесса, то есть системы характеристик и компетенций, определяющих поведение и активность различных групп населения в сфере интеллектуальной собственности.* (Результаты разработки этого вопроса представлены в статье Н. В. Лопатиной и Ю. В. Рыбаковой [4]. IP-культура интерпретируется сквозь призму информационно-когнитивного, аксиологического, коммуникативного, рефлексивно-деятельностного компонентов готовности личности к применению прав интеллектуальной собственности в её творческих, интеллектуальных и потребительских практиках);

2) *отличительными позициями IP-просвещения как элемента непрерывного образования в сфере интеллектуальной собственности:*

- социально-информационным характером воздействия,
- дополнительностью, то есть отсутствием обязательного системного характера педагогического результата – такого, как представления, знания, взгляды, навыки, интересы, отношения различного содержания, глубина, устойчивость;
- вариативностью «практического выхода»: применение, понимание, мотивация, общий кругозор, социальное одобрение [4];

3) *своеобразием организационных механизмов системы IP-просвещения:*

- полиакторностью,
- дифференциацией целевых аудиторий, выстраиваемой в русле деятельностного подхода,
- фрагментарной декомпозицией в зависимости от целеполагания,
- альтернативными траекториями формирования,
- вариативностью логики программ,
- средовым подходом в организации и реализации образовательных и просветительских программ.

Система IP-просвещения как объект педагогического проектирования в проекции машинного обучения определяет комплексную цель – создание технологий и инструментов, позволяющих разрабатывать разнообразие просветительских и образовательных программ единой целевой направленности в русле дифференцированного подхода к целевым группам при логико-смысловом единстве их содержания.

Для реализации этой цели необходимо решить ряд принципиально новых научных задач в рамках цифровой педагогики и теории информационных процессов и систем:

- 1) построение *базовой модели* формирования IP-культуры, раскрывающей структуру IP-просвещения и обеспечивающей распознавание и анализ компонентов, границ их функционирования, характера механизмов изменчивости;
- 2) разработка на основе базовой (универсальной) модели шаблона механизмов педагогического и социально-информационного воздействия, позволяющего достичь поставленных целей в типовых организационных условиях (*модельной программы формирования IP-культуры*);
- 3) разработка *конструктора* образовательных и просветительских программ в сфере интеллектуальной собственности как инструмента масштабирования их реализации в условиях разнообразия целевых аудиторий.

Базовая модель формирования IP-культуры. Базовая модель формирования IP-культуры представляет собой концептуальную модель социально-педагогического проектирования, раскрывающую фундаментальные свойства и принципы IP-просвещения как педагогического процесса. Разработанная модель включает иерархию целеполагания («дерево целей»), методологическую базу, систему ориентиров и ожидаемых результатов, институциональную и ролевую структуру образовательных систем, систему педагогических, просветительских и иных социально-информационных инструментов, систему связей, определяющих вариативность элементов.

Дерево целей IP-просвещения представлено социальными и педагогическими целями макроуровня («вершина дерева», представляются в базовой модели), социальными и педагогическими целями мезоуровня (уровень отдельных институтов систем образования и просвещения, конкретных программ и проектов национального, регионального, отраслевого уровня) и педагогическими целями микроуровня (непосредственно цели педагогического процесса, реализующего образовательные и просветительские программы).

Социальная цель макроуровня определяется стратегической повесткой как «повышение уровня осведомленности общества о результатах научной и научно-технической деятельности, инновационных продуктах и решениях, вовлечению молодежи и студентов в профессиональную научно-техническую и инженерную деятельность, повышению изобретательской активности, росту восприимчивости общества внедрению современных технологий и инновационных продуктов и услуг в производственную деятельность и повседневную жизнь» [10].

Педагогическая цель – дифференцированное формирование у различных групп населения IP-культуры, то есть готовности к применению правовых и этических норм интеллектуальной собственности в собственных творческих, интеллектуальных

и потребительских практиках, к использованию типовых моделей поведения в процессе создания и оборота интеллектуальной собственности, включающих позитивный эмоциональный компонент потребления результатов интеллектуальной деятельности. Педагогическая цель конкретизируется в зависимости от объекта просветительской деятельности и/или направленности просветительского проекта. Например, для просветительских проектов, направленных на инновационно активных инженерно-технических работников, конкретизированным целевым ориентиром может быть формирование способности к эффективному взаимодействию с национальными институтами интеллектуальной собственности и выполнению базовых операций по оформлению, охране и обороту интеллектуальной собственности.

Методологическая платформа, которая определяет остальные компоненты базовой модели IP-просвещения и на которой они базируются, объединяет расширительную трактовку субъекта IP-культуры [4]; деятельностный подход, учитывающий их статусную и ролевую встроенность в сферу создания и оборота интеллектуальной собственности; дифференцированный подход, основанный на понимании неоднородности IP-культуры у представителей различных социальных групп; компетентностный подход, трактующий IP-культуру как комплексную характеристику [4] и культурологический подход, добавляющий к компетентностным ориентирам (готовность к осуществлению конкретных правовых и экономических действий) все базовые компоненты культуры личности: информационно-когнитивный, аксиологический, коммуникативный, рефлексивно-деятельностный.

Проектирование системы IP-просвещения ориентируется на следующие результаты:

- 1) формирование социально активных субъектов научно-технического творчества, способных на базовых уровнях управлять интеллектуальной собственностью;

- 2) построение среды, благоприятной для инновационного роста, мотивирующей изобретательскую активность, дружественную для развития института интеллектуальной собственности в современных политических и экономических условиях.

Обозначенные элементы определяют типы социальных практик формирования IP-культуры (образовательные, просветительские, социально-информационное взаимодействие, неспецифические), что, в свою очередь, устанавливает границы, определяет институциональную и ролевую структуру педагогических систем целенаправленного просвещения в сфере интеллектуальной собственности, а также – систему педагогических, просветительских и иных социально-информационных инструментов, систему связей, определяющих вариативность элементов. На сегодняшний день мы говорим как о специально организационных просветительских проектах и программах в системах корпоративного образования – библиотеках, центрах интеллектуального творчества в рамках организованной внеурочной деятельности школьников, о просветительских Интернет-проектах, так и об информационной среде неформального образования, самообразования, любительской деятельности.

Принципиальным элементом базовой модели выступает методика дифференциации целевых аудиторий, в основе которой обусловленность компетентностных педагогических ориентиров, содержания и форм просветительских программ деятельностью спецификой; социально-демографическими критериями (возраст, пол, профессиональный статус, роль в инновационных процессах и характер экономической активности, уровень образования, место проживания); психографическими и поведенческими критериями (образ жизни, тип личности); социальной роли в сфере интеллектуальной собственности (субъект изобретательской и инновационной активности; потенциальный субъект изобретательской и инновационной активности;

субъект потребительской деятельности; лицо, принимающее управляющие решения; предприниматель; агенты влияния в сфере интеллектуальной собственности; агенты развития культуры интеллектуальной собственности).

Модельные программы представляют собой научно-обоснованные и готовые к внедрению (с учетом масштабирования) шаблоны механизмов организации и реализации IP-просвещения и содержат принципиальные положения, концептуальную и содержательную основы, которые целесообразны для формирования IP-культуры у конкретной социальной группы.

Конструктор образовательных и просветительских программ в сфере интеллектуальной собственности. Поставленная задача разработки дифференцированных просветительских программ единой целевой направленности может быть решена посредством конструктора – инструмента, позволяющего посредством технологий искусственного интеллекта приводить модельную программу IP-просвещения в соответствие с целями и особенностями педагогического воздействия на конкретную целевую группу. Вместе с тем, первые опыты применения нейросети для адаптации образовательных программ показывают «механический» характер преобразований и комплексирования программно-содержательных компонентов, что снижает их педагогический потенциал. Это определило необходимость процедурного моделирования этого процесса на основании следующих условий:

- а) организационная форма просветительских программ – единичные просветительские мероприятия / самостоятельные проекты / программы, «встроенные» в комплексные просветительские или образовательные проекты. На данном уровне определяется объем программы, её направленность, методы обучения, организационно-педагогические условия, кадровый ресурс, материальная / информационно-технологическая база и т. д.;

б) соответствие содержания и средств конкретной целевой аудитории – основная (базовая или модельная) программа модифицируется в заданные параметры, отвечающие особенностям и целям конкретной аудитории. В данном случае результатом может стать, программа, адаптированная в соответствии с возрастом / регионом / уровнем образования / отраслью или тифло-адаптированная программа / программа продвинутого уровня, настраиваемая в соответствии с функциональной специализацией (мотивационная, компенсаторная, профессионально-ориентированная, общеразвивающая) или в соответствии с социально-ролевой дифференциацией (предприниматели, занятые просветительской и образовательной деятельностью, «массовый актер» и т. п.).

Основная идея создаваемого разнообразия заключается в том, чтобы посредством определения программно-содержательных параметров конкретной педагогической разработки проектировать и достигать результата IP-просвещения, отвечающего поставленной единой социальной и педагогической цели.

Предлагаем следующие методы настройки базовой модели в соответствии с дифференциацией целевой аудитории:

- масштабирование – увеличение целевой аудитории, одновременно имеющей доступ к просветительской программе при сохранении содержания и единой методики его передачи;
- адаптация – содержательное, дидактическое или организационное приспособление программы IP-просвещения к возрастным и физическим возможностям участия в них;
- специализация – акцентирование содержания программы в области интеллектуальной собственности на углубленное изучение узкого круга профессиональных задач, обладающих

функциональной, отраслевой и иной спецификой;

- конкретизация – акцентирование содержания программы на применение элементов IP-культуры – норм, установок, ценностных компонентов, знаний, представлений, мотивов, готовностей, поведенческих моделей – в рамках конкретной социальной роли личности в сфере интеллектуальной собственности;
- вариация – создание нескольких вариантов программы, ориентированных на индивидуальный выбор одной из множества типовых (модельных) траекторий инновационной деятельности;
- интеграция – встраивание элементов программы IP-просвещения в просветительские проекты, в проекты неформального и дополнительного образования, в информационную инфраструктуру неформального образования (на уровне контента, методических средств, организационно-педагогических условий). Например, интеграция в проекты экономического просвещения, правового просвещения, ситуативно добавленный компонент в просветительские мероприятия, раздел в электронной библиотеке и т. п.
- акселерация – повышение интенсивности освоения элементов IP-культуры посредством комплексирования содержания, целесообразного выбора методического инструментария и организационно-педагогических условий, применяемых в «продвинутой» программе;
- виртуализация – создание виртуального образовательного пространства IP-просвещения, переводящего программу формирования IP-культуры в соответствующие форматы и условия реализации.

Особой задачей, требующей рассмотрения в отдельной публикации, выступает отбор из существующих информационных массивов и аналитико-синтетическая переработка текстов

и данных, формирование адресных наборов данных. В первую очередь речь идет о метаданных как свернутых отражениях знаний, смыслов, текстов, документов, позволяющих нейросети целесообразно фильтровать контент, быстро выходить на уровень объектно-документного анализа и создавать необходимые методические разработки и информационные материалы для конкретных аудиторий, организационно-педагогических условий и ситуаций.

Таким образом, на примере IP-просвещения мы наблюдаем целесообразность системного подхода к просветительской деятельности в различных областях культуры, науки и техники, предполагающего ориентацию на приоритетные задачи социального развития и понимание роли человеческого

капитала в этом процессе. Системная методология выступает ключевым условием взаимодействия системы просвещения с образовательным комплексом страны и региона, взаимосвязи развивающих программ различной адресной и содержательной направленности как основы для построения полноценного и эффективно функционирующего единого образовательного пространства.

Представленные выше концептуальные разработки в области цифровизации просветительской деятельности обладают потенциалом для внедрения в иные отраслевые и междисциплинарные области в качестве универсального теоретического инструмента дизайнера информационного пространства научно-популярных знаний.

Список литературы

1. Баранников А. В. Цифровая педагогика: структура научения в условиях цифровых отношений // Интерактивное образование. 2020. № 5–6. С. 2–12.
2. Илалтдинова Е. Ю., Беляева Т. К., Лебедева И. В. Цифровая педагогика: особенности эволюции термина в категориально-понятийном аппарате педагогики // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 33–43.
3. Другова Е. А., Журавлева И. И., Захарова У. С., Сотникова В. Е., Яковлева К. И. Искусственный интеллект для учебной аналитики и этапы педагогического проектирования: обзор решений // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 107–153.
4. Лопатина Н. В., Рыбакова Ю. В. Формирование IP-культуры населения: концептуальные основания, опыт, актуальные задачи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (107). С. 122–133.
5. Неретин О. П. Интеллектуальный суверенитет экономики России: монография. Москва: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2022. 232 с.
6. Скулкин А. А. Формирование цифрового образовательного пространства: адаптация цифровой педагогики // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 277–280.
7. Соловова Н. В., Дмитриев Д. С., Суханкина Н. В., Дмитриева Д. С. Цифровая педагогика: технологии и методы: учебное пособие. Самара: Самарский университет, 2020. 128 с.
8. Токтарова В. И., Семенова Д. А., Шпак А. Е. Цифровая педагогика: инструменты и сервисы в работе преподавателя. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 279 с.
9. Павличева Е. Н. Применение интеллектуальных цифровых двойников вузов при формировании индивидуальных траекторий обучения // Культура: теория и практика. 2023. № 1 (52) [Электронный ресурс]. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/129/1595/>
10. Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности, утверждена Министерством экономического развития Российской Федерации 24 июня 2017 года. Паспорт программы популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://le->

galacts.ru/doc/programma-populjarizatsii-nauchnoi-nauchno-tekhnicheskoi-i-innovatsionnoi-dejatelnosti-
utv-minekonomrazvitija/

11. Critical Digital Pedagogy: A Collection / Eds. J. Stommel, Ch. Friend, S. M. Morris. Hybrid Pedagogy Inc., 2020. 120 p.
12. Lewin D., Lundie D. Philosophies of Digital Pedagogy // Studies in Philosophy and Education. 2016. № 35. P. 235–240.

*

Поступила в редакцию 05.08.2023

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания
(по областям и уровням образования) (педагогические науки)
5.8.7. Методология и технология профессионального образования
(педагогические науки)

**ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ**

УДК 37.013

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-153-160>

К. К. Онучина

Российский государственный социальный университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: onuchina-k@mail.ru

Е. Л. Кудрина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kudrina_el@mgik.org

Аннотация: Статья посвящена выявлению факторов актуализации формирования здоровьесберегающей профессиональной компетентности специалистов и студентов в сфере высшего образования. Это становится важным в современных социально-политических и социально-экономических условиях существования и развития российского общества с присущими ему множественными трансформационными и инновационными процессами. К числу таких процессов следует отнести информатизацию и цифровизацию сферы высшего образования, её интенсивный переход к виртуальным формам коммуникации, например, электронное и дистанционное обучение. Кроме того, проблемы, связанные с пандемией и информационной войной в мире, обострили интерес к изучению путей и средств сохранения и формирования здоровья субъектов образования на основе формирования медиакомпетенций здоровьесберегающего свойства. Выявлены и охарактеризованы основные

ОНУЧИНА КРИСТИНА КОНСТАНТИНОВНА – старший преподаватель Российского государственного социального университета

КУДРИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, профессор, ректор Московского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы, Российской академии естественных наук, Петровской академии наук и искусств

ONUCHINA KRISTINA KONSTANTINOVNA – Senior Lecturer, Russian State Social University

KUDRINA EKATERINA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, professor, Rector of Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Sciences of Higher Education, Academy of Natural Sciences, Petrovsky Academy of Sciences and Arts

© Онучина К. К., Кудрина Е. Л., 2023

документы, направленные на важность и значимость актуализации формирования здоровьесберегающей профессиональной компетентности специалистов вуза и студентов. В статье сформулированы основные факторы актуализации формирования здоровьесберегающей профессиональной компетентности специалистов: экономические, технологические, природные, информационные, социально-политические и др. Определено, что информационная война в мире есть один из ведущих факторов по актуализации вопросов формирования профессиональной компетентности специалиста здоровьесберегающего свойства. Это выявляет значимость особой подготовки преподавателей вуза и будущих специалистов (студентов), компетентных по вопросам здоровьесберегающего медиаобразования. Нами был сделан вывод: выстраивание здоровьесберегающей и профессиональной компетентности в вузе актуализируется в связи с трансформацией российского общества под влиянием пандемии COVID-19, информационной войны в мире, цифровизации и информатизации всех сфер жизни человека, в том числе, и сферы высшего образования.

Ключевые слова: актуализация, высшее образование, здоровьесберегающая компетентность, здоровьесберегающие медиакомпетенции, медиакомпетенции, профессиональная компетентность, факторы.

Для цитирования: Онучина К. К., Кудрина Е. Л. Факторы актуализации формирования здоровьесберегающей профессиональной компетентности студентов в вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 153–160. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-153-160>

FACTORS OF ACTUALIZATION OF THE FORMATION OF HEALTH-PRESERVING PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS AT THE UNIVERSITY

Christina K. Onuchina

Russian State Social University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: onuchina-k@mail.ru

Ekaterina L. Kudrina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: kudrina_el@mgik.org

Abstract: The article is devoted to identifying factors for updating the formation of health-preserving professional competence of specialists and students in the field of higher education. This becomes important in modern socio-political and socio-economic conditions of the existence and development of Russian society with its inherent multiple transformation and innovation processes. Such processes include informatization and digitalization of the sphere of higher education, its intensive transition to virtual forms of communication, for example, electronic and distance learning. In addition, the problems associated with the pandemic and the information war in the world have heightened interest in studying ways and means of preserving and developing the health of educational subjects based on the formation of health-preserving media competencies. The main documents aimed at the importance and significance of updating the formation of health-preserving professional competence of university specialists and students have been identified and characterized. The article formulates the main factors for updating the formation of health-preserving professional competence of specialists: economic, technological, natural, informational, socio-political, etc. It is determined that the information war in the world is one of the leading factors in updating the issues of developing the professional competence of a health-preserving specialist. This demonstrates the importance of special training for university teachers and future specialists (students) competent in is-

sues of health-saving media education. We came to the conclusion that building health-preserving and professional competence at a university is being updated in connection with the transformation of Russian society, the COVID-19 pandemic and the information war in the world, with digitalization and informatization of all spheres of human life, including the sphere of higher education.

Keywords: actualization, higher education, health-preserving competence, health-preserving media competence, media competence, professional competence, factors.

For citation: Onuchina K. K., Kudrina E. L. Factors of actualization of the formation of health-preserving professional competence of students at the university. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 153–160. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-153-160>

Актуальность изучения факторов формирования здоровьесберегающей профессиональной компетентности специалистов, работающих в сфере высшего образования (имеется в виду, прежде всего, профессорско-преподавательский состав вуза), является не только своевременным, но и уже запаздывающим моментом как для науки, так и для практики высшего образования. Это обусловлено тем, что реальная российская действительность социально-производственной сферы остро нуждается в специалисте, формирующим, сохраняющим и развивающим своё здоровье и здоровье окружающих. В целом эта проблема не нова, и множество исследований по данной проблеме в научном мире успешно осуществляется, и они широко востребованы практикой высшего образования.

Вместе с тем в современных условиях жизни российского общества возникли и получили широкое распространение в системе высшего образования новые явления: удаленная работа, электронное обучение и дистанционное обучение. Они стали реальностью как отражение мировых трендов – эпохи цифровизации, мировой пандемии и мировой информационной войны. В связи с этим возникла острая потребность в специалистах, компетентных в сфере здоровьесберегающего медиаобразования, что также проявляется в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования и требует от студентов овладения универсальными компетенциями, прежде всего, комму-

никативными, в виде новых способов работы с информацией.

Целый ряд правительственных документов и программ свидетельствует об актуальности данной проблемы и необходимости её разрешения: Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года; Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»; Прогноз научно-технологического развития российской Федерации на период до 2030 года; Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313) и др. Заинтересованность по исследуемой проблеме отмечена на государственном уровне в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках планирования и программирования на федеральном уровне, включая «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года».

Отмечаем, что федеральным органам исполнительной власти и исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации в принятой на пра-

вительственном уровне Программе цифровизации общества предписано руководствоваться положениями Концепции при разработке программных документов, планов и показателей своей деятельности. А органам исполнительной власти руководствоваться основными направлениями при разработке программных документов, планов и показателей своей деятельности. Важно, что ведущим направлением, которое относится к развитию информационно-коммуникационных стратегий и технологий в долгосрочной перспективе, в Концепции обозначено *расширение использования информационных и телекоммуникационных технологий для развития новых форм и методов обучения, в том числе дистанционного образования и медиаобразования, создание системы непрерывной профессиональной подготовки в области информационно-коммуникационных технологий*. Эта позиция актуализирует продвижение медиаобразования, которое в настоящее время не только признается и поддерживается на государственном уровне, но и становится уже предметом изучения и пропаганды – как энтузиастов, так и государственных образовательных структур. Это свидетельствует о возросшем уровне востребованности данного направления информационным обществом, о востребованности также данного направления и в педагогике [8].

К числу факторов актуализации проблемы формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций в вузе у студентов, будущих специалистов, прежде всего, следует отнести социально-экономические факторы: трансформацию российского общества, изменение в России направлений и темпов технологического и научно-технического прогресса, агрессивную санкционную политику в мире, в том числе, и в отношении России и др.

Это позволяет рассматривать систему здоровьесберегающего образования, конкурентоспособность специалиста и, прежде всего, *здоровый человеческий капитал* важными ресурсами страны, что весомо актуализирует остроту проблемы сбережения и формирова-

ния здоровья будущих специалистов на этапе обучения студента в вузе.

Текущая ситуация в стране социально-экономического характера и связана с подъемом глобальной международной конкуренции в экономике, что в свою очередь требует специальной подготовки профессионалов, которые были бы способны быстро приспосабливаться к условиям рыночной экономики, в том числе – с целью здоровьесбережения, используя для этого возможности медиаобразования. Подготовка мобильных и конкурентоспособных специалистов в вузе за счёт овладения способами нейтрализации и управления негативной и агрессивной информацией является, на наш взгляд, перспективным направлением развития российского общества, а роль профессионального образования в этом должна быть значительно выше.

Исследователи представили в науке многочисленные подтверждения того, что медиаобразованные граждане используют данный ресурс успешно для адаптации к проявлениям в современном конкурентном мире факторов агрессивного медиaproстранства. Но к этому их надо готовить, в том числе, в вузе, используя достижения науки, прежде всего, медиапедагогике. Активное применение в системе высшего образования информационно-коммуникационных и цифровых технологий является общепризнанным фактом, что привлекает пристальное внимание к этой проблеме исследователей (Бондаренко Е. А., Жилавская, И. В.) и оказывает влияние на формирование новой отрасли педагогике – медиапедагогике.

В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования учитываются требования к выпускникам вуза в формате универсальных компетенций, которые обязательны при обучении различным специальностям. Они содержат знания, умения, навыки, способы деятельности личности коммуникантов, то есть участников различных видов и типов коммуникаций. Мы отмечаем их общий характер, в котором не очень явно прослеживаются именно ме-

диаккомпетенции, но, тем не мене, это знаковый момент для системы высшего образования в возможностях перемещения на новый уровень подготовки специалистов, которые сохраняют и сберегают здоровье субъектов образования. Обоснованием такой идеи является наличие в системе высшего образования хорошей базы для подготовки специалистов – коммуникаторов – медиаторов, компетентных в сфере здоровьесбережения [7, с. 122].

Ознакомившись с деятельностью организаций и их особенностями функционирования в период пандемии COVID-19, мы отметили, что в этом секторе возникла острая необходимость использовать образовательные технологии. Организации начали активно развивать свои онлайн-пространства с возможностью реализации образовательных программ. Были сформированы новые компетенции работников организаций различного уровня в области медийно-информационной грамотности. Данные процессы приводят к выводу, что медиаобразование (его технологии) помогает различной аудитории приспосабливаться к медиа, учит их анализировать и создавать медиатексты и т. д. [4, с. 127].

Обратившись к вопросам информационной культуры, мы понимаем, что эта позиция неразрывно связана с обеспечением *информационной безопасности*. Сегодня площадка Интернета считается самой небезопасной для всех категорий граждан. Безопасность человека любого возраста и статуса в Интернете – глобальная проблема, и это вопрос уже не только технологического характера, а скорее обширная проблема гуманитарной направленности. Как отмечают ученые, исследователи и специалисты в области информационной культуры и безопасности, а также медиаобразования, самым эффективным механизмом от негативного воздействия контента на человека в Интернете является высокий уровень развития человека в интеллектуальном и моральном плане [2, с. 18].

В процессе исследования мы проанализировали и изучили нормативно-правовую и научную психолого-педагогическую лите-

ратуру о сфере высшего образования. Данный процесс позволил сделать вывод о том, что кроме общепрофессиональных и универсальных компетенций, определенных в ФГОС ВО, современный выпускник вуза обязательно должен обладать специальными компетенциями, к которым следует относить медиакомпетенции и рассматривать их как универсальные. Они позволяют ему быть компетентным в цифровом обществе и тем самым уметь противостоять негативным воздействиям медиаресурсов, сберегая на этой основе своё здоровье. Стало очевидно, что современная экономика России всё больше нуждается в специалистах, обладающих глубокими знаниями и способностями, необходимыми для цифрового общества, которые в то же время должны обладать медиакомпетенциями, способствующими эффективной адаптации к агрессивному или «фейковому» медиaprостранству современного общества. Однако система высшего образования, опираясь на идеи медиапедагогики, развивает идеи формирования и развития медиакомпетенций обучающихся студентов не столь активно, как этого требует современное трансформационное российское общество, характеризующееся ковидными факторами мирового свойства. Для реализации этого возникает необходимость поиска дополнительных новых возможностей вуза и системы высшего образования в целом.

За последние годы получило широкое признание формирование современных медиакомпетенций студентов в вузе на основе развития *критического мышления* как способа здоровьесбережения. Оно может осуществляться как в учебном процессе (дисциплины, факультативы и др.), так и во внеучебном пространстве вуза (проекты, клубы, студии и др.). Поиск современных способов формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций активно продолжается и в России, и за рубежом. Поэтому поисковую работу по выявлению источников о развитии у студентов вуза медиакомпетенций, основанную на лучшем научном и практическом опыте,

следует рассматривать как необходимый элемент модернизации экономики России, которая не возможна без специалистов, владеющих инновационными компетенциями, в том числе медиакомпетенциями, а также адаптивных и здоровых. Это отвечает целям и задачам высшего образования, потому что соответствует потребностям обучающихся в вузе студентов в сфере медиаобразования. Формирование и развитие в вузе будущих специалистов, владеющих здоровьесберегающими медиакомпетенциями, в конечном счете, служит прогрессу общества. В связи с этим проблема развития здоровьесберегающих медиакомпетенций обучающихся студентов вуза приобретает особую значимость для современной российской системы высшего образования.

Авторы научных работ, посвященных развитию высшего образования в России, не обошли вниманием данное направление, так Р. Стултс ввел понятие «медиапространство» более сорока лет назад. Новое педагогическое направление – медиаобразование – было сформировано в конце XX века. Специалисты медиаобразования и исследователи в этой области считают, что его различные подходы и технологии помогают лучше адаптироваться в мире медиа и в жизни общества. Это Гендина Н. И., Колин К. К., Ушакова С. В., Sherilin Airton, Dzhuli Pozetti, Yarnyh V. I., Arshad A., Hanan M. A., Saleem N., Farzooq S., Fatima R., Valery Katkalo, Martin Moehrle, Dmitry Volkov, Seemiller C, Grace M. и др.. Несмотря на возрастающий уровень интереса исследователей к данной проблеме, в психолого-педагогической науке и практике остаются малоизученными её важные аспекты, например, работы, посвященные развитию здоровьесберегающих медиаккомпетенций студентов вуза, не нашли своего широкого и глубокого отражения.

В научной литературе представлены работы отдельных авторов, важные для изучения проблемы формирования здоровьесберегающих медиаккомпетенций. Они посвящены, прежде всего, развитию медиакультуры в об-

разовании, что представляет для нас несомненный интерес, так как взаимовлияние медиакомпетенций и медиакультуры бесспорно. Об этом пишут А. М. Атаян, Е. А. Медведева, В. Д. Минкина, Л. А. Нагорная, В. И. Токтарова, А. В. Федоров, Л. К. Шиян и др.

Так В. А. Минкина в качестве идеи развития медиакультуры предлагает рассматривать *интегративный путь*, что согласуется с представлением и других авторов. Сущность идеи заключается в том, чтобы включать в изучение учебных дисциплин не только дидактические, но и *медиаобразовательные задачи*, что способствует обучению студентов приемам познавательной-аналитической деятельности, формирующей систематическое и осознанное, а не механическое, освоение знаний, развивая при этом критическое мышление у обучаемых и воспитывая психически здоровую личность [6].

Авторы Е. А. Медведева, Л. А. Нагорная, Л. К. Шиян и др. предлагают для формирования и развития медиакультуры студентов вуза включать в образовательный процесс обучающихся *специальные учебные медиаобразовательные дисциплины*, что, безусловно, следует оценивать положительно. Но необходимо учитывать, что предлагаемые ими курсы не смогут решать в полном объеме проблемы формирования медиакультуры студентов, хотя во многом способствуют этому. Они предлагают в основном аудиторные формы для развития медиакультуры, но мало внимания уделяют системе самостоятельной работы обучающихся студентов по саморазвитию медиакультуры как способу формирования критического мышления в качестве условия для подготовки здоровьесохраняющего специалиста. Интерес в этом плане вызывает курс А. В. Федорова «Медиаобразование», который направлен на теоретико-концептуальное осмысление медиаобразования и на интеграцию научных знаний, опыта российских медиапедагогов и их зарубежных коллег [8].

Опираясь на труды исследователей – А. А. Амзина, Л. Г. Антоновой, И. В. Жилавской,

М. В. Жижинной, А. Г. Качкаевой, А. М. Шестеринной и др., – можно констатировать, что применение медиатехнологий с учетом здоровьесберегающей медиакомпетентности студентов, обучающихся в вузе, актуальны для будущих специалистов, способствуют освоению теории и практики в современных условиях.

Работы А. Ю. Смирнова, А. В. Шарикова, Б. Ю. Щербакова, Е. Н. Ястребцевой и др. по разным аспектам информационной и медиакультуры человека были изучены нами в направлении поиска идей здоровьесбережения студентов вуза. Привлекли внимание труды Д. З. Ахметовой, Н. М. Долдуновой, О. Л. Шора, Е. Н. Ястребцевой, в которых представлен опыт развития медиакультуры в различных учебных организациях.

Анализ работ, исследующих проблемы формирования медиакомпетентностей студентов вуза, несомненно, позволяет отметить их ценность и важность, а также подчеркнуть, что формирование медиакомпетентностей студентов вуза средствами медиакультуры и медиапедагогики с целью здоровьесбережения обучающихся является самостоятельным и качественно новым исследованием в педагогике, которое ранее не являлось предметом изучения. Обоснованием этого вывода являются следующие позиции:

- *несформированность в науке целостного представления о сущности понятия «медиакомпетентности», ограниченности исследования его здоровьесберегающей природы, формирование которого активно происходит в настоящее время;*
- *неопределенность содержания и структуры понятия «здоровьесберегающие медиакомпетентности студентов вуза» в работах исследователей; имеет место недооценка использования сформированных современных в педагогике научных подходов, к которому относим, прежде всего, здоровьесберегающий подход;*
- *неопределенность в полном объеме возможностей вуза в формировании медиакомпетентностей здоровьесберегающего свойства студентов;*

- *необходимость и актуальность разработки и научно-практического обоснования модели формирования медиакомпетентностей здоровьесберегающего свойства студентов вуза, а также исследование организационно-педагогических условий, способствующих их формированию.*

Анализ психолого-педагогических научных источников, а также практики организаций высшего образования выявил *недостатки*, которые имеют место в неразработанности организационно-педагогических условий, в том числе, модели формирования медиакомпетентностей здоровьесберегающего свойства студентов вуза, будущих специалистов.

Исследование проблемы формирования медиакомпетентностей обучающихся студентов вуза, будущих специалистов, с целью их здоровьесбережения и сотрудников организаций позволило выявить ряд противоречий на различных уровнях:

- *методологический уровень – это противоречие между потребностью российского общества в специалистах, обладающих здоровьесберегающими медиакомпетентностями, и отсутствием научно разработанных организационных моделей, направленных на их развитие в условиях высшего образования;*
- *теоретический уровень – противоречие между имеющимися научными знаниями по формированию здоровьесберегающих медиакомпетентностей студентов вуза и низким уровнем понимания потребности общества в этих исследованиях;*
- *нормативный уровень – противоречие между требованиями ФГОС ВО об уровне и качестве профессиональной подготовки студента, будущего специалиста, обладающего здоровьесберегающими медиакомпетентностями, и отсутствием методических рекомендаций или программ для профессорско-преподавательского состава по их формированию в вузе;*

- *организационный уровень* – *противоречие* между признанием значимости и необходимости формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций студентов вуза и низким уровнем использования для этого возможностей образовательного процесса вуза;
 - *технологический уровень* – *противоречие* между потребностью в разработке и создании организационно-педагогических условий формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций у студентов вуза средствами медиапедагогики и их отсутствием – как в теории, так и на практике.
- Требует также своего разрешения *основное противоречие* между существующей

системой высшего профессионального образования, ориентированной на формирование ключевых компетенций обучающихся, будущих специалистов, и недостаточной разработанностью педагогических средств, направленных на формирование медиакомпетенций здоровьесберегающего свойства обучающихся с помощью медиапедагогики. Стремление найти способы разрешения противоречий, выявленных в процессе исследования, способствовало поиску проблемы, которая заключается в определении *важнейших теоретико-методологических основ, содержания и организационно-педагогических условий формирования медиакомпетенций здоровьесберегающего свойства студентов, будущих специалистов.*

Список литературы

1. Амзин А. А. О переоценке важности новых форматов в российских онлайн-медиа. Сборник статей научно-практической конференции. Под ред. М. С. Корнева. Москва: РГГУ, 2013. С. 9–12.
2. Гендина Н. И. Информационная культура личности в 2-х частях. Часть 1: Учебное пособие для вузов, 2-е изд. Москва: Юрайт, 2022. 356 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/496984>
3. Жилавская И. В. О современной концепции медиаинформационной грамотности и медиаобразования. Москва, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://mic.org.ru/vyp/3-nomer-2012/o-sovremennoy-kontseptsii-mediainformatsionnoy-gramotnosti-i-mediaobrazovaniya/>
4. Зайцев В. Ю. Роль медиаобразования в деятельности современного педагога // Человек и образование. 2011. С. 143–145.
5. Кудрина Е. Л. Медиаобразование и медиаобразовательные технологии как здоровьесберегающий ресурс / Е. Л. Кудрина, К. К. Онучина, В. И. Ярных // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4(40). С. 120–129.
6. Минкина В. А. Современные продукты и услуги: попытка классификации и анализа тенденций развития // Информационные ресурсы России. 1995. № 6. С. 26–29.
7. Онучина К. К., Кудрина Е. Л. Здоровьесберегающие медиакомпетенции студента вуза: сущность и содержание // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 5 (109). С. 120–132.
8. Федоров А. В. Медиаобразование: вчера и сегодня: монография. Москва: Директ-Медиа, 2013. 230 с.
9. Шариков А. В. Медиаобразование: мировой и отечественный опыт. Москва: Изд-во Академии педагогических наук СССР, 1990. 66 с.
10. Шестерина А. М. Особенности конфликтного взаимодействия в медиасфере // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. № 4. С. 347–352.

*

Поступила в редакцию 22.07.2023

КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ЛИДЕРА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ ПО Т. ЧАМОРРО-ПРЕМУЗИЧУ

УДК 378.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-161-170>

М. С. Новашина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: masante@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются «талант и лидерство», а также аспекты эффективной деятельности студентов в эпоху цифровизации с позиции современного бизнес-психолога Томаса Чаморро-Премузича. Талант является важнейшим активом для организаций. Разрыв в производительности между высокоэффективными и средними преподавателями колеблется от 50% на работах низкой сложности до 800% на работах очень высокой сложности. Вот почему в любой команде, подразделении или организации точное измерение коллективной производительности покажет, что небольшая доля людей в группе (20% или менее) несет непропорционально большую ответственность для получения наибольшей доли доходов, результатов, прибыли и т. д. (80% или более). Выявление, мотивация и удержание этих «немногих жизненно важных» сотрудников значительно повышает успех в вузе.

Ключевые слова: педагогика, психология, лидерство, талант, студенты, цифровая эпоха.

Для цитирования: Новашина М. С. Концепция воспитания лидера в цифровую эпоху по Т. Чаморро-Премузичу // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 161–170. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-161-170>

THE CONCEPT OF EDUCATING A LEADER IN THE DIGITAL AGE BY T. CHAMORRO-PREMUZIC

Marina S. Novashina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: masante@mail.ru

Abstract: The article analyzes "talent and leadership", as well as aspects of effective student activity in the era of digitalization from the perspective of modern business psychologist Thomas Chamorro-Premuzich. Talent is an essential asset for organizations. The gap in productivity between high-performing and average teachers ranges from 50% in low-complexity jobs to 800% in very high-complexity jobs. That's why in any team, department or organization, an accurate measurement of collective productivity will show that

НОВАШИНА МАРИНА СЕРГЕЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Московский государственный институт культуры

NOVASHINA MARINA SERGEEVNA – CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of Culture

© Новашина М. С., 2023

a small proportion of people in the group (20% or less) have a disproportionately large responsibility to obtain the largest share of income, results, profits, etc. (80% or more). Identifying, motivating and retaining these “few vital” employees significantly increases success at the university.

Keywords: pedagogy, psychology, leadership, talent, students, digital age.

For citation: Novashina M.S. The concept of educating a leader in the digital age by T. Chamorro-Premuzic. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 161–170. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-161-170>

*Компетентность – это способность;
уверенность – это вера в эту способность*
Т. Чаморро-Премузич

Прошло двадцать лет с тех пор, как McKinsey (международная консалтинговая компания, специализирующаяся на решении задач, связанных со стратегическим управлением) объявила о начале «войны за таланты», постулируя, что люди, в частности высокоэффективные сотрудники, станут ключевым активом организаций, точно так же, как их продукты, услуги, интеллектуальная собственность или бренды. В соответствии с этим представлением организации погружены в то, что можно было бы назвать войной за привлечение и удержание лучших талантов, и этот императив людей является важнейшим фактором организационной эффективности во всех типах отраслей и секторов. Рост подразделений по управлению талантами в отделе кадров департаментов ресурсов (HR) за последние два десятилетия иллюстрирует заметное влияние, «Предпосылка McKinsey» оказала заметное влияние на организации. Фактически большинство элементов управления, традиционных и основанных на процессах персоналом, были автоматизированы с помощью технологий, что сделало управление талантами ключевой стратегической инициативой отдела кадров, а также – официальной попыткой многих организаций выиграть войну за таланты [16, p. 169].

Несмотря на беспрецедентные инвестиции в таланты и почти единодушное принятие идеи McKinsey в течение последних двух десятилетий, нет никаких признаков того, что организации овладели искусством привлече-

ния и удержания талантливых людей или что они хотя бы становятся лучше в этом.

Конечно, некоторые организации могут испытывать оправданное удовлетворение от своей способности привлекать востребованных сотрудников, например, лучших студентов, вундеркиндов в области количественных показателей и лидеров с высоким потенциалом. Но на каждый Google, Goldman Sachs и Amazon приходится тысячи организаций, борющихся за то, чтобы занять ключевые должности сильными кандидатами, что наблюдается даже среди ведущих. В фирмах, вузах России спрос на талантливых специалистов превышает предложение, по крайней мере, в глазах их отделов управления талантами [14].

В настоящее время в связи с пандемией COVID-19 и его мутациями, а также с военными действиями многие работодатели перевели своих сотрудников на дистанционную работу. Новая реальность сейчас выглядит так: вынужденная работа из дома, а это, в свою очередь, может влиять на производительность, баланс между работой и личной жизнью, эмоциональное благополучие и карьерный рост.

Происходит парадокс гибкости работы на дому: мы посещаем больше собраний, отправляем больше электронных писем и работаем дольше. Получатся увеличение на 12,9 процента количества встреч на человека и увеличение продолжительности среднего рабочего дня на 48,5 минут. Это почти час! Более того, согласно отчету «Чего хотят ра-

ботники» за 2021–2023 годы, более 30% работников теперь вынуждены быть педагогами, учителями, служащими и опекунами, работая более продолжительный рабочий день. Таким образом, наш способ работы изменился, и возможность отделять работу от дома влияет на психическое здоровье, производительность и мотивацию сотрудников [14].

Остановимся подробнее. **Томас Чаморро-Премузич (или Томаш Чаморро-Премузик)** – организационный психолог, работающий в основном в области профилирования личности, анализа способностей людей, выявления талантов, взаимодействия между человеческим и искусственным интеллектом и развития лидерских качеств. Этот ученый – главный специалист по талантам в ManpowerGroup, известный международный эксперт в области бизнес-психологии, анализа персонала и управления талантами. Профессор психологии бизнеса Томас Чаморро-Премузич отвечает за руководство Центром передового опыта в области оценки, аналитики и разработки решений, основанных на данных с целью создания новой ценности для клиентов и кандидатов за счет обеспечения предсказуемой производительности. Соучредитель Deeper Signals и Metaprofiling T. Чаморро-Премузич написал более 200 научных статей по психологии талантов, лидерства, инноваций и искусственного интеллекта и 10 книг, в том числе свою известную книгу «Why Do So Many Incompetent Men Become Leaders? (And How to Fix It)» [2; 6]. Именно ему принадлежит оригинальная концепция под названием «Аналитика талантов» о том, как воспитать настоящего лидера в цифровую эпоху.

Он пишет: «Интересный парадокс здесь заключается в том, что, с одной стороны, это глубоко неестественное явление и требование, данное нашей биологии и нашей потребности в личной связи с другими, с другой стороны, одно из фундаментальных, если не самое важное качество, которым обладают люди: невероятная приспособляемость. Есть причина, по которой мы всегда полагались

на технологии, чтобы выполнять работу более эффективно и результативно, и хотя, когда люди создавали Zoom, Microsoft Teams и Slack, программное обеспечение для совместной работы и электронную почту, они не планировали пандемию, все эти технологии позволили нам оставаться социально и эмоционально связанными, даже когда мы работали в режиме реального времени в физической изоляции. Мы должны оставаться устойчивыми, оставаться адаптируемыми и понимать, что это, вероятно, наше самое важное и сильное человеческое качество: адаптивность...» [14].

Большинство лидеров, нынешних студентов вузов, могут стать настоящими тренерами, поэтому виртуальная онлайн-платформа для коучинга действительно важна. Сейчас менеджер (или лидер) должен быть не просто эмоциональным и интеллигентным, обладать харизмой и навыками общения с людьми. Сейчас нужно реализовывать эти качества с помощью масштабирования или команд и использовать «интернет-инструменты». Существуют инновационные технологии, например, платформа для коучинга: RightCoach™. Она демократизирует коучинг и создает виртуальный коучинг по запросу, персонализируя и адаптируя реальные карьерные или личные потребности людей к определенному тренеру с нужным уровнем знаний и опыта. Коучинг имеет совершенно новое измерение, потому что люди должны просить о помощи, когда в прошлом они этого не делали, и им следует повысить свою устойчивость, управлять балансом между работой (или учебой) и личной жизнью. Обязательства сочетаются с другими видами деятельности. «Я всегда говорю своему студенту-психологу, что, хотя рынок труда в ближайшие несколько месяцев может стать более жестким, чем в прошлом году, но они могут быть уверены, что миру понадобится больше тренеров, больше психологов, а организациям потребуется больше профессиональной помощи, потому что мы находимся в уязвимом положении, когда дело доходит до управления собой и управления другими...» [14].

Основные показатели для реализации психологического климата в развитии талантов и будущих лидеров относятся к результатам исследования, касающегося компонентов организационного психологического климата, которые влияют на способность членов организации вести себя определенным образом. Существует шесть параметров, позволяющих это измерить:

1. *Структура*, которая должным образом отражает индивидуальные чувства относительно их положения в организации и имеет четкие роли и обязанности в организационной среде.
2. *Стандарты*, измеряющие давление для улучшения производительности и степень гордости членов за хорошую работу. Высокие стандарты означают, что члены организации всегда пытаются найти способы улучшить производительность. И наоборот, низкие стандарты отражают более низкие ожидания в отношении производительности.
3. *Ответственность* отражает ощущение студентами того, что они «сами себе хозяева» и не нуждаются в том, чтобы их решения были узаконены другими членами вуза.
4. *Признательность*, указывающая на то, что члены вуза чувствуют, что их ценят, если они могут должным образом выполнять поставленные задачи.
5. *Поддержка*, отражающая чувство доверия и взаимной поддержки, сохраняющееся между группами.
6. *Приверженность*, отражающая чувство гордости членов за свой вуз и степень лояльности к достижению организационных целей [18, p. 2360].

Создание позитивного психологического климата в студенческих организациях, в частности и среди студентов высших учебных заведений в целом, может осуществляться, начиная с выявления талантов и типов лидерства, которыми обладают студенты, и заканчивая базовым обучением лидерству. Каждое

сообщество должно быть готово и руководить, и быть руководимым. Независимо от капитала лидеры различаются по своей природе и врожденному характеру, но характер лидера воспитывается и формируется посредством серьезного и дисциплинированного образования; по сути, человеку требуется индивидуальный диалектический процесс взаимодействия с окружающей действительностью. Люди – это существа с дополнительными рефлексиями, воображением, созерцанием, рассуждениями и мышлением, которых нет у других существ. Этот факт должен пробуждать в человеке осознание необходимости укрепления и дальнейшего развития всех его сильных сторон. Найти подходящего лидера в нынешнюю эпоху цифровизации непросто [18, p. 2364–2365].

Каждая организация в мире имеет доступ к одним и тем же технологиям. «Если вы очень старый и высокопоставленный лидер, вас по определению труднее тренировать, и вы будете придерживаться своих собственных взглядов, и будет гораздо труднее убедить вас стать кем-то другим. Итак, чем вы моложе, тем более вы обучаемы» [14].

Большинство изменений обеспечивается (или не обеспечивается) руководством. Важно, чтобы компании продолжали инвестировать в развитие лидерства и в обучение лидерству, особенно молодых менеджеров вуза. Даже если вы раньше были хорошим менеджером, вам, вероятно, все равно нужно чему-то научиться, и это может быть похоже на ускоренный курс по использованию цифровых инструментов для реального управления людьми. Есть замечательные возможности: дать шанс всем участвовать в виртуальной встрече и создать некоторую структуру, чтобы не только один человек объяснял все, а был распределенный баланс мнений и отзывов. Например, если вы стесняетесь и не хотите говорить, вы можете составлять сообщения или использовать опросы обратной связи и т. д. Возможности велики, и молодые люди, студенты, если ими будет руководить высококвалифицированный преподаватель,

взаимодействуя друг с другом, на самом деле начнут лучше разбираться в современных инновационных технологиях.

Электронная почта сама по себе – как технология – не заставляет вас принимать правильные решения. Вместо этого важно, что вы думаете, что и когда вы говорите, кто это говорит, и то же самое относится ко всем интернет-инструментам, которые позволяют нам работать виртуально и удаленно. Это своеобразный интересный конфликт между двумя отдельными и, возможно, противоречивыми силами, которые, как мы видим, сталкиваются.

С одной стороны, нет сомнений в том, что при таком подходе – более высокая гибкость, меньше презентабельности и политиканства, темной или токсичной стороны политики. Намного сложнее притворяться, что ты работаешь, когда все находится на расстоянии, когда все виртуальное. С другой стороны, полагаем, что «должна присутствовать какая-нибудь сила, которая поможет обеспечить более сбалансированные условия игры, где людей больше оценивают за то, что они производят, и меньше за управление впечатлениями и выступлениями» [14].

Разница между наличием инструментов и фактическим их использованием заключается в лидерских и управленческих навыках и готовности. Никогда не было лучшего времени для студентов, чтобы применить свое любопытство, присущее менеджерам и лидерам, расширить и усовершенствовать свои лидерские и управленческие навыки, а это включает в себя использование технологий, потому что, если вы хорошо используете технологии, они могут раскрыть гуманный, очень творческий и сильный аспект вашей рабочей силы.

Лидерство как область изучения в высшем образовании в некоторой степени уникально тем, что оно охватывает как традиционные академические дисциплины, такие как педагогика, психология и социология, так и практические контексты, такие как работа и социальные условия. Однако простое

окончание определенного курса обучения, направленного на развитие лидерских навыков, не гарантирует, что студент станет эффективным лидером. Невозможно заранее изучить, как справляться с каждой ситуацией, которая может возникнуть, но можно разработать процесс обучения на собственном опыте, который обеспечивает прогрессивное развитие компетенций с течением времени. Фактически процесс лидерства неразрывно связан с обучением [16]. Практика и применение ключевых концепций имеют решающее значение для сохранения концепций лидерства, а также – для развития лидерских навыков [12].

По мере того, как лидеры сталкиваются со средой, которая становится все более сложной, многокультурной и неоднозначной, все больше ценится способность к рефлексии как средству решения сложных задач. Лидерство – это обучение, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. У преподавателей есть уникальная возможность помочь студентам, нашим лидерам будущего, развить их способность размышлять о своем опыте – как индивидуально, так и коллективно, подвергать сомнению предположения и соответствующим образом корректировать поведение и установки. Это действительно будет иметь решающее значение для их успеха.

На лидеров приходится 30–40% различий в производительности команды. Если вы назначаете правильных людей, вы можете рассчитывать на эффективную работу команды, и наоборот. Успешный лидер – это тот, кто может понимать мотивы людей и привлекать сотрудников к участию таким образом, чтобы сочетать индивидуальные потребности и интересы с целью группы. Уникальное достижение великого лидера – это человеческое и социальное достижение, которое проистекает из его понимания своих коллег по работе. Лидерство действительно требует большой тонкости и восприимчивости в общении.

Адаптация – это всегда относительное явление, поэтому она не может быть идеальной, но мы должны адаптироваться, причем каждый должен адаптироваться лучше, чем его

конкуренты. Таким образом, адаптивность становится самым большим конкурентным преимуществом, которое есть у организаций и будущих лидеров.

Сейчас у нас есть люди, действительно жаждущие хорошего руководства. «Есть замечательная цитата: “Способность учиться быстрее, чем ваши конкуренты, может быть вашим единственным устойчивым конкурентным преимуществом”, поэтому все, что вам нужно делать, это учиться быстрее, чем ваши конкуренты» [14].

Если говорить об обучаемости студентов, психолог Чаморро-Премузич наставляет: если у вас нет смирения, самокритики и интеллекта, чтобы структурировать свои проблемы, которые позволят вам получить некоторые данные и понять, правильно вы поступаете или неправильно, вы будете совершать ошибки чаще, чем ваши конкуренты, но главное – учиться на этих ошибках. Вот что мы на самом деле подразумеваем под управлением данными: узнайте, как проверять свои гипотезы и предположения, никогда не прекращайте экспериментировать и имейте смирение признать, когда вы ошибаетесь, и тогда вы, вероятно, будете в лучшем положении, чем ваши конкуренты. Это то, о чем мы просим сейчас студентов, будущих сотрудников, но, по сути, нам нужно попросить лидеров и менеджеров сделать это, потому что они подают пример, а настоящие лидеры хорошо разрешают кризисы и управляют ими, в то время как плохие лидеры, как правило, создают кризис. В мире бизнеса и во всем мире никогда не было такой сильной потребности в хорошем сильном руководстве как в XXI веке.

Технология может стать прекрасным средством повышения производительности, вовлеченности, но она должна основываться на доверии. Лидерам сложно завоевать доверие на пустом месте, если у них его не было раньше. Никогда еще не было такой сильной потребности в создании и поддержании этой человеческой и гуманной связи между менеджерами и сотрудниками. Лидерство – это все, что нужно для этого.

Вопреки распространенному мнению цифровая трансформация связана не столько с технологиями, сколько с людьми. Мы можем купить практически любую технологию, но наша способность адаптироваться к еще более цифровому будущему зависит от развития навыков следующего поколения, сокращения разрыва между спросом и предложением талантов и перспективного использования нашего собственного потенциала и потенциала других.

Цель преподавателя в вузе – вырастить способных к трудоустройству выпускников. И выпускники, способные к трудоустройству, не просто выживают в гибридном мире, они в нем «процветают». Современное лидерство основано на взаимности. Лидеры оказывают поддержку и направляют, в то время как сотрудники уверенно делятся идеями, предложениями. Этот метод создает продуктивную среду, в которой преподаватели чувствуют себя наделенными полномочиями, повышая мотивацию и вызывая интерес у студентов.

Существуют следующие оригинальные способы сосуществования в цифровом мире, которые предлагает своим студентам Чаморро-Премузич [7]:

1. Ставьте людей на первое место: технология – это всегда делать больше с меньшими затратами, но такая комбинация эффективна только в том случае, если вы сочетаете технологию с правильными человеческими навыками. Если мы сможем использовать человеческую адаптивность для переподготовки и повышения квалификации нашей рабочей силы, тогда мы сможем одновременно улучшить людей и технологии.

2. Сосредоточьтесь на умениях: точно так же, как цифровая трансформация в большей степени касается людей, а не технологий, ключевыми технологическими навыками являются мягкие, а не жесткие навыки. Лучший способ сделать вашу организацию более ориентированной на цифровые данные – это выборочно инвестировать в тех, кто в первую очередь наиболее адаптируем, любознателен и гибок. Техническая компе-

тентность временна, но интеллектуальное любопытство должно быть постоянным.

3. Стимулируйте изменения сверху: идея изменений снизу вверх или на низовом уровне интуитивно понятна. В контексте цифровых преобразований основное значение заключается в том, что вы не можете ожидать больших изменений или обновлений в своей организации, если вы не начнете с выбора и развития своих топ-лидеров в этом ключе. Излишне говорить, что в бизнесе можно копировать все, кроме талантов, поэтому, если вы ищете отдачу, инвестируйте в лучших специалистов, которые принесут вам наибольшую пользу. Отличительной чертой в войне за таланты всегда является лидерство: мы говорим о востребованных навыках, таких как разработка программного обеспечения, но главное – найти людей, которые могут управлять инженерами-программистами и заставить их работать в команде, чтобы превзойти других инженеров-программистов.

4. Убедитесь, что вы действуете на основе анализа данных: большая часть текущих дискуссий о данных сосредоточена на ИИ (искусственном интеллекте) или конкретных типах компьютерного интеллекта. Значительно большим конкурентным преимуществом является использование ценных данных, наличие необходимых навыков для преобразования этих данных в значимые идеи и, прежде всего, способность действовать на основе этих идей. Данные без понимания тривиальны, а понимание без действий бессмысленно. Большая разница между Google, Amazon, VK и остальными заключается не в умственных способностях их специалистов по обработке данных или фактической функциональности их технологий (мы считаем их первоклассными), а в их радикальной обработке данных, управляемых культурой страны.

5. Если вы не можете быстро потерпеть неудачу, убедитесь, что добиваетесь успеха медленно: утверждения о том, что скорость важнее всего, что главное – действовать, что совершенство – враг хорошего, и это важный аспект в управленческом мышлении. Но един-

ственный способ адаптироваться к постоянно меняющемуся и быстро разрушающемуся настоящему – это ускоряться и действовать в темпе. Другими словами, можно добиваться успеха медленно. В конце концов, неудача – это всего лишь стратегия достижения успеха в долгосрочной перспективе, поэтому, если вы выберете другую стратегию, это нормально; просто следует убедиться, что данная стратегия верна, чтобы достичь желаемого [6; 7].

Люди являются общим знаменателем концепции будущей защиты, будь то в качестве дополнения к технологиям, которые внедряются для удаленной работы, или потому, что мы обладаем навыками и лидерством, необходимыми для преодоления исторического кризиса, или потому, что у нас есть понимание, необходимое для достижения медленного успеха. Все начинается с каждого из нас и с тех, за развитие кого мы несем ответственность. Главное – развивать любопытство, и у каждого из нас есть варианты для преодоления того или иного кризиса или проблемы.

Более конкретно: война за талантливого лидера напоминает войну с талантами, когда организации отталкивают, отчуждают и неправильно управляют большинством своих сотрудников, включая самых талантливых. «Зигмунд Фрейд утверждал, что лидер появляется, когда группа людей – последователи – заменяет свой собственный нарциссизм нарциссизмом лидера, так что их любовь к лидеру является подсознательной формой любви к себе» [6]. Соглашаясь с Чаморро-Премузичем и его коллегами, мы полагаем, что талант всегда будет пониматься с точки зрения четырех основных эвристик, а именно [4]:

I. Правило жизненно важного меньшинства: как иллюстрирует принцип Парето, в любой группе или коллективе индивидов на относительно небольшую долю членов приходится непропорционально большая часть результатов деятельности группы. Этих «немногих жизненно важных людей» можно считать «лучшими талантами» организации.

II. Правило максимальной производительности: в психологии ввода-вывода существует хорошо известная предпосылка, которая гласит, что лучший способ проверить способности человека – это оценить лучшее, что он может сделать [4]. Независимо от области талантов, это так называемое правило максимальной производительности; всегда будет полезно выявить систематические индивидуальные различия в таланте или компетентности. Важно: люди должны хотеть сделать все возможное, чтобы проявить свои таланты, поэтому нет никаких оснований ожидать, что люди будут работать на пределе своих возможностей в любой момент времени, если им это неинтересно [13].

III. Правило производительности без усилий: еще один классический принцип ввода-вывода, по сути, определяет производительность как талант + усилия. Простая алгебра, которая предполагает, что талант = производительность – (минус)усилие. Другими словами, талантливым людям, как правило, требуется меньше усилий для достижения определенного уровня производительности, чем их менее талантливым коллегам. Точно так же ранние проявления таланта, такие как не по годам развитые способности, выделяются своей легкостью исполнения: например, Месси в футболе, Моцарт в музыке и Мария Кюри в науке. При ограниченном обучении и практике они способны превзойти более опытных, но менее талантливых коллег [17, p. 171].

IV. Личность в нужном месте: последняя эвристика, которая заключается в том, что талант возникает из-за того, что личность находится в нужном месте. То есть когда существует полное соответствие между predisположенностью людей по умолчанию и характеристиками их соответствующих рабочих мест или ролей; в результате проявляется их талант, который способствует будущему карьерному росту. В соответствии с этой идеей все мероприятия по управлению талантами, в конечном счете, можно рассматривать как попытку улучшить соответствие человека работе и, в свою очередь, повысить производительность труда [17, p. 171].

Также важно признать, что, несмотря на быстро меняющиеся условия работы, основные составляющие таланта вряд ли изменятся в ближайшее время, по крайней мере, когда речь идет о человеческом таланте. Таким образом, в любой области компетенции или опыта вероятность того, что человека назовут «талантливым», возрастет, если он/она будет более способным, профессионально квалифицированным, социально адаптированным и целеустремленным [8]. Способности включают в себя как общий интеллект, так и знания в конкретной предметной области, охватывающие то, чему человек может научиться и чему научился. Социальные навыки включают эмпатию, личностную и межличностную компетентность и симпатичность. Драйв касается амбиций и добросовестности, которая может ускорить или замедлить любую степень развития таланта [17, p. 180].

Сегодняшние успешные лидеры – чуткие, понимающие люди, которые одинаково относятся к сотрудникам и ценят их уникальный вклад. Недавнее исследование в этой области показало, что навыки лучше стимулируют:

- инновации и новые идеи;
- удержание сотрудников;
- вовлечение;
- баланс между работой и личной жизнью [11].

Лучший способ, которым преподаватели могут подготовить студентов к будущему лидерству, – это научить их практическим навыкам в реальных условиях. Благодаря значимым и актуальным проектам студенты могут использовать свои развивающиеся лидерские навыки и научиться решать проблемы в режиме реального времени. Студенты также будут развивать важнейшие профессиональные навыки для эффективного лидерства и созревания своего таланта, такие как

- уверенность и самоутверждение;
- высокая самооценка;
- ответственность за свою работу;
- способность позитивно относиться к обратной связи и критике;
- навыки межличностного общения и др. [11]

Интернет платформы и программы проектного обучения сегодня оснащены всеми цифровыми инструментами и функциями, необходимыми для обеспечения преобразующего обучения, на основе проектов и предоставления студентам конкурентных преимуществ на рабочем месте, включая всестороннюю аналитику, обратную связь и подробное отслеживание прогресса и производительности [10]. В эпоху, когда организации тратят огромное количество времени на создание своих собственных моделей компетенций, вместо того, чтобы изобретать велосипед, специалистам по управлению талантами было бы хорошо сосредоточиться на общих компонентах таланта, чтобы определить своих наиболее ценных сотрудников, а также тех, кто, вероятно, принесет больше пользы в будущем.

Ведь даже если рабочие места будущего трудно определить, можно с уверенностью ожидать, что люди, которые более способны, социально и профессионально квалифицированы и целеустремленны, преуспеют в них.

Перспективные новые методы анализа талантов будут реализованы только в контексте точной информационной грамотности педагогов высшей школы, тщательного устранения предвзятости данных, доверия пользователей и точного определения производительности. Поэтому мы можем рассчитывать на мир, в котором оценка талантов будет более точной, а наши коллективные таланты и лидерские качества будут лучше использоваться на благо всех нас и в цифровую эпоху [17, p. 180–181].

Список литературы

1. Христидис Т. В. Психологические аспекты профессиональной адаптации молодых специалистов // Север и молодежь: здоровье, образование, карьера: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Ханты-Мансийск 19–20 ноября 2020. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2020. С. 351–354.
2. Чаморро-Премузик Т. Ловушка некомпетентности. Почему непрофессиональные мужчины становятся лидерами и как это исправить / перевод с английского Григорьева И.: книга. Москва: Эксмо, 2021. 256 с.
3. Чаморро-Премузик Т. Уверенность в себе. Как повысить самооценку, преодолеть страхи и сомнения: книга. Москва: Альпина Паблишер, 2014. 266 с.
4. Chamorro-Premuzic T., Akhtar R. & act. The datafication of talent: How technology is advancing the science of human potential at work // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2017. № 18. Pp. 13–16.
5. Chamorro-Premuzic T. The Talent Delusion: Why Data, Not Intuition, Is Key to Unlocking Human Potential: Book: Piatkus. 2017. 304 p.
6. Chamorro-Premuzic T. Why Do So Many Incompetent Men Become Leaders? (And How to Fix It): Book: Harvard Business Review Press. 2019. 240 p.
7. Frankiewicz B., Chamorro-Premuzic T. Digital Transformation Is About Talent, Not Technology // Developing Employees. Harvard Business Publishing: Higher Education. 2020. URL: <https://hbr.org/2020/05/digital-transformation-is-about-talent-not-technology>
8. Hogan R., Chamorro-Premuzic T., Kaiser R. B. Employability and career success: Bridging the gap between theory and reality // Industrial and Organizational Psychology. 2013. № 6 (1). Pp. 3–16.
9. Mann A., Harter J. The worldwide employee engagement crisis // 2016. URL: <https://static1.squarespace.com/static/552b3ee0e4b016252ff74ac0/t/59b652928dd04187fcfd085a/1505120914868/The+Worldwide+Employee+Engagement+Crisis+Gallup.pdf>
10. Roberts C. Developing Future Leaders: The Role of Reflection in the Classroom // Journal of Leadership Education, 2008. Vol. 7. Issue 1. Pp. 116–130.
11. The future of leadership: preparing students. 2022. URL: <https://practera.com/future-of-leadership/>

12. *Townsend C., Linder J. R., Williams J.* Teaching leadership: Do students remember and utilize the concepts that we teach? // *Journal of Leadership Education*. 2005. № 4 (1). Pp. 62–74.
13. *Sackett P. R.* Revisiting the origins of the typical-maximum performance distinction // *Human Performance*. 2007. № 20 (3). Pp. 179–185.
14. Season 1, Episode 1: A Conversation About Working in the New Normal with Tomas Chamorro-Premuzic // 2020. URL: <https://workforce-resources.manpowergroup.com/the-transform-talent-podcast/a-conversation-about-working-in-the-new-normal-with-tomas-chamorro-premuzic-season-1-episode-1>
15. *Sorenson S., Garman K.* How to tackle U.S. employees' stagnating engagement // *BUSINESS JOURNAL*. 2013. URL: <https://news.gallup.com/businessjournal/162953/tackle-employees-stagnating-engagement.aspx>
16. *Vail P.* Learning as a way of being: strategies for survival in a world of permanent white water. San Francisco: Jossey-Bass, 1996. 248 p.
17. *Winsborough D.* Identifying and Managing Talent in the Age of Artificial Intelligence // *Workforce Readiness and the Future of Work*. 2019. Pp. 169–185.
18. *Yogi Y., Zamzami and act.* Building Student Talents and Future Leaders through Psychological Climate // *Al-Ishlah: Jurnal Pendidikan*. 2023. Vol.15. Pp. 2358–2366.

*

Поступила в редакцию 28.08.2023

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ИНТОНИРОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ САКСОФОНИСТА К ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 372.878

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-171-178>

Л. С. Майковская

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: maykovskaya@gmail.com

Б. Чэнь

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 515065@qq.com

Аннотация: В настоящей статье всестороннему рассмотрению подвергается категория «культура интонирования». Авторы фокусируют своё внимание на различных аспектах исполнительского процесса, обуславливающих сущность рассматриваемой категории как навыка. На основе проведенного анализа авторы приходят к выводу о том, что культура интонирования – явление индивидуальное, однако, данный феномен можно рассматривать и как ключевой элемент художественной техники, выстраивающийся в исполнительском процессе саксофониста в результате взаимодействия следующих компонентов: высокой культуры музыкально-слуховых представлений, художественно-образного восприятия; творческой свободы и высокого уровня управления игровыми движениями (пальцев, губ, языка, дыхательными мышцами); устойчивых навыков звукообразования, звукоизвлечения и тембробразования; культуры штриха и филировки звука; богатого тезауруса и музыкального мышления. Воспитание саксофониста как творческой личности новой генерации, может быть достигнуто только при соблюдении ряда условий, обеспечивающих формирование таких взаимозависящих сторон исполнительского профессионализма музыканта как индивидуальная исполнительская техника, эмоциональная и интеллектуальная сфера мышления и восприятия, культура интонирования, которые, в свою очередь, должны органично войти в современную саксофонную педагогику.

Ключевые слова: обучение, профессиональная подготовка, саксофон, интерпретация, культура интонирования, мышление, восприятие, филировка звука, тембр, мобильность, ассоциации.

МАЙКОВСКАЯ ЛАРИСА СТАНИСЛАВОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой музыкального образования, Московский государственный институт культуры

ЧЭНЬ БАОЛЭЙ – аспирант кафедры музыкального образования, Московский государственный институт культуры

MAYKOVSKAYA LARISA STANISLAVOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Music Education, Moscow State Institute of Culture

CHEN BAOLEI – Postgraduate at the Department of Music Education, Moscow State Institute of Culture

© Майковская Л. С., Чэнь Б., 2023

Для цитирования: Майковская Л. С., Чэнь Б. Феномен культуры интонирования в подготовке саксофониста к исполнительской деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 171–178. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-171-178>

THE PHENOMENON OF INTONATION CULTURE IN THE PREPARATION OF A SAXOPHONIST FOR PERFORMING ACTIVITIES

Larisa S. Maykovskaya

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: maykovskaya@gmail.com

Baolei Chen

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: 515065@qq.com

Abstract: In this article, the category “culture of intonation” is subject to comprehensive consideration. The authors focus their attention on various aspects of the performing process that determine the essence of the category under consideration as a skill. Based on the analysis, the authors come to the conclusion that the culture of intonation is an individual phenomenon, however, this phenomenon can also be considered as a key element of artistic technique, built in the performing process of a saxophonist as a result of the interaction of the following components: high culture of musical-auditory, figurative-artistic perceptions and ideas; creative freedom and a high level of control of gaming movements (fingers, lips, tongue, respiratory muscles); stable skills in sound production, sound production and timbre formation; culture of stroke and thinning of sound; rich thesaurus and musical thinking. The upbringing of a saxophonist as a creative personality of a new generation can only be achieved if a number of conditions are met that ensure the formation of such interdependent aspects of the musician’s performing professionalism as individual performing technique, the emotional and intellectual sphere of thinking and perception, the culture of intonation, which, in turn, must organically enter into modern saxophone pedagogy.

Keywords: education, professional training, saxophone, interpretation, intonation culture, thinking, perception, sound shaping, timbre, mobility, associations.

For citation: Maykovskaya L. S., Chen B. The phenomenon of intonation culture in the preparation of a saxophonist for performing activities. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 171–178. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-171-178>

Саксофонное искусство непрерывно развивается, художественные образы и настроения, заложенные в современных сочинениях, постоянно усложняются как в технологическом отношении, так и в семантическом. Этот процесс, безусловно, определяет необходимость активной разработки инновационных способов обучения, необходимых саксофонистам в их творческой деятельности. Вместе с тем, современная саксофонная педагогика

и исполнительство свидетельствуют о том, что сегодня накоплены достаточные специальные знания и положительный эмпирический опыт, которые требуют своего дальнейшего научного обобщения и анализа [1].

Приоритетности формирования индивидуальной исполнительской техники и связанной с ней творческой интерпретацией музыкального произведения [7] уделяется сегодня особое внимание в области

инструментального творчества музыкантов-духовиков всех специальностей [16]. А это, в свою очередь, выдвигает на повестку дня ряд проблем музыкально-педагогического, технико-смыслового, психологического, эстетического порядка, одной из которых и является формирование культуры интонирования [17; 18]. Рассмотрению этой проблемы посвящена настоящая статья.

Поскольку исходный посыл данной статьи состоит в том, что работа над качеством звучания саксофона – это фундамент исполнительской техники музыканта и своего рода «строительный» материал интерпретации музыкального произведения, то мы должны ответить на центральный вопрос: что вкладывается в содержание понятия «культура интонирования»?

В работе известного музыковеда Е. В. Назайкинского «Звуковой мир музыки» выдвинута концепция существования звучащей материи музыки, согласно которой различаются три уровня восприятия элементов системы «звук – тон – нота»: «Тоны, – пишет он, – отличаются от звуков тем, что они являются материалом интонации, тогда как звуки – субстанцией звуковой ткани, фактуры, сплетения голосов, звеньями звукового развёртывания напева <...> если звук загружен интонационно, он выступает как тон, а если же на него накладывается композиционное значение, он становится ещё и нотой, то есть звуком и тоном, нотированным в некой композиционной системе» [12, с. 22].

Согласившись с этим тезисом, подчеркнем, что культура интонирования, по большому счёту, явление индивидуальное, однако, данный феномен можно рассматривать и как ключевой элемент художественной техники, выстраивающийся в исполнительском процессе саксофониста в результате взаимодействия следующих компонентов:

- высокой культуры музыкально-слуховых, образно-художественных восприятий и представлений [3];
- творческой свободы и высокого уровня управления игровыми движениями

(пальцев, губ, языка, дыхательными мышцами);

- устойчивых навыков звукообразования, звукоизвлечения и тембробразования;
- культуры штриха и филировки звука [3; 10];
- богатого тезауруса и музыкального мышления [11].

Чтобы определить пути формирования у саксофонистов культуры интонирования, следует вспомнить и о феномене ассоциативного мышления.

Необходимость применения ассоциаций в образовательной и музыкально-исполнительской деятельности саксофониста вполне очевидна. Применение красочных метафор, различных сравнений, аллегорий, живописно-образных параллелей неизменно способствуют не только вовлечению обучающихся в процесс освоения музыки, но также становятся импульсом к конструированию особого образного сознания, художественного мышления, являющегося неотъемлемой характеристикой любого профессионального музыканта [2; 6]. По существу, это является важной психологической предпосылкой формирования культуры интонирования.

В качестве основного вывода можно выдвинуть тезис, согласно которому культура интонирования является главным или основополагающим качеством индивидуальной техники исполнителя и важным средством звуковыражения. Развитие культуры интонирования сопряжено с овладением обширным арсеналом тонких игровых приёмов, связанных с реализацией разнообразных музыкально-выразительных задач [8].

Отсюда понятно: систематическая работа над развитием культуры интонирования имеет большое значение для совершенствования индивидуальной игровой техники и, как следствие этого, исполнительского мастерства. В свете сказанного, рассмотрим отдельно ряд важных компонентов культуры интонирования.

Тембр как первооснова культуры интонирования. Культура интонирования, как уже

отмечалось, представляет собой целостную интонационно-выразительную систему, которая позволяет исполнителю через звуковое воплощение музыки выражать её содержание – творчески интерпретировать. Едва ли не главным условием адекватного функционирования этой целостности, направленной, прежде всего, на восприятие слушателей, являются взаимосвязи различных средств инструментальной выразительности. Одним из сильнейших средств инструментальной выразительности является тембр, так как творческое исполнение произведения на любом музыкальном инструменте связано с использованием окраски звука, соответствующей звукообразу или настроению.

Большое значение в исследовании проблемы культуры интонирования в саксофонном исполнительстве имеет вопрос развития навыка *тембровой мобильности*, под которым понимается контроль над выбором того или иного тембрового звучания инструмента в процессе исполнения. Успешное решение этой задачи в большей мере связано с таким феноменом музыкальной практики как «предслышание». В правильно налаженном исполнительском процессе слуховое представление музыканта – это первичная функция, а двигательные-технические действия – вторичная. Ведь перемена мест сочленов внутри формулы «*слышу – играю*» приводит исполнителя к механичности воспроизведения музыки, оставляя, во многом, в стороне её художественное выражение. По существу, феномен «предслышание» формирует игровое движение и так называемую эмоциональную программу исполняемой музыки.

Как известно, слух музыканта участвует в контроле за исполнительскими действиями, в ситуативной коррекции, в преодолении двигательных-моторных погрешностей, в формировании звукообраза и, в конечном итоге, в обеспечении творческого раскрытия замысла музыкального произведения [15]. Кроме того, умение слушать себя в ходе исполнения включает: возможность детального слухового восприятия ткани музыкального

произведения, эмоциональную наполненность игры, осознание качества исполнения и соответствующую исполнительскую реакцию. Во всяком случае, исполнитель, обладающий высокой чувствительностью слухового анализатора к восприятию музыкальных тонов, их звуковысотности и окраски, способен к проявлению быстрой и мобильной саморегуляции игрового процесса в целом и интонационно-выразительной ориентировки в частности. В целостном игровом акте инструменталиста всегда присутствуют слуховые и двигательные-моторные связи.

Основой воспитания звуковысотного и тембрового слуха является сольфеджирование, написание так называемых тембровых диктантов. Причём, при разработке методов его развития необходимо учитывать, что тембровая, динамическая и ритмическая сторона слуха саксофониста, по сравнению со звуковысотностью восприятия тона, в меньшей мере связаны с точностью игровых движений. В самом процессе формирования культуры интонирования особую роль играет навык поддержания чистоты звуковысотного строя как составной элемент духового исполнительства.

Давая оценку индивидуальной исполнительской технике саксофониста очень важно знать, как она интегрируется в сферу культуры интонирования музыканта-инструменталиста [4]. Как уже отмечалось, профессиональные исполнители широко используют в сольной и оркестрово-ансамблевой практике такие интонационно-выразительные средства, как динамику, агогику, штрихи и т. п. Именно благодаря этим ресурсам реализуются в определённой степени исполнительские задачи, предстающие перед музыкантом в процессе воплощения того или иного музыкально-художественного образа исполняемого сочинения. Опыт убеждает, что на освоение этого арсенала, а значит и для достижения необходимого уровня культуры интонирования, затрачиваются долгие годы целенаправленных и последовательных по организации занятий на инструменте. Главный вектор в этом намерении – совершенство-

вание самоуправления работой всех компонентов системы исполнительского аппарата саксофониста, которые обеспечивают:

- динамическую и тембровую равномерность звучания инструмента на протяжении всего диапазона (т. е. преодоление таких природных недостатков духового инструмента, как тембровая и динамическая пестрота звукоряда, отсутствие точной настройки);
- владение динамической палитрой исполнительских нюансов;
- умение адекватно использовать при игре штриховое разнообразие.

Однако возникает вопрос: можно ли говорить со всей определённой о культуре художественного интонирования, если при воплощении того или иного музыкального образа исполняемого сочинения не используется в должной мере такое выразительное средство, как окраска музыкального звука? Правомерно ли утверждать, что саксофонист не имеет возможности произвольно изменять тембровые характеристики звучания своего инструмента как в силу его акустических особенностей, так и по причине того, что, например, в оркестре или ансамбле тот или иной инструмент представляет собой лишь одну, определённую тембровую значимость (окраску)?

Отвечая на поставленный вопрос, отметим следующее. В процессе сочинения произведения и дальнейшей его оркестровки (аранжировки) композитор оперирует инструментами оркестра с присущими им индивидуальными природными тембрами. То есть каждый инструмент применяется как определённая краска. Так придаётся той или иной музыкальной теме необходимая и заданная окраска звучания.

Если мы обратимся не к оркестрово-ансамблевому использованию духового инструмента, а к его сольной сфере, то в данном сочинении уже невозможно исполнять музыку посредством только одной природной индивидуальной окраски данного инструмента. Без индивидуального творческого исполь-

зования при игре комплекса интонационно-выразительных средств (динамики, агогики, штрихов, вибрато, филировки и т. д.) тембровая палитра и раскрытие содержания музыкального произведения не будет убедительна.

Следовательно, когда идёт речь о культуре интонирования саксофониста, имеется в виду не только общее художественно-эстетическое восприятие им звукового колорита исполняемой музыки, но и умение находить разнообразные и тонкие звуковые краски, соответствующие стилю эпохи и автора, характеру произведения, его художественной образности. Кроме того, предполагается и нечто большее, позволяющее реализовать собственное, можно сказать, самобытное интонационное представление данного сочинения. Другими словами, это большее исходит из мастерства звуковыражения исполнителя, неразрывно связанного с технологией игры.

Исполнительская фразировка – это фразовые и логические ударения, служащие средством выделения музыкальных отрезков или отдельных звуков во фразе. В качестве определяющей основы музыкальной фразировки лежит исполнительское дыхание, которое, собственно, и обуславливает величину фразировочной единицы. Средствами достижения музыкальной фразировки в игре саксофониста служат, кроме дыхания, ещё и динамическая, агогическая, артикуляционно-штриховая и тембровая палитра. То есть, инструменталист (аналогично художнику), благодаря своей профессиональной подготовке, обладает весьма широким спектром выразительных средств (кроме тембрового разнообразия), чтобы в достаточно убедительной степени использовать музыкальную фразировку при игре.

Говоря о средствах реализации исполнительской фразировки, нельзя, конечно, забывать важное условие данного процесса. Фразировка, как и все действия саксофониста по воспроизведению музыкального сочинения, невозможна без осознанного отношения индивида к работе. Саксофонист должен ясно понимать не только технологическую

верность исполнения отдельного штриха, динамического нюанса, уместность выбранного темпа. Это понимание необходимо базировать на главном – общем замысле исполняемого произведения, по сути, оно является основным мотивом всех игровых действий музыканта.

Художественный образ (или звукообраз) сочинения (как запланированная модель будущего результата) постоянно «руководит» процессом исполнительства, внося по ходу игры необходимые коррективы в работу тех или иных элементов исполнительского аппарата саксофониста. Но чтобы все эти действия были плодотворными, очень важно детально изучить произведение, осознать его стилистику и интонационно-выразительные особенности: нарастания и спады местных кульминаций, подготавливающих точку золотого сечения, качественные (в том числе, желательные, и колористические) характеристики мотивов, фраз, предложений. Только подобный анализ может быть залогом успешной реализации исполнительской фразировки [14]. Уместно в этой связи привести в качестве примера работу над ролью драматического актёра, когда реализация того или иного образа пьесы требует детального проведения его психоанализа. Благодаря именно этой работе образ воплощаемого героя приобретает выразительность, содержательную глубину и логическую завершенность как в целом спектакле, так и в его отдельных стадиях (фразах, диалогах, монологах и т. п.) [13]. Здесь же необходим учет ресурсов стилевого анализа, являющегося неотъемлемой частью любого творческого процесса. Ведь стиль «это главный идентифицирующий инструмент, определяющий принадлежность продукта культуры в производных категориях: стиль музыки, стиль композитора, стиль исполнителя, стиль исполнения и т. д.» [5, с. 112–113].

Следовательно, мы пришли к констатации того факта, что, как бы ни был технически добротно оснащён инструменталист, полноценная исполнительская фразировка невозможна без должного развития *представ-*

ленческих функций психики музыканта, имеющих в своей основе необходимый уровень восприятия и музыкального мышления.

Итак, мы рассмотрели основные структурные элементы интонационной выразительности в музыке. Это, разумеется, только небольшая часть всего потенциала, которым располагает саксофонист в своей исполнительской палитре, и благодаря которой осуществляется практическое интонирование инструменталиста.

Специфика профессиональной исполнительской деятельности музыкантов-духовиков, в том числе и саксофонистов, основывается на органическом единстве технологической и музыкально-художественной стороне исполнения музыки, на специальных знаниях, творческих и педагогических позициях. В этой области музыкально-исполнительского творчества присутствует множество факторов, связанных с технико-смысловой организацией игры, музыкально-слуховым восприятием, эмоциональной отзывчивостью, музыкальным мышлением, культурой художественного интонирования и т. д.

Обучение саксофонистов исполнительскому мастерству и, прежде всего, способам овладения культурой интонирования, должны быть в полной мере комплексными – слухо-двигательными, особым компонентом которого является развитый звуковысотный и тембровый слух, который, как убеждает практика, можно развивать и культивировать.

Можно констатировать, что многие приёмы и эффекты игры, обладающие нестандартными характеристиками звукоизвлечения и сонористикой саксофонного тона, уже давно стали неотъемлемой частью технико-смысловой организации игры на саксофоне. Ясно, что только игровая практика способна создать устойчивые двигательные-технические действия и интонационно-слуховые коррекции саксофониста, необходимые для осуществления мобильной игровой свободы особых джазовых приёмов и эффектов игры. Также для саксофониста важно сформировать в процессе исполнительской практики «меха-

низм», позволяющий осуществлять строгий контроль за функциональными действиями всех компонентов исполнительского аппарата, за стилистически верным использованием им интонационно-выразительных средств. Важно отметить, что освоение комплекса особых приемов и эффектов игры возможно только при условии владения хорошим уровнем исполнительского мастерства.

Технологический арсенал саксофониста неразрывно связан с соответствующим уровнем музыкального восприятия и мышления, его эмоциональной сферой. Культура интонирования, будучи специфическим проявлением исполнительского процесса музыканта-духовика, связана с динамикой и уровнем его исполнительского мастерства. Культура интонирования – это есть отражение интонационно-выразительного содержания музыки. Ведь именно культура интонирования способствует адекватному воспроизведению музыкального образа или характера произведения, для чего, естественно, необ-

ходимо применение той или иной окраски инструментального тона. Последнее же обязательно требует наличия хорошо развитого звуковысотного и тембрового слуха.

Мы далеки от мысли о том, что в рамках одной статьи может быть изложена завершённая теория и практика формирования культуры интонирования в её музыкально-художественном и исполнительском понимании. Однако изложенное выше позволяет утверждать, что воспитание саксофониста как творческой личности новой генерации [9] может быть достигнуто только при соблюдении следующих условий: развитие индивидуальной исполнительской техники, эмоциональной и интеллектуальной сфер, которые наряду с формированием культуры интонирования должны органично войти в современную саксофонную педагогику. Эти ориентиры позволят задать новый импульс для совершенствования искусства игры на саксофоне, – импульс, в котором так нуждается современная музыкальная педагогика.

Список литературы

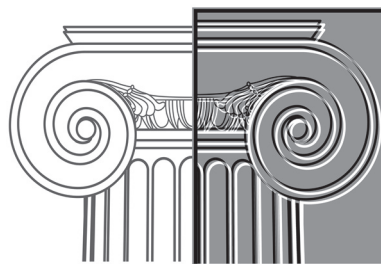
1. Бодина Е. А., Тельшьева Н. Н. О сближении науки и искусства // Антропологическая дидактика и воспитание. 2023. Т. 6. № 1. С. 10–20.
2. Бородянский М. Л. Эстетическое восприятие как деятельный компонент формирования сознательной и творческой природы человека // Педагогический научный журнал. 2022. Т. 5. № 3. С. 4–10.
3. Гао Ф., Мансурова А. П. Исполнительская культура как объект музыкально-педагогического дискурса: категориальный анализ // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 176–179.
4. Гао Ф. Становление и развитие саксофонного искусства в контексте педагогической проблемы формирования исполнительской культуры саксофониста // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2021. № 3. С. 443–456.
5. Гемаддиев Д. И. Стилевая вокальная техника: анализ смыслообразующих морфем // Искусство и образование. 2023. № 1 (141). С. 112–118.
6. Дун Цин, Чжу Чжэньтао. Развитие представлений о стилях европейской музыки у китайских студентов-вокалистов // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2022. № 6. С. 457–466.
7. Климай Е. В. Связь фортепианной техники и музыкального мышления на различных ступенях обучения пианиста // Антропологическая дидактика и воспитание. 2023. Т. 6. № 3. С. 33–42.
8. Климай Е. В. Феномен «обращения» в структуре интонирующего сознания пианиста // Искусство и образование. 2020. № 6 (128). С. 63–68.
9. Майковская Л. С., Мансурова А. П. К вопросу о формировании у педагогов-музыкантов новых профессиональных квалификаций в области электронных образовательных ресурсов // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2016. № 1. С. 2.

10. *Майковская Л. С, Светланава В. И.* Формирование исполнительского аппарата скрипача в учреждениях дополнительного образования детей: психофизиологический подход // *Искусство и образование.* 2019. № 4. (120). С. 79–85.
11. *Мансурова А. П.* Универсальная подготовка профессионала широкого музыкального профиля // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.* 2013. № 5 (55). С. 175–185.
12. *Назайкинский Е.* Звуковой мир музыки. Москва: Музыка, 1988. 254 с.
13. *Путечева О. А.* Музыка и театр: к вопросу взаимодействия // *Искусствоведение.* 2022. № 2. С. 34–40.
14. *Су Цзюнь.* Специфика подготовки китайских пианистов и педагогов к исполнительскому анализу в классе фортепиано // *Антропологическая дидактика и воспитание.* 2023. Т. 6. № 3. С. 130–138.
15. *Сюй Минъюй, Цзеюй Ян, Уколова Л. И.* Музыкальный слух в системе музыкальных способностей // *Искусство и образование.* 2022. № 5 (139). С. 157–163.
16. *Харатьянц А. Ю.* О современном репертуаре духовых оркестров // *Искусство и образование.* 2022. № 4 (138). С. 82–88.
17. *Цинь Чао, Чжан Юе.* Формирование у начинающих китайских вокалистов представлений о содержательности интонационной формы европейской музыки // *Bulletin of the International Centre of Art and Education.* 2022. № 6. С. 532–541.
18. *Шиянова Л. Ф.* Культура и музыка как смысловая и сакральная гармония общественного бытия // *Педагогический научный журнал.* 2022. Т. 5. № 1. С. 10–20.

*

Поступила в редакцию 30.08.2023

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

УДК 316.422.44

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-180-184>

Н. В. Боронина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: boronina_nina@mail.ru

Аннотация: На основании анализа ключевых трендов экономического и социального развития общества в статье обосновывается необходимость постоянного освоения новых знаний и умений, наращивания человеческого капитала различными, порой отличающимися от традиционного образования, способами. Определяются ключевые условия для саморазвития и самообразования в условиях цифровой трансформации общества, которые становятся неотъемлемыми навыками современного человека. Рассматривается вопрос о возникшем противоречии между задачами, которые ставит государство перед научными библиотеками в области интеллектуального развития и научного просвещения населения в условиях цифровой трансформации, и неразработанностью этой проблематики. Раскрывается сущность социально-педагогического потенциала научных библиотек в современном мире. Определяется необходимость выделения и организации особого направления деятельности научных библиотек, которое сможет активизировать интеллектуальные процессы пользователей, мотивировать их к освоению научно-технических знаний, саморазвитию и самообразованию в условиях нарастающей цифровой трансформации общества. Дается определение понятия интеллектуально-развивающей и научно-просветительской деятельности (сокращенно ИРНПД) научной библиотеки, приводятся перспективные направления ее развития. Делаются выводы о положительных результатах средового воздействия на процессы самообразования и саморазвития как активаторов социально-педагогического потенциала научных библиотек.

Ключевые слова: научная библиотека, социально-педагогический потенциал, интеллектуально-развивающая и научно-просветительская деятельность, ИРНПД, самообразование, саморазвитие, цифровая трансформация общества.

Для цитирования: Боронина Н. В. Социально-педагогический потенциал научных библиотек в эпоху цифровой трансформации общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 180–184. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-180-184>

SOCIO-PEDAGOGICAL POTENTIAL OF SCIENTIFIC LIBRARIES IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

БОРОНИНА НИНА ВАЛЕРЬЕВНА – заместитель декана библиотечно-информационного факультета, преподаватель кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры

BORONINA NINA VALERIEVNA – Vice-Dean of the Library and Information Sciences faculty, Lecturer at the Library and Information Sciences Department, Moscow State Institute of Culture

© Боронина Н. В., 2023

Nina V. Boronina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: boronina_nina@mail.ru

Abstract: Based on an analysis of key trends in the economical and social development of society, the article substantiates the need to constantly master new knowledge and skills, build up human capital in various ways, sometimes different from traditional education. The key conditions for self-development and self-education in the context of the digital transformation of society are determined, it becomes perfect skills of a modern person. The question is raised about the contradiction that has arisen between the tasks that the state sets for scientific libraries in the field of intellectual development and scientific education of the population in the conditions of digital transformation and the lack of development of this issue. The essence of the socio-pedagogical potential of scientific libraries in the modern world is revealed. The need to identify and organize a special area of activity for scientific libraries is determined, which can activate the intellectual processes of users, motivate them to master scientific and technical knowledge, self-development and self-education in the conditions of the growing digital transformation of society. A definition of the concept of intellectual development and science popularization activity (abbreviated IDSPA) of a scientific library is given, and promising directions for its development are given. Conclusions are drawn about the positive results of environmental influence on the processes of self-education and self-development as activators of the social and pedagogical potential of scientific libraries.

Keywords: scientific libraries, socio-pedagogical potential, intellectual development and science popularization activity, IDSPA, self-education, digital transformation of society.

For citation: Boronina N. V. Socio-pedagogical potential of scientific libraries in the era of digital transformation of society. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 180–184. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-180-184>

Президент Российской Федерации постановил определить цифровую трансформацию как одну из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года. В рамках планирования работ по достижению данной цели Правительством был принят ряд стратегических, программных и плановых документов. Основополагающей стала Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая консолидировала в себе федеральные проекты, нацеленные на поддержку разработки и внедрения отечественных цифровых технологий, подготовку кадров для цифровой экономики, развитие инфраструктуры, обеспечение информационной безопасности и формирование системы цифрового государственного управления [8].

Цифровая повестка заняла ведущие позиции во всех отраслях народного хозяйства и развития социально-экономической сферы. При этом принципиально важным яв-

ляется понимание того, что «строительство цифровой экономики – это не просто переход на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств, это трансформации социальных институтов и систем, выстраивание новой иерархии отраслей народного хозяйства, образование новых элит, формирование новых правовых и культурных норм, которые коренным образом будут изменять привычные повседневные практики – от трудовой деятельности до досуга и межличностного общения» [5].

В условиях стремительно ускоряющегося технологического прогресса формируются качественно новые требования к знаниям, навыкам и умениям, которыми должен обладать человек. Однажды приобретя конкретное знание, человек уже не может быть уверен в том, что с течением времени это знание не перестанет быть ценным, что оно останется необходимым и будет достаточным для решения поставленной задачи. Ди-

намичность происходящих изменений требует от индивида непрерывного обучения. Постоянное приобретение новых знаний является основой формирования высокого уровня человеческого капитала, который является самым ценным ресурсом в структуре национального богатства современного общества. В Основах государственной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24.12.2014 г., планомерные и последовательные инвестиции в человека, в качественное обновление личности названы необходимым условием осуществления экономической и социальной модернизации страны, выхода на путь интенсивного развития, обеспечивающего готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира [6].

Наращивание человеческого капитала происходит путем приобретения новых знаний, умений и компетенций, и реализовываться это может не только посредством обязательных образовательных программ школьного, среднего специального и высшего образования, но и самостоятельно, исходя из тех потребностей, которые формируются у каждого конкретного индивида в процессе цифровой трансформации общества. Способность к саморазвитию и самообразованию становится неотъемлемым навыком, а точнее сказать даже потребностью человека, который хочет быть интеллектуально дееспособным в современных условиях гонки цифровых технологий. Вместе с тем ключевым условием саморазвития и самообразования является доступность информационных ресурсов и квалифицированной информационной помощи в ориентации их многообразия. В Стратегии развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года указано: «В условиях кардинальных технологических перемен, процессов глобализации и беспрецедентного роста объемов информации библиотеки являются незаменимым социально-коммуникативным институтом, призванным обеспечить возможности для самореализации и развития личности» [7].

Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года определяет цифровую трансформацию библиотечной отрасли в качестве приоритетного направления. Указывается на необходимость усиления участия библиотек в научном и образовательном процессах. В то же время анализ современной ситуации раскрывает противоречия между комплексом задач интеллектуального развития и научного просвещения населения в условиях цифровой трансформации, поставленных государством и обществом перед научными библиотеками, и неразработанностью библиотечной педагогики, теории библиотечно-информационного обслуживания, педагогических инструментов, между актуальными социальными задачами и способностью кадров научных библиотек к их решению.

Социально-педагогический потенциал научных библиотек крайне редко является предметом теоретических исследований, несмотря на то, что по существу информационное обеспечение именно научной и образовательной деятельности населения выступает основополагающей социальной функцией библиотек этого типа. Если исходить из того, что функции библиотек на каждом этапе развития общества модифицируются, то цифровая трансформация и порожденные ею социальные следствия, безусловно, является ключевым фактором влияния на функциональную направленность научной библиотеки. Сокращение сроков старения научно-технической информации, удвоения её массивов, усиление значения научно-технических знаний для различных групп населения, появление новых форматов образовательной и просветительской деятельности неизбежно требует не просто расширения пользовательской аудитории научной библиотеки и разнообразия предлагаемых ей библиотечных продуктов и услуг, но и переосмысления социально-педагогического потенциала научных библиотек на современном этапе.

В первую очередь, встает проблема дефиниции социально-педагогического потенциала научной библиотеки как понятия, не по-

лучившего разработки в поле современного библиотековедения. Данная задача решается, безусловно, экспликацией полидисциплинарного понятия «потенциал» на библиотечно-педагогическое взаимодействие в русле его понимания как совокупности возможностей, источников, средств, запасов, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения определенных задач, достижения поставленных целей; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области, в нашем случае – в научных библиотеках [2].

Определяя сущность понятия социально-педагогического потенциала, мы трактуем деятельность научных библиотек, направленную на интеллектуальное развитие и научное просвещение населения, как социально-педагогическое явление, предполагающее особое содержание и формы взаимодействия библиотекаря и пользователя библиотеки в русле решения ключевых задач развития личности и общества в условиях цифровой трансформации. Границы и содержание понятия социально-педагогического потенциала научных библиотек определяются теми ресурсами и возможностями, которые присущи именно современной научной библиотеке – её фондам с механизмами организации доступа к мировым информационным ресурсам, с компетенциями её кадрового состава, качеством справочно-поискового аппарата, технико-технологического парка, материально-технического обеспечения.

Социально-педагогический потенциал научной библиотеки состоит в её возможностях и ресурсах активизации интеллектуальных процессов пользователей, мотивации к постоянному освоению научно-технических знаний, саморазвитию и самообразованию. Это требует выделения и организации особого направления деятельности научных библиотек, решающей эти задачи не интуитивно, а с опорой на продуманную теоретико-педагогическую базу и лучшие доказательные практики с использованием форм и методов работы, адекватных реалиям цифровой среды.

Интеллектуально-развивающая и научно-просветительская деятельность научных библиотек (сокращенно ИРНПД) – это целенаправленная деятельность по созданию библиотечно-информационной среды, создающей условия для научного просвещения, самообразования и саморазвития широких кругов населения в условиях цифровой трансформации общества, вовлечения их в активный научный поиск и научно-исследовательскую работу («гражданская наука»).

Поиск перспективных направлений развития ИРНПД опирается на анализ существующих российских и зарубежных практик, а целесообразность их использования определяется отраслевой принадлежностью научной библиотеки и информационными интересами ее пользователей. В период проведения нашего исследования направлениями ИРНПД научных библиотек, модернизирующими существующие подходы в соответствии с актуальной цифровой повесткой, в обобщенном виде можно назвать следующие: технологии виртуальной и дополненной реальности (VR и AR), научное кино, цифровое повествование, цифровые мейкерспейсы, роботостроение, 3D-моделирование, виртуальные выставки [1].

Смещение акцентов со стандартных методов получения знаний, индивидуализация образовательно-познавательных траекторий определяют необходимость актуализации деятельности научных библиотек, формирование интеллектуально-развивающей и просветительской среды (ИРНП-среды), которая становится активатором социально-педагогического потенциала научных библиотек. Осуществление средового воздействия на процессы самообразования и саморазвития населения дают следующие положительные результаты:

- осознание личностью своих возможностей, нахождение доступных способов реализации потребности в научно-исследовательской деятельности;
- помощь в гармонизации процессов личностного роста и формирования индивидуального человеческого капитала;

- поддержка в развитии актуальных в современном мире компетенций пользователей научной библиотеки;
- повышение общенаучного уровня просвещения и развития широких слоев населения.

Целесообразность такого воздействия определяется возникающими в процессе цифровой трансформации социальными рисками, такими как возрастающая цифровая сегрегация населения, дегуманизация общественной жизни, изменении способов коммуникации и социализации [3; 4]. В этом случае ИРНПД выступает не только в качестве специально организованного взаимодействия научной библиотеки и пользователя,

направленного на стимулирование процессов саморазвития личности и наращивание человеческого капитала, но и в как фактор смягчения негативных последствий и социальных рисков цифровой трансформации общества.

Формирование ИРНП-среды и введение дифференцированных направлений ИРПНД позволит научным библиотекам в полной мере раскрывать их социально-педагогический потенциал и получать комплексный эффект средового воздействия на самообразование и саморазвитие населения, значимость которых сложно переоценить в условиях формирования экономики знаний и цифрового общества.

Список литературы

1. *Боронина Н. В.* ИРНП-деятельность как неотъемлемая часть деятельности научных библиотек в эпоху цифровизации общества // Научные и технические библиотеки. 2022. № 4. С. 78–89.
2. *Вишнякова С. М.* Потенциал // Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. 1999. [Электронный ресурс]. URL: https://professional_education.academic.ru/1985/%D0%9F%D0%9E%D0%A2%D0%95%D0%9D%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B
3. *Данилина Я. В., Рыбачук М. А.* Системные эффекты и риски цифровой экономики: анализ с позиций системной экономической теории // ЭНСР. 2019. № 3 (86). С. 119–138.
4. *Кузнецов Н. В.* Всеобщая цифровизация и социальные риски // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 10. С. 42–47. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44327907_71010873.pdf
5. *Лопатина Н. В.* Цифровизация: управление проектом или глобальным трендом? // Информация и инновации. 2018. Т. 13. № 2. С. 32–38.
6. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52 (Часть I). Ст. 7753.
7. Об утверждении Стратегии развития библиотечного дела на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.03.2021 № 608-р (ред. от 15.12.2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400356337/>.
8. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 24.12.2018 г. № 16). [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>

*

Поступила в редакцию 14.08.2023

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

Журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

с 01.02.2022 года

- 5.7.3. Эстетика (философские науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

с 21.02.2023 года

- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),
- 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология),
- 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (педагогические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (исторические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (культурология)

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.

2. Объем статьи составляет не менее 20000 и не более 40000 знаков, включая пробелы.

3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 8 и не более 30. References не требуются.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);

б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках, как в загранпаспорте или водительских правах; ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес.

в) Обязательным является указание на УДК, грант или госзадание.

5. Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru

а) Все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

б) До рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75 %. Цитаты занимают не более 20 процентов текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 процентов текста в форме пересказа со ссылкой на источник).

в) Ответственность за содержание публикаций несут авторы. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высылается автору после принятия редколлегией решения о публикации рукописи.

г) Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящимися на рассмотрении в других изданиях.

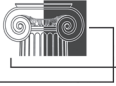

При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т. е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов. От авторов, предлагающих свои материалы к публикации в журнале, редакция ожидает соблюдения следующих принципов:

- оригинальность исследования;
- предоставление достоверных результатов проделанной работы, отсутствие ложных утверждений и ошибочных данных;
- объективное обсуждение значимости исследования;
- недопустимость личных и пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других исследователей;
- получение разрешения на использование (воспроизведение) чужих материалов, таблиц, изображений и обязательное указание автора этих материалов и/или владельца авторских прав на эти материалы;
- представление информации из конфиденциальных источников только с их разрешения;
- представление в качестве соавторов всех участников, внесших существенный вклад в исследование и написание статьи; одобрение окончательной версии работы всеми соавторами и их полное согласие с представлением её к публикации;
- выражение благодарности другим коллегам, не являющимися авторами данной статьи, но повлиявшими на её создание;
- раскрытие потенциальных конфликтов интересов (предоставление информации о работе по найму, консультировании, наличии акционерной собственности, получении гонораров, предоставлении экспертных заключений, патентной заявки или документа о регистрации патента);
- чёткое указание в тексте рукописи сведений о полученных грантах, других источниках финансирования исследования, обо всех других формах поддержки, т. е. фактах, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- незамедлительное сообщение об обнаружении существенных ошибок или неточностей в публикации и взаимодействие с редактором с целью скорейшего исправления ошибок или изъятия публикации, своевременное исправление ошибок и неточностей, выявленных рецензентом или редактором.

Научный журнал «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств» приглашает к продуктивному сотрудничеству!

Для заметок
